

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

На правах рукописи

КРАСНОВ ЕВГЕНИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ

**ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ
В ЛИЧНОСТНОЙ РЕГУЛЯЦИИ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ**

19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук, профессор
Корнилова Татьяна Васильевна

Москва – 2018

Содержание

Введение.....	4
Глава 1. Проблема регулятивной роли эмоционального интеллекта	16
§ 1.1. Эмоциональная регуляция в личностном опосредствовании познавательной деятельности	16
§ 1.2. Эмоциональный интеллект в системе интеллектуально-личностного потенциала человека	40
§ 1.3. Эмоциональный интеллект и личностная регуляция решений и действий у руководителей.....	43
§ 1.4. Постановка проблемы исследования: цели, задачи, гипотезы	50
Глава 2. Эмоциональный интеллект в регуляции выбора на основе подсказки.....	67
§ 2.1. Методика эмоционального предвосхищения.....	67
§ 2.2. Связи предпочтений личностных выборов с эмоциональным интеллектом и толерантностью-интолерантностью к неопределенности	72
§ 2.3. Предикторы личностного выбора на материале методики эмоционального предвосхищения.	79
§ 2.4. Личностные свойства в группах с разными решениями (при возможности взятия эмоциональной подсказки в МЭП).....	89
§ 2.5. Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей.....	95
Глава 3. Связи эмоционального интеллекта со стратегиями многоэтапных выборов и отношением к неопределенности и риску	109
§ 3.1. Проблема психологической регуляции решений в прогностических задачах	109
§ 3.2. Связи стратегий многоэтапных решений с эмоциональным интеллектом, интеллектом и личностными свойствами.....	115
§ 3.3. Восприятие риска и готовность к риску у военных руководителей среднего звена.....	124
§ 3.4. Функциональная включенность ЭИ в связи принятия решений с интеллектом и личностными свойствами.....	133
Выводы	137
Заключение	137

Список литературы	143
Приложения.....	172

Введение

Актуальность исследования. Исследования эмоционального интеллекта (ЭИ) появились в начале 1990-х годов, и в настоящее время этот конструкт утвердился как психологическое понятие. Интерес к нему связан как со стремлением целостно оценить способности человека понимать свои и чужие эмоции, управлять ими, эмоционально взаимодействовать с окружающими, так и с возможностями предсказания результативности в различных видах деятельности (И.Н. Андреева, Д. Гоулман, Д. Карузо, Д.В. Люсин, Дж. Мэйер, П. Сэловей, Е.А. Сергиенко и др.).

Несмотря на установление многочисленных эмпирических закономерностей, роль ЭИ в принятии решений пока недостаточно изучена. Принятие решений связывают и с практическим мышлением (Теплов, 1943), и с практическим интеллектом (Стернберг и др., 2002), в том числе с успешностью межличностных взаимодействий. Д.В. Ушаков обосновал, с одной стороны самостоятельность, с другой – пересечение конструктов эмоционального, социального и практического интеллекта (Ушаков, 2004).

Проблематичным остается понимание ЭИ как когнитивной способности или личностного свойства. В психологии разрабатываются модели способностей (Mayer, Salovey, 1990, 1997; и др.), предполагающие взаимодействие когнитивных и эмоциональных компонентов, а также смешанные модели (Bar-On, 2006; Гоулман, 2008; и др.), включающие личностные характеристики.

В российской психологии обращение к ЭИ подготовлено утвердившейся в культурно-исторической психологии идеей единства интеллекта и аффекта (Выготский, 2005; Тихомиров, 1984). В работах ведущих отечественных психологов одним из фокусов изучения была регуляторная функция эмоций, в частности, в познании (Леонтьев, 1972; Рубинштейн, 2000).

Конструкт «интеллектуальные чувства» представлен в смысловой теории мышления (Васильев, Поплужный, Тихомиров, 1980). Термин Г. Майера «эмоциональное мышление» также предполагал эмоциональную регуляцию

мышления (Maier, 1908). Конструкт ЭИ изначально связан с множественными теориями интеллекта, в частности, с выделением внутриличностного и межличностного интеллектов (Гарднер, 2007).

В отечественных исследованиях по теме ЭИ представлены работы, посвященные измерению способности к распознаванию эмоций (Лицо человека, 2012; Люсин, Овсянникова, 2013; Сергиенко, Ветрова, 2010; и др.), роли ЭИ в вербализации эмоций, связи ЭИ с академическим интеллектом, креативностью, «психологической разумностью» и т. д. Однако регулятивная роль ЭИ в принятии решений (ПР) изучена недостаточно (Корнилова, 2016а).

В ситуациях межличностных взаимодействий при принятии решений в управленческой деятельности ЭИ выполняет продуктивную роль (Врис, 2013; Карузо, Сэловей, 2016; Стэйн, Бук, 2007 и др.). В условиях неопределенности человек опирается на весь интеллектуально-личностный потенциал; и роль ЭИ возрастает, поскольку фокусирует и когнитивные и эмоциональные компоненты ориентировки личности в условиях неопределенности.

В ситуации принятия решений (ПР) как выбора в условиях неопределенности (Decision making), в отличие от решения проблем (Problem solving), стратегии человека менее развернуты, что затрудняет выявление их регулятивных компонентов и требует разработки специальных методик.

Развивающаяся в последние годы психология неопределенности (А.Г. Асмолов, В.П. Зинченко, Т.В. Корнилова, Д.А. Леонтьев, Г.У. Солдатова, М.А. Чумакова и др.) включает в круг своих проблем интеллектуальную и личностную регуляцию выбора в условиях неопределенности, что создает предпосылки анализа роли ЭИ в ПР у лиц различных профессий. В противовес дихотомии рационального-иррационального выборов в концепции множественной многоуровневой регуляции ПР идея единства интеллекта и аффекта развивается в представлениях о динамическом единстве процессов когнитивной и личностной регуляции решений человека (Корнилова, 2005, 2013, 2016а) и динамическом контроле неопределенности при решении прогностических задач (Смирнов, Чумакова, Корнилова, 2016).

В большинстве видов профессиональной деятельности разрешение ситуаций неопределенности предполагает не только предвосхищающую активность и самостоятельные выборы, но также зависимость их от ситуаций, влияющих на процессы целеобразования. Для военных руководителей – это строгая зависимость от нормативных рамок ситуаций в диаде «начальник-подчиненный». И роль ЭИ в принятии ими решений может иметь специфику.

Основной **целью** настоящей работы является определение взаимосвязей эмоционального интеллекта с другими составляющими интеллектуально-личностного потенциала военных руководителей: интеллектом, личностными чертами, отношением к неопределенности и риску, а также выявление регулятивной роли этих психологических переменных в решении прогностических задач.

Объект исследования: эмоциональный интеллект, академический интеллект и отношение к неопределенности и риску в психологическом профиле военных руководителей среднего звена и при принятии ими решений.

Предмет исследования: связи эмоционального интеллекта и других составляющих интеллектуально-личностного потенциала с направленностью личностного выбора военных руководителей среднего звена в моделируемой предметной ситуации взаимодействия с другими и с характеристиками стратегий многоэтапных выборов в динамически изменяющейся ситуации неопределенности (на материале игровой задачи).

Общие гипотезы исследования

1. Эмоциональный интеллект включен в регуляцию прогностической активности, опосредствующей принятие решений, как в моделируемых условиях многоэтапных стратегий, так и в вербальных задачах, репрезентирующих ситуации взаимодействия в служебной деятельности.

2. Эмоциональный интеллект выступает предиктором продуктивного принятия решения как выбора, разрешающего ситуацию неопределенности.

3. Эмоциональный интеллект включен в регуляцию стратегий принятия решений наряду с академическим интеллектом и другими личностными

свойствами – стабильными чертами, свойствами саморегуляции и отражающими отношение к неопределенности и риску.

Частные гипотезы

1. Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности выступают в качестве предикторов использования эмоциональной информации в зависимости от ситуационного контекста, включающего межличностные взаимодействия в рамках служебной деятельности.

2. Эмоциональный интеллект, толерантность к неопределенности, рациональность и свойства саморегуляции выступают в качестве предикторов результативности профессиональной деятельности военных руководителей.

3. Рисуночные подсказки, ориентирующие на использование эмоциональной информации, способствуют продуктивному личностному выбору.

4. Эмоциональный и академический интеллект, а также другие личностные свойства могут выступать предикторами показателей стратегий выборов в прогностических задачах с динамически изменяющимися условиями неопределенности (в Игровой задаче Айова).

5. Показатели множественных решений на первых этапах выполнения прогностической задачи, максимально неопределенных с точки зрения образа ситуации, могут выступать предикторами позитивного учета эмоционального контекста и направленности на разрешение ситуации выбора в других задачах – моделирующих профессиональные взаимодействия участников.

6. Военные руководители среднего звена с более высокими показателями эмоционального интеллекта и готовности к риску могут проявлять «неоправданный оптимизм» – снижение оценок воспринимаемого риска.

Задачи исследования

1. Установление связей ЭИ военных руководителей с другими составляющими их интеллектуально-личностного потенциала (академическим интеллектом, показателями саморегуляции, чертами Большой

пятерки, толерантностью и интолерантностью к неопределенности, субъективной рациональностью и готовностью к риску).

2. Проверка гипотез о роли ЭИ и отношения к неопределенности и риску как предикторов результативности деятельности военнослужащих.

3. Разработка методики эмоциональных предвосхищений (МЭП), включающей условия подсказки для использования эмоциональной информации при выборах человека в ситуациях служебной деятельности, и анализ связей этих выборов с ЭИ и названными психологическими переменными (академическим интеллектом, показателями саморегуляции, чертами Большой пятерки, толерантностью и интолерантностью к неопределенности, субъективной рациональностью и готовностью к риску).

4. Разработка методики выявления когнитивных репрезентаций риска у военных руководителей среднего звена.

5. Проверка гипотез о роли ЭИ, толерантности-интолерантности к неопределенности, свойств саморегуляции, готовности к риску, интеллекта и личностных черт как предикторов стратегий многоэтапных выборов при выполнении прогностической задачи (Игровая задача Айова).

6. Проверка гипотез о связях когнитивных репрезентаций риска с ЭИ, академическим интеллектом, свойствами саморегуляции, готовностью к риску, рациональностью и толерантностью-интолерантностью к неопределенности.

Методологические основы исследования

Исследование проводилось с опорой на положения культурно-исторической концепции о единстве интеллекта и аффекта (Л.С. Выготский, О.К. Тихомиров); психологию неопределенности и подходы к пониманию предвосхищающей активности (А.Г. Асмолов, А.В. Брушлинский, В.П. Зинченко, В.А. Иванников, Т.В. Корнилова, Е.А. Сергиенко, С.Д. Смирнов, Г.У. Солдатова и др.); смысловую теорию мышления О.К. Тихомирова и модели личностной регуляции выборов (Т.В. Корнилова, Д.А. Леонтьев; и др.); модель единого функционирования единого

интеллектуально-личностного потенциала человека и множественной многоуровневой регуляции решений и выборов личности (Т.В. Корнилова); концепции эмоционального интеллекта; понятие образа мира как основы динамического контроля неопределенности (С.Д. Смирнов).

Методы и методики исследования

В работе реализованы психодиагностический и корреляционный, экспериментальный и квазиэкспериментальный подходы.

При обработке данных и проверке статистических гипотез применялись методы описательной статистики; корреляционного, регрессионного, эксплораторного факторного и дисперсионного анализа, реализованные средствами SPSS 21.0, R и Microsoft Excel 2013.

Для качественного анализа свободных ответов испытуемых использован метод *конденсации смыслов* (Бусыгина, 2013).

Для *диагностики направленности выбора* использовалась разработанная методика эмоциональных предвосхищений (МЭП), процедура которой включает возможность самостоятельных выборов в *вербальных задачах*, моделирующих ситуации служебной деятельности, и изменения этих выборов на основе использования «эмоциональной подсказки».

Для *оценки осведомленности военных руководителей о рисках* и особенностях восприятия ими специфических рисков для жизни и здоровья разработан методический инструментарий – анкета для оценки когнитивных репрезентаций риска (МОКР).

Экспертная оценка результативности деятельности военнослужащих на основе утвержденных должностных инструкций (регламентов), включающих квалификационные требования к уровню и характеру знаний и навыков, позволила оценить показатели результативности профессиональной служебной деятельности.

Для моделирования *решения прогностических задач в ситуации неопределенности* применялась компьютеризованная версия методики Iowa Gambling Task – IGT (Корнилова, 2016a; Grasman, Wagenmakers, 2005).

Психодиагностические методики:

Для диагностики *эмоционального интеллекта* использовались опросник ЭмИн (Люсин, 2004, 2009) и тест MSCEIT (Сергиенко, Ветрова, 2010).

Для диагностики *общего уровня интеллектуальных способностей* – Краткий отборочный тест – КОТ (Бузин, 1992).

Для диагностики *личностных свойств* использовались: Новый опросник толерантности к неопределенности – НТН (Корнилова, 2010); шкала толерантности-интолерантности к неопределенности MSTAT-I Д. Маклейна (Луковицкая, 1998); опросник Личностные факторы принятия решений – ЛФР-21 (Корнилова и др., 2010); Краткий опросник Большой пятерки – КОБП, или ТІРІ (Корнилова, Чумакова, 2016); Опросник Стиль саморегуляции поведения – ССП (Моросанова, 2002).

Достоверность и обоснованность результатов обеспечивается теоретической и методологической обоснованностью работы; применением методического аппарата, адекватного целям и задачам исследования; надежностью данных, обеспечиваемой общей величиной выборки ($n = 660$), ее репрезентативностью и адекватными процедурами статистической обработки данных.

Научная новизна

Разработаны две новые методики, расширяющие возможности психологического анализа принятия решений в условиях неопределенности. Первая – *Методика эмоциональных предвосхищений* (МЭП) – позволяет оценивать особенности принятия решений с точки зрения учета эмоционального контекста при решении прогностической задачи в ситуациях межличностного взаимодействия. Вторая методика – *когнитивных репрезентаций риска* (МОКР) – позволяет выявлять особенности индивидуального восприятия источников риска.

Реализован новый подход к процедуре анализа использования приема подсказок, ориентирующих на эмоциональный контекст развития ситуаций,

для раскрытия регулятивного аспекта эмоционального интеллекта (при разрешении ситуации неопределенности личностным выбором).

Впервые описаны связи эмоционального интеллекта с регуляцией стратегий многоэтапных выборов у военных руководителей среднего звена и с когнитивными репрезентациями риска. Предикторами стратегий многоэтапных решений на разных этапах изменяющейся неопределенности выступали готовность к риску, рациональность, контроль экспрессии, эмоциональная стабильность (как свойство Большой пятерки), интеллект. Управление эмоциями и интолерантность к неопределенности выступили значимыми предикторами уверенности при оценках риска.

Впервые на основе концепции множественной многоуровневой регуляции решений прояснены взаимосвязи ЭИ с другими составляющими интеллектуально-личностного потенциала и с принятием решений военными руководителями. Предпосылками личностного выбора выступили: суммарный показатель внутриличностного ЭИ, его составляющие – управление своими эмоциями и контроль экспрессии (по опроснику ЭМИн), использование эмоций (по MSCEIT), а также показатели толерантности-интолерантности к неопределенности и межличностной интолерантности к неопределенности.

Теоретическая значимость

Исследование развивает положение о единстве интеллекта и аффекта, раскрывая регулятивную роль ЭИ (наряду с академическим интеллектом и личностными факторами принятия решений) на новом материале стратегий многоэтапных решений в динамически изменяющейся ситуации неопределенности и моделируемых условий личностных выборов.

Выявление взаимосвязей ЭИ с академическим интеллектом и личностными особенностями (стабильными чертами, свойствами саморегуляции и отношением к неопределенности и риску) в условиях решения разного типа прогностических задач демонстрирует единство

интеллектуально-личностного потенциала человека, что вносит вклад в конкретизацию общей модели множественной регуляции принятия решений.

Установление предикторов стратегий принятия решений в динамике выполнения прогностических задач и в ситуации личностных выборов позволило выявить регулятивную роль ЭИ и включить в представление о динамических регулятивных системах, как интегративных единицах психологического опосредствования принятия решения, компоненты ЭИ.

Выявление показателей интеллекта и ЭИ в качестве предикторов принятия решений в нашем исследовании позволяет критически отнестись к гипотезе «соматических маркеров» А. Дамасио и подчеркнуть роль высокоуровневых процессов регуляции многоэтапных решений в условиях неопределенности.

Раскрытием связей когнитивных репрезентаций риска с эмоциональным интеллектом внесен вклад в психологию риска. Установленный эффект «неоправданного оптимизма» в восприятии риска военными руководителями и более высокие оценки ими не военных источников риска позволяют переинтерпретировать термин когнитивных репрезентаций в «личностные» репрезентации риска.

Практическая значимость

Установленные взаимосвязи толерантности к неопределенности и эмоционального интеллекта с более высокой результативностью военных руководителей среднего звена в их служебной деятельности позволили охарактеризовать специфику регуляторной роли этих личностных свойств, что может учитываться в психологической подготовке военнослужащих.

Полученные данные о предикторах стратегий принятия многоэтапных решений могут рассматриваться как основание использования Игровой задачи Айова для комплексной диагностики интеллектуально-личностной регуляции особенностей принятия решений военными руководителями среднего звена.

Апробированные методики (методика эмоциональных предвосхищений и методика оценки когнитивных репрезентаций риска для жизни и здоровья)

могут использоваться в широком спектре исследовательских задач (например, для развертывания показателей эмоциональных предвосхищений и стратегий принятия решений; для выявления взаимосвязей когнитивных и личностных составляющих восприятия риска).

Результаты могут быть положены в основу создания практико-ориентированных программ индивидуальной психологической подготовки и повышения эффективности принятия решений людьми в военной среде.

Положения, выносимые на защиту

1. Эмоциональный интеллект представлен в регуляции принятия решений в моделируемых условиях межличностных взаимодействий в деятельности военных руководителей следующим образом: он связан с оценкой приемлемости исходов и включен в соотнесение таких составляющих личностного выбора, как направленность на разрешение ситуации неопределенности и учет ее эмоционального контекста.

2. Повышение общего уровня академического интеллекта у военных руководителей среднего звена способствует большей эффективности стратегий принятия решений, что дает основание не сводить регуляцию принятия многоэтапных решений только к эмоциям и широко понятой интуиции, как полагалось в гипотезе «соматических маркеров» А. Дамасио.

3. Эмоциональный интеллект у военных руководителей среднего звена связан с такими личностными переменными, как академический интеллект, толерантность-интолерантность к неопределенности, рациональность, готовность к риску, свойства саморегуляции; эти переменные становятся предикторами в зависимости от этапа решения прогностических задач, т. е. динамики изменений условий неопределенности. Черты Большой пятерки (экстраверсия, согласие, добросовестность, эмоциональная стабильность, открытость опыту) связаны со шкалами ЭИ, но не выступают предикторами многоэтапных выборов.

4. Военные руководители, различающиеся по результативности их профессиональной деятельности, имеют значимые отличия по шкалам ЭИ (в

группе результативных более высокие показатели внутриличностного ЭИ, способности к осознанию своих эмоций, контроля экспрессии) и отношения к неопределенности (более высокая толерантность к неопределенности и низкая интолерантность к неопределенности в межличностных отношениях), но только контроль экспрессии выступает значимым предиктором их результативности.

5. Военные руководители с более высокими значениями ЭИ проявляют «неоправданный оптимизм» – недооценивают риски (8 из 10 видов опасностей, а также по суммарному показателю риска), что свидетельствует об искажениях у них восприятия рисков. С неоправданным оптимизмом связаны также повышение готовности к риску, рациональности и эмоциональной стабильности.

Апробация результатов работы

Основные результаты и положения диссертационного исследования обсуждались на Международном научном форуме студентов и молодых ученых «Ломоносов-2011» (Москва, 2011 г.); на Всероссийской научной конференции «Познание в деятельности и общении: от теории к эксперименту» (Москва, 2011 г.); на V и VII международных конференциях по когнитивной науке (Калининград, 2012 г., Светлогорск, 2016 г.); на Всероссийской научной конференции «Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения)» (Москва, 2013 г.); на XIV Международных чтениях памяти Л.С. Выготского (Москва, 2013 г.); на объединенной Евро-Азиатско-Тихоокеанской конференции по когнитивной науке (Турин, 2015 г.); на IV Международной научной конференции «Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие» (Кострома, 2016 г.), на кафедре общей психологии (2018).

Материалы исследования отражены в 15 публикациях автора.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из введения; трех глав; обсуждения результатов; выводов; списка литературы, включающего

268 источника (из них 69 на английском языке) и 5 приложений. В диссертации содержится 6 рисунков и 15 таблиц. Общий объем диссертации (без приложений) составляет 171 страниц.

Глава 1. Проблема регулятивной роли эмоционального интеллекта

§ 1.1. Эмоциональная регуляция в личностном опосредствовании познавательной деятельности

1.1.1. Предпосылки становления понятия эмоционального интеллекта

В начале XX в. психология сознания сменяется множеством школ. И если представители бихевиоризма (Дж. Уотсон) стремились говорить только о внешне наблюдаемом, то в когнитивной психологии в середине века психологи, рассматривая поведение как опосредствованное познавательными процессами, реабилитировали понятие психики как предмета научного исследования. Обращение к анализу эмоциональной сферы происходило в других подходах – где именно личность выступила на первый план (Г. Олпорт, А. Маслоу, К. Роджерс и др.). Экспериментальные исследования потребностно-мотивационной сферы в школе К. Левина стали связывать направленность поведения с переживаниями субъекта в «психологическом поле», включившем метафорические «плюсы» и «минусы» как характеристики эмоционального отношения к объектам в «поле».

В отечественной психологии, выдвинувшей программу перевода психологии на рельсы марксистского учения, доминирующее влияние на развитие исследований в этой области оказали принципы единства сознания и деятельности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев) и единства интеллекта и аффекта в понимании Л.С. Выготского, учитывающего постановку проблемы Спинозой о необходимости преодоления дуализма Декарта и построении учения о человеке как целостном существе (Спиноза, 1677/2008).

Идея Л.С. Выготского об опосредствовании поведения и становлении высших психических функций позволила переосмыслить и традиционную постановку проблемы принятия решений и воли, как произвольной регуляции выбора (Иванников и др., 2014).

Эти подходы получили методологическое обоснование в трудах выдающихся отечественных психологов, развивавших представления о

личности и смысловой регуляции мышления в рамках культурно-исторического подхода и теории деятельности (А.Н. Леонтьев, О.К. Тихомиров, А.Г. Асмолов и др.), субъектно-деятельностного подхода (А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, Е.А. Сергиенко и др.) и культурно-эволюционного подхода (А.Г. Асмолов и др.).

Во второй половине XX в. ряд зарубежных направлений, видя ограничения когнитивных исследований, стали выдвигать базирующиеся на иных основаниях идеи, учитывающие связи интеллектуальной и эмоционально-личностной сфер человека, многообразие форм его интеллекта и мышления (Г. Гарднер, Дж. Майер, Р. Стернберг и др.). Наряду с этим за рубежом формировались современные когнитивные теории эмоций: познавательная теория эмоций Арнольд, теория контроля за действием Куля, двухфакторная концепция Шехтера – Сингера, теория когнитивного диссонанса Фестингера и др. (Хекхаузен, 2003).

То, что эмоции связаны с мыслительным процессом, отмечалось еще до оформления психологии как науки, при этом в начале преобладали точки зрения о том, что мысли и чувства. На основе разных философских традиций закрепилось противопоставление Разума и Эмоций, что графически было изображено М. Хаузером в его книге (Хаузер, 2008), где различия между «кантовским человеком» и «юмовским человеком» даны в изображении человека с «большой головой» и с «большим сердцем». Обращение к изучению процессов предвосхищений и целеобразования позволило, однако, изменять постановку проблемы.

Положения Л.С. Выготского о том, что мысль рождается не из другой мысли, а из мотивирующей сферы сознания, и об имманентной связи переходов между планами регуляции мышления легли в основу смысловой теории мышления в школе О.К. Тихомирова.

Идея предвосхищающей активности человека, первоначально связываемая с представлениями об антиципации, целеобразовании, роли гипотез в регуляции мышления была раскрыта в отечественной психологии в

контексте социальной, деятельностной детерминации мышления (сопоставление программ вюрцбургской школы и отечественных теорий мышления отражено в дискуссии (Корнилова, 1995; Маттеус, 1995). Идея динамических смысловых систем стала одной из ведущих в последующих исследованиях в рамках школы О.К. Тихомирова (Бабаева и др., 2008; Васильев, 1998; Корнилова, 2005, 2016б; Чумакова, 2010б, 2013; и др.), как и представление о мотивационной регуляции мышления (Арестова, 2006; Васильев и др., 2006; Корнилова, 2002; и др.).

Согласно А.В. Брушлинскому, мысленное предвосхищение, или прогнозирование представляет собой наиболее развернутый процесс только тогда, когда в качестве прогнозируемого выступают не только свойства познаваемого объекта, но и отчасти сам мыслительный процесс, с помощью которого осуществляется познание этого объекта. В этом смысле, любое мышление всегда является продуктивным, творческим, самостоятельным, открывающим нечто существенно новое (Брушлинский, 1978, 1996, 1999).

Проблеме антиципации были посвящены работы Б.Ф. Ломова, Е.Н. Суркова (1980) и Сергиенко Е.А. (2006). Вероятностное прогнозирование рассматривается как предвосхищение будущего, основанное на вероятностной структуре прошлого опыта и информации о наличной ситуации (Фейгенберг, Иванников, 1978).

Более широкий контекст, связующий проблемы активности человека с процессами прогнозирования в преодолении неопределенности, задан в новых подходах к решению психофизиологической проблемы и развитию категорий субъекта, личности и образа мира, пониманию мира человеком в его индивидуальных и универсальных составляющих – в методологических работах отечественных психологов последних лет (Асмолов, Шехтер, Черноризов, 2014, 2016; Сергиенко, 2017; Смирнов, 2016; Смирнов, Чумакова, Корнилова 2016; и др.).

В неклассической психологии, связываемой в первую очередь с культурно-историческим подходом, противопоставление разума и эмоций не

было представлено так, как это сложилось в функциональной психологии. Управление своим поведением, своим мышлением и эмоциями стало пониматься на основе представлений о переходе к высшим психическим функциям на основе их опосредствования психологическими орудиями (позже - знаком) и становления целостной системы сознания человека (Выготский, 1929/1982).

Идея *опосредствования*, сформулированная в рамках культурно-исторической психологии, развивалась в последующем по разным направлениям; среди которых отметим изучение личностного опосредствования поведения (Зейгарник, 1971; Соколова, 2012; и др.), саморегуляции как автостимуляции на основе психологических орудий (Корнилова, 2009, 2011; Пузырей, 1986), двойного знакового опосредствования в условиях использования компьютерных средств (Тихомиров, 1984).

Сегодня она развивается в идее предвосхищающей активности со стороны «образа мира» согласно предложенной А.Н. Леонтьевым (1975) концепции, представленной в работах ряда его сотрудников (Петренко, 2005; Смирнов, 1993; Петухов, 1984).

В контексте проблемы динамического контроля неопределенности фокусируется такой аспект актуалгенеза предвосхищений, как *опережающая прогностическая активность* субъекта, опосредствованная аmodalными глубинными структурами, включающими, в частности, индивидуальную представленность значений и процессы выдвижения познавательных гипотез (Смирнов, 2016). Новый аспект проблемы задает развитие идеи *динамического контроля неопределенности*, связующей когнитивное опосредствование выборов и решений человека с личностным (Корнилова, 2016а,б; Смирнов, Чумакова, Корнилова, 2016; и др.).

Опора на информационный подход и теорию деятельности легла в основу изучения процессов саморегуляции как планирования, самоконтроля и пр. (Моросанова, 2002, 2010, 2011). Саморегуляция стала пониматься не

только в контексте идеи Л.С. Выготского (Корнилова, 2009), но и в более широком понимании личностной регуляции (Леонтьев, 2011) и контроля поведения (Сергиенко, 2009, 2011).

В российской психологической науке, начиная с работ культурно-исторической психологии и выполняемых в рамках деятельностных концепций, изначально принималась идея единства интеллекта и аффекта. В западной психологии тенденция к интеграции интеллектуальной и эмоциональной сфер человека оказалась связанной в конце XX века с разработкой конструкта *эмоционального интеллекта*, раскрываемого первоначально в русскоязычной литературе работами Д. Ушакова, Д. Люсина, И. Андреевой (Ушаков, 2009; Люсин, 2004; Андреева, 2008).

В основу понимания эмоционального интеллекта легли представления о *социальном интеллекте* Э. Торндайка и *множественные теории интеллекта*, в первую очередь введенные Г. Гарднером представления о внутриличностном и межличностном интеллектах (Гарднер, 1983/2007). В 1920 году Э. Торндайк отметил наличие отличительной способности взаимодействия с людьми, включая их понимание, которую именовал социальным интеллектом. Он считал, что именно социальный интеллект связан с успехом в общении и способностью поступать «мудро» в межличностных отношениях. Основной причиной для выделения социального интеллекта как самостоятельной способности или черты послужило частое несоответствие уровня общего интеллекта и успешности личности во взаимодействии с социальной средой (Лунева, 2011).

Разработка представлений о социальном интеллекте также проводилась Г. Олпортом, Дж. Гилфордом и другими психологами. Олпорт трактовал социальный интеллект как особенную способность («социальный дар») точно определять особенности людей, предвидеть их поступки и адаптироваться при осуществлении социального взаимодействия. Сходным понятием выступила коммуникативная компетентность (Л. Петровская, 1982; Вердербер, Вердербер, 2003; и др.).

Высокая корреляция социального и вербального интеллекта (Э. Торндайк), а также статистические данные, подтверждающие нагруженность тестов социального интеллекта по фактору вербального интеллекта без образования отдельного фактора (Л. Кронбах), поставили под сомнение необходимость ввода понятия социальный интеллект (Ушаков, 2009).

Новый всплеск интереса к проблеме начался тогда, когда Питер Сэловей и Джон Майер предложили понятие эмоционального интеллекта (Salovey, Mayer, 1990).

Д.В. Люсин и Д.В. Ушаков обобщили сложившиеся в 90-е гг. представления и обосновали положение конструкта *эмоциональный интеллект* на пересечении областей практического, социального и академического интеллекта (Люсин, Ушаков, 2004).

Ключевыми предпосылками выделения понятия эмоционального интеллекта в качестве самостоятельного предмета психологического исследования выступили: 1) изучение эмоций и их роли в процессе познания (Э. Клапаред, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В.К. Виллюнас); 2) *предвосхищающей функции эмоций* (Е.В. Виноградов, И.А. Васильев, О.К. Тихомиров); 3) изучение роли эмоций в процессе *социального познания* (Г.М. Андреева, Р. Зайонц, Г. Левенталь, С. Фiske и др.); 4) формирование представлений о социальном интеллекте и множественных интеллектах (Э. Торндайк, Г. Гарднер, Дж. Гилфорд, Р. Стернберг).

В истории психологии существовала попытка ввести специальное понятие «эмоциональное мышление», осуществленная в работе Г. Майера. Он предложил классификацию форм человеческого мышления, в которой особое место отвел эмоциональному мышлению. По его мнению, если познавательное мышление ориентировано на нахождение истины, то эмоциональное – на поиски исхода тем или иным аффективным состояниям, из которых оно вышло. Эмоциональное мышление делится на аффективное мышление, связанное с эстетическим и религиозным содержанием, и волевое мышление, связанное с ценностями и нормами (Maier, 1908). Описывая

специфику эмоционального мышления, Г. Майер также отмечал, что познавательный процесс здесь затенен, отодвинут на задний план, фокус внимания сосредоточен на практической цели, для которой познание является лишь побочным средством.

В теории чувств Э. Клапаред отводил важное место «интеллектуальным чувствам», предлагая включить в это понятие также все те элементы мышления, которые В. Джемс обозначает как переходные и которые не репрезентируют предметное содержание. При этом он разводит чувства и эмоции: первые отражают общую установку организма, а вторые уже привязаны к ситуации (Клапаред, 1928/1984).

В российской психологии мысленный прообраз тесной взаимосвязи мыслительных и эмоциональных процессов был подготовлен утвердившейся в культурно-исторической психологии идеей единства интеллекта и аффекта (Выготский, 2005; Тихомиров, 1984). В работах ведущих отечественных психологов одним из фокусов изучения была регуляторная функция эмоций, в частности, в познании (Выготский, 1934/1999; Леонтьев, 1972, 1975; Рубинштейн, 1940/2000; Тихомиров, 1984/2006).

Проблема *единства интеллекта и аффекта* была выдвинута Л.С. Выготским в качестве принципа понимания регуляции мышления человека со стороны мотивационно-смысловой сферы. Положение о том, что каждая идея человека содержит также его отношение к окружающей действительности, конкретизировалось в представлениях об уровневых переходах к смысловому полю при становлении мысли, которая рождается из мотивирующей сферы сознания. Эмоция, по Выготскому, это реакция в критические и катастрофические минуты поведения, как точки неравновесия, как итог и результат поведения, во всякую минуту непосредственно диктующий формы дальнейшего поведения. А эмоциональная реакция, соответственно, представляет реакцию, которая возникает в критические моменты поведения, когда приспособление организма к среде затрудняется

или, наоборот, облегчается, когда равновесие между организмом и средой оказывается нарушенным (Выготский, 1934/1999).

С.Л. Рубинштейн писал о том, что человек, как субъект практической и теоретической деятельности, переживает то, что им совершается и с ним происходит, выражает к окружающему его отношение, а не выступает в роли невозмутимого наблюдателя. Переживание этого отношения человека к окружающему составляет сферу чувств и эмоций. Всякая реальная эмоция обычно включает единство аффективного и интеллектуального, переживания и познания. Причем в действительности нужно говорить не просто о единстве эмоций и интеллекта в жизни личности, но и о единстве эмоционального, или аффективного, и интеллектуального внутри самих эмоций, так же как внутри самого интеллекта. Целостный акт отражения всегда в той или иной степени включает единство двух противоположных компонентов – знания и отношения, интеллектуального и «аффективного», каждый из которых может выступать в качестве преобладающего (Рубинштейн, 2000; Абульханова-Славская, Брушлинский, 1989).

С точки зрения А.Н. Леонтьева, эмоции выполняют роль внутренних сигналов, которые сами по себе не обладают информацией об окружающих внешних объектах, об их связях и отношениях. Эмоции прямо отражают отношения между мотивами и реализацией отвечающей этим мотивам деятельности. При этом речь идет не о рефлексии этих отношений, а о непосредственном их переживании. Эмоции следуют за актуализацией мотива и до рациональной оценки адекватности деятельности субъекта (Леонтьев, 1975).

Согласно В.К. Вилюнасу, эмоции выступают важнейшим фактором регуляции процессов познания, который может значительно упростить или усложнить произвольную регуляцию процессов познания; так, общеизвестно влияние эмоций на процессы воображения. Эмоции даже могут исказить процессы восприятия, при выраженной интенсивности или при определенном стимульном материале (Соколова, 1976). От эмоций зависит большой набор

речевых характеристик, накапливается информация о тонком регулирующем их влиянии на мыслительные процессы. Таким образом, направляя эмоции на причины, сигналы значимых событий, процессы познания тем самым определяют и свою судьбу, впоследствии сами направляясь эмоциями на эти причины и т.д. для лучшего ознакомления с ними и выяснения оптимального способа поведения. Сферы же интеллекта и аффекта, отвечающие соответственно за отражение объективных условий деятельности и субъективной значимости этих условий, имеют взаимодополняющее влияние. А решение вопроса, о том, вся ли мотивация открывается субъекту в виде эмоций, зависит от того, как будет проложена граница, разделяющая переживания эмоциональной и неэмоциональной природы (Вилюнас, 1984).

О.К. Тихомировым на богатом эмпирическом материале показана предвосхищающая функция эмоций в процессах мышления (Тихомиров, 1969, 1984).

В литературе представлены также биологические теории эмоций. Согласно информационной теории эмоций П.В. Симонова (Симонов, 1981), эмоция есть отражение мозгом человека определенной важной потребности (ее величины и качества) и вероятности (возможности) ее удовлетворения, которую мозг оценивает на основе генетического и ранее приобретенного индивидуального опыта. При этом под термином «информация» понимается изменение вероятности достижения цели (удовлетворения потребности) и отражение всей совокупности средств ее достижения: знания, которыми располагает субъект, совершенство его навыков, энергетические ресурсы организма, время, достаточное или недостаточное для организации соответствующих действий, и т.п. Речь идет об информации, необходимой для удовлетворения потребности, а не об информации, актуализирующей потребность. Поведение определяется как такая форма жизнедеятельности, которая может изменить вероятность и продолжительность контакта с внешним объектом, способным удовлетворить имеющуюся у организма потребность.

Теория эмоций П.К. Анохина (Анохин, 1949/1984) построена на основе представления о целостной физиологической архитектуре регуляции любого приспособительного акта. В этой теории эмоций утверждается, что позитивное эмоциональное состояние при удовлетворении потребности возникает, если обратная информация от результатов происшедшего действия точно отражает все компоненты положительного результата и точно совпадает с аппаратом акцептора действия. Биологически этой эмоцией удовлетворения и закрепляются правильность любого функционального проявления и полноценность его приспособительных результатов. Обратный результат ведет немедленно к беспокойству и к поискам той новой комбинации эффекторных возбуждений, которые бы привели к полноценной эмоции удовлетворения.

Согласно единой концепции сознания и эмоций Ю.И. Александрова (Александров, 2009), сознание должно быть сопоставлено с оценкой субъектом этапных и конечного результатов своего поведения, осуществляемой в процессе реализации поведения (как «внешнего», так и «внутреннего») и при его завершении; оценка определяется содержанием субъективного опыта и ведет к его реорганизации. Эмоции характеризуют реализацию систем, формирующихся на самых ранних этапах онтогенеза и обеспечивающих минимальный уровень дифференциации («хорошо / плохо»). Сознание характеризует реализацию систем, формирование которых на более поздних этапах развития обуславливает прогрессивное увеличение дифференцированности в соотношении организма и среды. У любого индивида можно выделить системы минимальной и максимальной дифференцированности (Дифференционно-интеграционная теория..., 2014; Сергиенко, 2014). Таким образом, с позиций единой концепции сознания и эмоций поведение любого индивида обладает обеими характеристиками. Из концепции следует, что чем выше пропорция активных в реализующемся поведении элементов, принадлежащих к низко дифференцированным системам, тем выше интенсивность эмоций.

А. Дамасио согласно предложенной им «гипотезе соматических маркеров» о сущности и предвосхищающей функции эмоций в принятии решений человеком определяет эмоции как набор изменений в состоянии тела и мозга, переключаемых определенной специализированной системой мозга, которая отвечает на специфические содержания восприятия, реальные или вызванные воображением, связанные с особым объектом или событием (Damasio, 1998; Damasio et al., 1991). *Соматические маркеры* присутствуют в виде ощущения эмоциональной привлекательности или отвращения и помогают находить короткий путь при рассмотрении многих возможных вариантов решений, в том числе, когда сложность и неопределенность ситуации не позволяет принять сознательное решение. К обсуждению этой гипотезы мы вернемся в главе 3. Пока только отметим, что в психологии обсуждаются другие уровни эмоциональной регуляции, предполагающие включенность эмоций в психологические системы.

В отличие от этих биологически направленных теорий в психологии для того, чтобы понять, как эмоции включаются в процесс познания, выявлялись функции эмоций. Способность человека посредством эмоций производить целостную оценку хорошо согласуется с такими их характеристиками, как возникновение в *значимых* ситуациях, предметность, зависимость от потребностей, но сигнализирующих о личностных смыслах и др. Поэтому важнейшей выступает *сигнальная* функция эмоций. Основной вывод, следующий из объединенного анализа всех этих характеристик, заключается в том, что эмоции не являются только продуктом мотивационной значимости отражаемых предметов, в них эта значимость непосредственно репрезентируется, переживается и выражается, эмоции сигнализируют о ней субъекту. Эмоции являются тем языком, той системой сигналов, посредством которой человек узнает о значимости происходящего для себя лично.

Побуждающая функция эмоций, проявляется в критических условиях, при неспособности субъекта найти адекватный выход из опасных, травмирующих, чаще всего при неожиданно сложившихся ситуаций. При этом

развивается особый вид эмоциональных процессов – аффекты. Одно из функциональных проявлений аффекта заключается в том, что он навязывает субъекту стереотипные действия, представляющий собой определенный закрепившийся в эволюции способ «аварийного» разрешения ситуаций. К эмоциональному разрешению ситуаций приводят не только аффекты; данная функция свойственна более широкому классу эмоциональных явлений.

Способность эмоций нарушать целенаправленную деятельность легла в основу теорий, подчеркивающих *дезорганизирующую* функцию эмоций (Э. Клапаред). Однако данная характеристика может быть принята лишь с определенными оговорками. Эмоции прежде всего организуют некоторую деятельность, отвлекая на нее силы и внимание, что может помешать нормальному протеканию проводимой в тот же момент другой деятельности. Позитивная функция эмоций в регуляции мышления раскрывалась в исследованиях школы Тихомирова (Арестова, 2006; Васильев, 1998; Тихомиров, 1969; и др.)

Общее регулирующее влияние эмоций заключается в сосредоточении процессов познания на предметном содержании, имеющем эмоциональную окраску. Особо выделяются две взаимодополняющие функции, выполняемые эмоциями по отношению к определенным психическим процессам, то есть представляющие собой частные случаи общего регулирующего их влияния. Речь идет о влиянии эмоций на приобретение и актуализацию индивидуального опыта, а также об эмоциональных компонентах саморегуляции.

Предвосхищающая роль эмоций проявляется в том, что они заранее сигнализируют о возможном приятном или неприятном исходе событий, основываясь на актуализации прошлого опыта. Но механизмы этой сигнализации могут пониматься по-разному.

Эмоции оказывают значительное влияние на процессы памяти. Сильный стресс ведет к нарушению работы памяти, эмоционально окрашенные события запоминаются в целом лучше, чем нейтральные, и при спонтанном

воспоминании некоторое преимущество имеет информация, связанная с положительно окрашенными эмоциями (Нуркова, 2008). В литературе выделяют саморегуляционные функции автобиографической памяти (обращение к воспоминаниям как способ регулировать свое эмоциональное состояние, оживлять чувства и эмоции, регулировать мотивацию) и экзистенциальные функции, связанные с оценкой личностного развития, познанием себя (Василевская, Кабардов, Нуркова, 2011).

Ранее исследования О.К. Тихомирова и Ю.Е. Виноградова позволили выделить эвристическую функцию эмоций. Они показали, что эмоциональные состояния входят в качестве необходимого компонента в состав человеческих эвристик, способствуя более скорому определению верного выхода из ситуации (Тихомиров, Виноградов, 1969). При этом осознание не является обязательным условием для того, чтобы эмоция выполнила функцию антиципации при принятии решений. Но нельзя сводить психологический уровень эмоциональных проявлений к их физиологическим механизмам, посредством которых они функционируют.

В работах В.Е. Ключко и его коллег (Искусственный..., 1976; Ключко, 1978) исследовался процесс порождения познавательных потребностей в ходе деятельности, регулируемой иными потребностями. В этом процессе основным механизмом выступает обнаружение противоречия внутри познавательного поля, ведущую роль в котором выполняют эмоции. При обнаружении противоречия вначале происходит образование эмоционально-установочного комплекса, а затем постановка гностических целей, реализующихся уже как процесс решения познавательной задачи. Таким образом, было показано, что эмоции сигнализируют о познавательном противоречии, инициируют поиск конфликтных элементов, логической структуры противоречия. Тем самым актуализация познавательных потребностей в процессе деятельности ведет к появлению новой мыслительной деятельности.

Представление о синтезирующей роли эмоций делают их общим фундаментом, на который могут проецироваться и вступать во взаимодействие психические образования разных уровней и модальностей в «единое чувство мира», в том числе и познавательные (Смирнов, 2018). Если же рассматривать более глобально эмоциональные переживания, то они могут включаться в целый ряд когнитивных процессов, связанных с осмыслением и переосмыслением личностью происходящих с ней событий и совершаемых ею поступков.

В психологии познания понимание рассматривается как такая мыслительная процедура, которая по своей значимости для познающего окружающий мир субъекта сопоставима с процедурами объяснения, прогнозирования и другими. Эта процедура направлена не на получение нового знания, а на смыслообразование, приписывание смысла знанию, полученному в процессе мыслительной деятельности. Посредством понимания субъект не только познает окружающий мир, но и выражает свое отношение к социальной действительности (Знаков, 2016).

Т.Д. Марцинковской представлены материалы историко-генетического анализа категории переживания, которые позволили выделить в нем два компонента – когнитивный и интенциональный (энергетический). На основании полученных в теоретико-эмпирическом исследовании данных было выдвинуто предположение, что переживание может рассматриваться как механизм, оптимизирующий процесс социализации и объединяющий разные виды идентичности в единое целое. При этом индивидуальные переживания способствуют становлению целостности образа Я, в то время как социальные переживания помогают интернализации социальных норм, правил, эталонов, облегчая тем самым процесс вхождения в социум. При этом переживания рассматриваются как осознанные эмоции, то есть как категория, связывающая собственно эмоции и разум (Марцинковская, 2009).

Культурная и социальная детерминация эмоций отстаивается Дж. Эвериллом, вводящим понятие «эмоциональная креативность» (Averill, 2000).

В этом понятии реализована попытка связать эмоциональную сферу с областью продуктивного мышления. Дж. Эверилл описывает способность к созданию новых эмоциональных реакций, а креативное поведение определяется как создающее с помощью конструирования эмоциональных реакций (Averill, 2000).

Переживание и оценка угрозы лежат в основе когнитивной теории психологического стресса Р.С. Лазаруса (Lazarus, 1966). По мнению Лазаруса, эмоции возникают в тех особых моментах, когда на основе когнитивных процессов делается вывод о присутствии, с одной стороны, какой-либо опасности, а с другой – отсутствие возможности ее избежать. При этом когнитивные процессы обуславливают как качество, так и интенсивность эмоциональных реакций (Lazarus, 1966).

В понятии эмоционального интеллекта эмоции связываются со способностями.

Обращение к проблемам единства или множественности интеллектуальных способностей и их социальной или биологической обусловленности нашло отражение в так называемых системных теориях способностей, в которых сочетаются или расширяются релевантные аспекты биологических, когнитивных, иерархических психометрических и контекстуальных теорий способностей. Способности при этом признаются динамическими и находящимися в сложных взаимосвязях со средами, в которых осуществляется интеллектуальное функционирование и деятельность индивида (Ушаков, 2003).

Наиболее известными системными теориями способностей в настоящее время являются теория множественных интеллектов Г. Гарднера и теория успешного интеллекта Р. Стернберга.

Г. Гарднеру принадлежат первые разработки понятий межличностного и внутриличностного интеллекта. Согласно его теории, существуют *множественные интеллекты*, которые независимы друг от друга и не могут измеряться стандартными тестами. Гарднер сначала выделил семь видов

интеллекта, к которым впоследствии добавил ещё два: лингвистический, логико-математический, визуально-пространственный, телесно-кинестетический, музыкальный, натуралистический, межличностный, интраперсональный и экзистенциальный интеллекты, а потом их стало более десятка (Гарднер, 2007). Все виды интеллектов равноценны, каждый представляет собой особый способ взаимодействия с окружающей действительностью, и оценивание одних интеллектов выше, чем других – это исключительно культурная традиция.

В основу теории *успешного интеллекта* Р. Стернберга вошло определение интеллекта, который понимается, как способность достигать успеха в жизни в соответствии с личными стандартами в рамках социокультурной среды путем адаптации к изменению и выбору среды (Когнитивная психология, 2002). Достижение успеха зависит от сбалансированного сочетания трех относительно независимых способностей (аналитические, творческие и практические). Стернберг заметил, что черты, приписываемые умному человеку в тех случаях, когда люди описывали «академический интеллект», отличались от характеристик, составивших описание «повседневного» интеллекта самими людьми (Стернберг и др., 2002). Это послужило одной из точек роста исследований имплицитных теорий интеллекта (Двек, 2007; Корнилова и др., 2008; и др.).

Г. Гарднер в структуре множественного интеллекта выделяет среди других разновидностей интеллекта также экзистенциальный интеллект, который позволяет человеку задаваться самыми глубокими вопросами – о смысле жизни (Гарднер, 1983/2007).

Способности сегодня связывают и с вершинными уровнями сознания личности, в частности говорят о *духовном интеллекте*. Представлено описание понятия «духовно интеллектуальный индивид», под которым понимается человек, способный погружаться в особые духовные состояния (Ожиганова, 2010). При этом под духовным интеллектом понимается совокупность разнообразных духовных способностей. Выделяются три

уровня/аспекта: моральный, ментальный, трансцендентный. Проблема духовности может рассматриваться в психологии в контексте высших устремлений личности, ее направленности на решение предельных вопросов, связанных со смыслом ее существования и ценностями.

Ориентировка на связи эмоционального интеллекта с вершинными уровнями личностной регуляции и принятием решений позволила Дж. Майеру, соавтору П. Сэловея по теории эмоционального интеллекта, перейти в дальнейшем к конструкту *личностного интеллекта* (Mayer, 2014).

Вопрос о взаимовлиянии и соотношении когнитивных и эмоциональных процессов является актуальным не только для общей психологии, но и при изучении процессов социального познания, где эмоциям отводится довольно существенное место. В научной литературе к решению данного вопроса описаны разные подходы. Так, согласно одному из них, эмоции выступают в качестве особой формы когниций, связывая перцептивные процессы с уровнем абстрактного мышления (Leventhal, 1982). В другом случае, эмоции и когниции рассмотрены как независимые, не пересекающиеся системы процессов социального познания. Согласно этой теории, эмоциональная реакция на стимул может возникать у человека без соответствующей когнитивной реакции (Zajonc, 1985).

К направлениям изучения роли эмоций в социально-познавательном процессе можно отнести наиболее разработанные исследования социальной установки, феномена перцептивной защиты, а также роли настроения в процессе социального познания. Посредством этих механизмов эмоциональный компонент включается в процесс познания социальных объектов (Андреева, 1999). Общение включает не только социальную перцепцию, но и взаимодействие людей в определенных социальных ситуациях, специфика которых может заключаться как раз в необходимости использования эмоционального интеллекта. Так, в работе Е.М. Павловой и Т.В. Корниловой (Павлова, Корнилова, 2012) было показано, как могут взаимодействовать эмоциональный интеллект с другими составляющими, в

первую очередь с отношением к неопределенности и интуитивными предвосхищениями в регуляции личностного выбора. Ими введено понятие «позитивной триады» как комплекса совместного функционирования эмоционального интеллекта, толерантности к неопределенности и креативности (Корнилова, 2016а; Павлова, 2015б; Pavlova, Kornilova, 2016).

При изучении соотношения интуитивных и дискурсивных компонентов мышления при построении вербальных прогнозов в ситуации прерывания просмотра специально снятых видеоклипов были показаны отличия в продуктивных и процессуальных характеристиках принятия решений при разном соотношении склонности субъекта полагаться на интуицию и выраженности различных видов глубинной неспецифической мотивации (Степаносова, Корнилова, 2006; Корнилова и др., 2006).

Однако прогнозы могут осуществляться на разном уровне и отличаться для разного типа задач. *Прогностическими* Л.А. Регуш назвала такие задачи, которые имеют своим требованием построение прогноза и включают ряд признаков: целью решения задачи выступает получение знаний о будущем; условие содержит необходимые, но недостаточные данные для получения прогноза; задача отражает те отношения между данными и искомым, которые имеют вероятностный характер, моделируя вероятностный характер будущего; условие и вопрос задачи строго не регламентируют направление поиска при решении (Регуш, 2003).

В решение прогностических задач включали процессы вероятностного прогнозирования (Фейгенберг, Иванников, 1978), эвристические стратегии принятия решений и вынесения вероятностных суждений (Канеман, 2013; Канеман, Тверски, 2003), антиципация на разных уровнях принятия решений (Ломов, Сурков, 1980). Е.А. Сергиенко подробно изучена роль антиципирующих схем в развитии ребенка (Сергиенко, 2006). Более высокие уровни прогнозирования рассмотрены А.В. Брушлинским (Брушлинский, 1978).

Вместе с тем проблема прогнозирования как эмоциональных предвосхищений остается еще мало разработанной, хотя, как показывает метаанализ (Peña-Sarrionandia et al., 2015), в зарубежной психологии она начинает выдвигаться именно в связи с эмоциональным и социальным интеллектом. В данной работе авторы рассматривают представления об эмоциональной регуляции и эмоциональном интеллекте, показывая область пересечения этих исследований.

Люди с высоким эмоциональным интеллектом выбирают ситуации, которые стимулируют желаемые эмоции или предотвращают нежелательные эмоции; выискивают ситуации, которые вызывают положительные эмоции или избегают тех, которые вызывают отрицательные эмоции. Эмоциональный интеллект, по-видимому, соотносится с более конструктивными стратегиями разрешения конфликтов, хотя структура результатов не совсем ясна (Peña-Sarrionandia et al., 2015).

Майкл Хёргер с коллегами в статье «Эмоциональный интеллект: теоретическая основа индивидуальных различий в аффективном прогнозировании» формулирует конструкт аффективных предвосхищений и рассматривает связи точности прогнозирования с эмоциональным интеллектом (Hoerger et al., 2012).

Указанный метаанализ демонстрирует, что эмоциональная регуляция связана не только с эмоциональным интеллектом, но и с вниманием человека к составляющим социальной ситуации, возможностями ее позитивного переосмысления (включая юмор), предпочтением проблемно-ориентированного копинга и поиском социальной поддержки, а не стратегий избегания или отрицания. Обратимся к теориям эмоционального интеллекта.

1.1.2. Модели и способы измерения эмоционального интеллекта

При рассмотрении этого вопроса обычно выделяются модели способностей и смешанные модели эмоционального интеллекта. Модели способностей предполагают взаимодействие когнитивных и эмоциональных компонентов (Mayer, Salovey, 1990, 1997; и др.).

Наиболее теоретически проработанной концепцией эмоционального интеллекта можно считать модель способностей Дж. Майера и П. Сэловея (Mayer, et al., 1990; Mayer, Salovey, 1997).

В этом подходе эмоциональный интеллект определяется как набор таких способностей, как: способность к *идентификации* эмоций, способность *использовать* эмоции для фасилитации мышления, способность к *пониманию* эмоций и способность к *регуляции* эмоций; при этом все четыре составляющие проявляются как во внутриличностном, так и в межличностном плане. Дж. Майер и П. Сэловей отмечают, что эмоциональный интеллект устроен сходным образом, что и психометрический, так как может быть оценен с помощью задачных тестов, включающих заведомо верные и ошибочные ответы (Mayer, et al., 2001; Salovey, Grewal, 2005). Обоснованием точки зрения о том, что эмоциональный интеллект следует рассматривать в качестве вида интеллекта, является в том числе и наличие его значимых связей с IQ (Корнилова, 2016а; Arteche, et al., 2008; Husin, et al., 2013; и др.).

Смешанные модели (Bar-On, 2006; Гоулман, 2008; и др.), включают в структуру эмоционального интеллекта различные личностные характеристики. Например, модель Р. Бар-Она, определяющего эмоциональный интеллект как множество компетентностей, навыков и некогнитивных способностей, которые помогают справляться с воздействием среды и быть успешным, относится к смешанным моделям эмоционального интеллекта.

Д. Гоулман популяризировал понятие эмоционального интеллекта, в большей степени связывая этот конструкт с эмоциональной сферой человека. По его мнению, в эмоциональный интеллект, или «эмоциональную компетенцию», входят личные и социальные компетенции, например, эмпатия и пр. (Гоулман, 2013).

В современных работах поставлена цель совмещения теорий эмоционального интеллекта, развиваемых в рамках теорий способностей и теорий личностных черт, через введение «каскадной модели эмоционального интеллекта» (cascading model of emotional intelligence). Эта модель предложена Джозефом

и Ньюманом (Joseph, Newman, 2010). Этими авторами описана связь понимания и восприятия эмоций, эмоциональной регуляции с достижениями в работе, а также с когнитивными способностями, эмоциональной стабильностью, сознательностью. По итогам проведенного ими метаанализа, исследование эмоционального интеллекта как когнитивной способности более теоретически обосновано, в тоже время отмечаются существенные гендерные различия в результатах тестирования и недостаток критериальной валидности, тогда как понимание эмоционального интеллекта как скорее личностной способности показывает меньшие гендерные различия и более высокую критериальную валидность и (Joseph, Newman, 2010).

Рядом авторов теоретические положения и концептуальные модели эмоционального интеллекта рассматривались в контексте связей с другими психологическими конструктами (И.Н. Андреева, О.В. Белоконь, И.И. Ветрова, С.П. Деревянко, И.А. Егоров, М. Зайднер, Т.С. Киселева, О.В. Лунева, Д.В. Люсин, Н.В. Коврига, Дж. Мэттьюс, Е.Л. Носенко, А.С. Петровская, Р.Д. Робертс, Е.А. Сергиенко, D.R. Caruso, C. Cherniss, D. Goleman, J.D. Mayer, P. Salovey).

В рамках концепции контроля поведения (Сергиенко, 2009) эмоциональный интеллект рассматривается в качестве подсистемы эмоциональной регуляции, так как отражает способность понимания и регуляции эмоций.

И.Н. Андреева рассмотрела вопросы понимания эмоций, саморегуляции и развития эмоционального интеллекта и предложила ряд методик для изучения эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности (Андреева, 2012).

Современные психологические исследования обращены к различным сторонам эмоционального интеллекта: проблеме измерения и применения на практике (Люсин, 2006; Карузо, Сэловей, 2016; Сергиенко, Ветрова, 2010, 2017; Trinidad, 2002; Zeidner et al., 2008; и др.), ситуативным аспектам актуализации (Деревянко, 2009; Павлова, 2015б; и др.), специфике

взаимосвязи с когнитивными стилями (Овсянникова, 2007, 2014), с «психологической разумностью» (Новикова, Корнилова, 2014), с оценками по тестам достижений (Fannin, 2002), с решением проблем (Schutte, 2000), показателями социализации (Шемякина, Богомаз, 2006), особенностями профессиональной деятельности, а также лидерством и влиянию на характеристики управленческой деятельности (Карпов, 2008; А. Петровская, 2007; Врис, 2013; Карузо, Сэловей, 2016 и др.).

Устоявшимися можно считать представления о том, что эмоциональный интеллект является предиктором значимых достижений в различных областях человеческой деятельности (Стэйн, Бук, 2007; Mayer et al., 2008; и др.). Инконсистентны данные о связях его с успеваемостью (Корнилова и др., 2008; Сергиенко, Ветрова, 2010, 2017; Sanchez-Ruiz et al., 2013). Эмоциональный интеллект предсказывает успешность социальных, деловых отношений, а также физическое и психическое благополучие. При этом эмоциональный интеллект демонстрирует более высокую предсказательную валидность относительно социальных достижений, чем другие показатели интеллекта и личностные черты.

Описаны исследования связи эмоционального интеллекта с такими разнообразными психологическими переменными как уровень агрессии (Castillo et al., 2013), факторы Большой Пятерки (McCrae, 2000), стратегии совладающего поведения (Киселева, Сергиенко, 2015; Корнилова, 2010а), субъективное экономическое благополучие (Киселева, Сергиенко, 2015), здоровье и субъективное благосостояние (Bar-On, 2006), саморегуляция и обратная связь (Fallon et al., 2014), интуиция (Корнилова, Корнилов, 2013), макиавеллизм (Егорова, 2009; Чигринова, 2010), и др.

В медицинской психологии эмоциональный интеллект изучается при таких заболеваниях, как алекситимия, клиническая депрессия, шизофрения и др. (Плужников, 2009; Шемет, Карпюк, 2013; Dawson et al., 2012; Hansenne, 2012; и др.).

Довольно широко представлены исследования, посвященные измерению способности к распознаванию эмоций, оценке психологических особенностей человека по выражению его лица и голосу (Лицо человека..., 2012, 2016; Ананьева и др., 2016; Демидов и др., 2014; Дивеев, Демидов, 2018; Люсин, Овсянникова, 2013, Овсянникова, 2014 и др.). В ряде работ способности опознавать и вербализировать эмоции рассматриваются в качестве базовых компонентов эмоционального интеллекта. Нужно напомнить, что в эмоциональный интеллект включают также понимание эмоций и управление ими, и что переход от измерения эмоционального интеллекта к развитию представлений о регулятивной роли эмоций (а не опознания эмоций по лицам) начал осуществляться через выявление роли эмоций в прогнозировании и в принятии решений (Корнилова, 2016а; Реñá-Sarrionandia et al., 2015; и др.). Петридес с соавторами в последнем метаанализе обосновали, что эмоциональный интеллект должен быть интегрирован в многоуровневые иерархии личности, где-то между высокоспецифичными свойствами, у основания, и широким общим фактором, на вершине (Petrides et al., 2016).

Согласно Д.В. Ушакову, концепция эмоционального интеллекта в научной психологии остается недостаточно проработанной (Ушаков, 2009). Отсутствие единой психологической теории и общих представлений об инструментарии его исследования составляют специфику современного состояния проблемы эмоционального интеллекта.

В обзоре зарубежных исследований, посвященных эмоциональному интеллекту (Matthews et al, 2005), отмечается недостаточная разработанность методического инструментария измерения эмоционального интеллекта, затрудняющая построение теоретической модели данного конструкта. Утверждается необходимость исследований, фокусирующих структуру эмоционального интеллекта и его роль в обеспечении высоких достижений.

В литературе встречаются различные понятия, семантически связанные с понятием эмоционального интеллекта, которые можно определять, как

описание сочетаний или отдельных шкал эмоционального интеллекта. К таким понятиям можно отнести эмоциональную культуру, эмоциональную компетентность, эмоциональную зрелость, эмоциональные способности, и др. (Андреева, 2008).

На российских выборках показано, что эмоциональный интеллект связан с имплицитными теориями интеллекта, однако не может рассматриваться как предиктор академической успешности (Корнилова и др., 2008). Представлены также взаимосвязи эмоционального интеллекта и толерантности к неопределенности с самооценкой интеллекта (Новикова, Корнилова, 2012), с уровнями нравственного самосознания личности (Корнилова, Новотоцкая-Власова, 2009; Корнилова, Чигринова, 2012; Kornilova, Chigrinova, 2014).

Стали выходить работы по выявлению связей эмоционального интеллекта с регуляцией стратегий принятия решений, хотя их еще мало. При изучении принятия решений в межличностном взаимодействии (на материале «дилеммы узника») показано, что эмоциональный интеллект помогает использовать более гибкую стратегию, базирующуюся на стратегии второго игрока (Fernández-Berrocal et al., 2014).

При включении подсказки в решение мыслительной задачи в специально созданной компьютеризированной процедуре «поддержки принятия решений» эмоциональный интеллект оказался связанным с актуалгенезом принятия решений противоречивым образом: увеличение индекса межличностного эмоционального интеллекта оказалось связано с меньшей глубиной взятия подсказки, при этом внутриличностный эмоциональный интеллект был положительно связан со временем обдумывания (Корнилова, 2014).

В качестве пробела в современных зарубежных исследованиях эмоционального интеллекта следует указать тот факт, что он рассматривается вне связей со свойствами, отражающими такие аспекты саморегуляции человека как отношение к неопределенности и риску, стиль саморегуляции, стиль совладания

с неопределенностью, решение прогностических задач. Хотя есть работы, посвященные выявлению связей эмоционального интеллекта с традиционно привлекаемыми измерениями свойств Большой пятерки, характеризующими стабильные личностные черты, но не исследуется именно включенность в регуляцию решений и действий в динамически изменяющихся ситуациях неопределенности.

Актуальным является раскрытие регуляторной роли эмоционального интеллекта. Нашей задачей стало рассмотреть возможность включения представлений об эмоциональном интеллекте в понимание психологической регуляции принятия решений.

§ 1.2. Эмоциональный интеллект в системе интеллектуально-личностного потенциала человека

В отечественной психологии проблематика эмоционального интеллекта была подготовлена двумя направлениями размышлений: принятием идеи единства интеллекта и аффекта, развитой в школе О.К. Тихомирова, и пониманием целостности в организации психологических систем, причем целостности динамической, понимаемой в культурно-исторической психологии как переструктурирование единой системы сознания при выходе тех или иных функций на передний план на разных этапах развития человека (Выготский, 1929/1982). Именно по отношению к принятию решений О.К. Тихомировым были рассмотрены предположения о возможности различного психологического их опосредствования (Тихомиров, 1976).

Развитие идей О.К. Тихомирова о том, что смысловая регуляция мышления включает как когнитивные образования (структуры мышления, операциональные смыслы разных уровней), так и эмоционально-мотивационную регуляцию применительно к принятию решений, отразилось в идее *динамической иерархизации* процессов, посредством которых совершаются решения и выборы человека (Корнилова, Тихомиров, 1990). Необходимость перехода к пониманию динамических взаимосвязей интеллекта и личностных свойств в регуляции решений и действий была

подготовлена как отечественными методологическими работами, обосновавшими открытость регулятивных профилей, если речь идет об открытости человека (Зинченко, 2007; Корнилова, 2005, 2011), так и множеством эмпирических исследований, демонстрировавших выход на ведущий уровень принятия решений различных процессов (ведущей роли то когнитивных, то личностных компонент).

В дискуссии о том, как соотносятся термины выбора и принятия решений, Д.А. Леонтьев и Т.В. Корнилова заняли разные позиции относительно возможности выделения типов выбора по какому-то одному критерию (Леонтьев, 2014; Корнилова, 2016б). Нужно ли выделять простой, смысловой или экзистенциальный выбор, рациональный или иррациональный, интеллектуальный или личностный – этому давались разные обоснования. Мы принимаем позицию, соответствующую модели множественной регуляции принятия решения как выбора в условиях неопределенности, а значит предполагающую взаимодействие процессов когнитивной и личностной регуляции решений человека (Козелецкий, 1979; Корнилова, Тихомиров, 1990; Корнилова, 2005, 2011, 2016 а,б).

Ранее Э.Д. Телегиной, Т.Г. Богдановой и О.К. Тихомировым было выдвинуто понятие структурирующей функции мотива (Тихомиров, Богданова, 1983).

На материале компьютеризированной процедуры выборов в задаче Васона и при варьировании условий неопределенности выявлены влияния факторов неспецифичной (согласно опроснику А. Эдвардса) и специфичной мотивации (шкалы рациональности и готовности к риску согласно опроснику ЛФР) на разные этапы стратегий (Корнилова и др., 2001).

Показано, что структурирующая функция мотивации влияет на мыслительную деятельность: стратегию целеполагания, устойчивость и разработанность перспективного целеполагания, особенности эмоциональной регуляции, соотношение конкретных и обобщенных компонентов решения задачи, степень эгоцентричности (Арестова, 2006, 2008).

М.А. Чумакова показала связи уровней интеллекта и мотивационно-личностной регуляции (Чумакова, 2010а), однако в этой работе еще не был представлен конструкт эмоционального интеллекта.

Эмоциональная регуляция решений косвенно представлена и в регуляции морального выбора. И. Чигринова показала, что в этой области решений, предполагающих ведущую роль нравственного самосознания личности, сосуществуют когнитивная и экзистенциальная парадигмы (Чигринова, 2013).

А.Н. Поддьяков указал на относительность кантовского императива при принятии моральных решений (Поддьяков, 2006, 2010).

С использованием материала моральных дилемм, привлеченных Л. Колбергом для выявления обоснований разных уровней моральной регуляции выбора, Т.В. Корниловой и Е.В. Новотоцкой (2009) была обоснована структурная модель взаимосвязей эмоционального интеллекта с принятием неопределенности (при измерении по методике MSTAT). Также средствами структурного моделирования показаны глубинные связи эмоционального интеллекта с ригидной рациональностью (включая интолерантность к неопределенности) и самоэффективностью (Корнилова, 2016а). Академический интеллект при этом выступил не еще одной латентной переменной, а модератором этих связей.

Однако для перехода к постановке проблемы роли эмоционального интеллекта в регуляции решений или выборов человека, предполагающих неполноту ориентировки в ситуации, необходимо различение ситуаций неопределенности и ситуаций риска (Козелецкий, 1979; Volz, Gigerenzer, 2012; Gigerenzer, 2015).

Эмоциональный интеллект связан со значимыми достижениями, с результативностью профессиональной деятельности, которая включает и интеллект, и принятие решений, и общение, предсказывает успешность социальных, деловых отношений, а также физическое и психическое благополучие.

Особое место конструкт эмоциональный интеллект стал занимать в оценке результативности деятельности руководителей (Красавцева, Корнилова, 2016; Краснов, Корнилова, 2016), чему и посвящен следующий параграф.

§ 1.3. Эмоциональный интеллект и личностная регуляция решений и действий у руководителей

Проблематике результативности профессиональной деятельности руководителей как в государственном, так и в частном секторе в настоящее время придается большое значение. Особый статус, наделяющий их властью управлять деятельностью рабочих коллективов и организаций, возлагает на них высокую степень ответственности за возможные негативные последствия предпринятых действий. Принятие решений в условиях нестабильности и неопределенности сопровождает деятельность руководителя, где он выступает в качестве ведущего и определяет, насколько верным будет курс дальнейшего развития организации.

Проблема дефицита руководителей, способных своевременно ориентироваться и принимать решения в текущих социально-экономических условиях, подчеркивается во множестве работ. Одним из фокусов таких исследований становится образ руководителя и определение психологических предпосылок результативности профессиональной деятельности, в число которых включается и эмоциональное лидерство (Гоулман и др., 2012).

Данные о психологических предпосылках результативности в дальнейшем широко используются в сфере психологического сопровождения управления кадровыми ресурсами, а именно, при составлении требований к профессионально важным психологическим качествам кандидатов на должность руководителя, при подборе персонала (recruiting) и при проведении профессионального психологического отбора кадров, а также в развитии и обучении управленцев (Бок, 2015; Решетников, 2011). Точное измерение эмоционального интеллекта может оказаться выгодным для отбора и подготовки военных руководителей (Barling et al., 2000).

Для профессии военного характерно сопряжение с повышенной сложностью и с особым риском, динамичностью и с широким спектром профессиональных задач, эмоциональным напряжением и высокой ценой возможных ошибок. Такие особенности деятельности обуславливают значительные требования к психологическим характеристикам военнослужащих, а особенно военных руководителей (Стернберг и др., 2002; Решетников, 2011; Смирнов В.Н., 2007).

Несмотря на специфичность характеристик организации сущность управленческой деятельности в частном и государственном секторе отличается незначительно (Божья-Воля, 2009; Kingsley, Reed, 1991; Moon, 2000). Военная служба является видом федеральной государственной службы (ФЗ от 28.03.1998 № 53-ФЗ). И деятельность военного руководителя может рассматриваться в качестве вида управленческой.

Военный руководитель должен быть не просто профессионалом в своей области, имеющим высокую физическую подготовленность, но и уметь управлять социально-психологическим климатом коллектива, оказывать влияние на подчиненных, противодействовать психологическому давлению противника, в том числе в условиях реального боя, быть устойчивым к воздействию различных экстремальных факторов, проявлять настойчивость в достижении долгосрочных целей и уметь контролировать неопределенность ситуации. Если переводить эти свойства в терминологию межличностных различий, у него должны быть развиты эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности.

В работе «Ум полководца», написанной в 1943 г., Б.М. Теплов с точки зрения эффективности практического мышления военного руководителя, в качестве факторов, которые действуют на принятие им решений выделил, факторы дефицита времени и необратимости последствий принятых решений (Теплов, 1943/1990). В то время не применялся термин контроля неопределенности, но описанные особенности прямо связаны с умением

военного руководителя брать на себя ответственность, прогнозировать, правильно рассчитывать ресурсы.

В профессиональном общении в экстремальных условиях между руководителем и подчиненными В.Н. Смирнов выделяет два взаимосвязанных аспекта: взаимодействие, которое регламентируется должностными обязанностями, нацеливая на согласованные действия, и взаимоотношения, возникающие в результате проявления эмоций, переживаний, симпатий (антипатий) друг к другу (Смирнов, 2007).

В современной психологии подчеркивается роль руководителя как лидера. В рамках психологии управления понятия «руководитель» и «лидер» практически идентичны. На практике приветствуется, когда формальный руководитель является одновременно и лидером в коллективе.

В модели трансформационной теории лидерства (Livingstone et al., 2002) руководитель является образцом для подражания, мотивирует и трансформирует подчиненных через интеллектуальную стимуляцию, индивидуальное внимание и идеализированное влияние, вдохновляет их на решение поставленных задач, и обеспечивает видением, как эти задачи выполнить. Метаанализ изучения трансформационного лидерства продемонстрировал эффективность этого стиля руководства в организациях как государственного, так и частного сектора (Fuller et al., 1996; Lowe, Kroeck, 1996). Подчеркивается эффективность трансформационного лидерского поведения в военных условиях, а также концептуальная связь элементов трансформационного лидерства с эмоциональным интеллектом (Гоулман и др., 2012; Livingstone et al., 2002).

Работа с людьми, по мнению П. Друкера, является основой в деятельности управленца (Друкер, 2012). Главное содержание труда в профессиях типа «человек-человек» согласно классификации профессий Е.А. Климова, это эффективное взаимодействие между людьми, что предполагает готовность к управлению ситуациями общения и определенную эмоциональную компетентность.

В структуре управления влияние эффективности взаимодействия на результаты профессиональной деятельности, где общение с окружающими принципиально важно, а уровень принимаемых решений особенно высок, особенно заметно (Полянова, 2015). Д. Джозеф и Д. Ньюман интегрировали данные о положительной связи эмоционального интеллекта с успешностью в эмоционально-интенсивных видах деятельности (Joseph, Newman, 2010).

Согласно Д. Макклелланду, владеющие навыками коммуникации и демонстрирующие более высокий эмоциональный интеллект лидеры эффективней тех, кому не достает этих качеств (McClelland, 1998). Для получения прогностических критериев результативности профессиональной деятельности он предложил изучать сотрудников, которые показали уже высокие результаты в конкретной области, и затем тщательно сравнивать их с теми, чьи достижения не более чем средние.

Эмоциональный интеллект является важной составляющей лидерского профиля руководителя (Егоров, 2006). Если при приеме на работу на начальных этапах карьеры чаще оценивают конкретные технические навыки, то на более высоких должностных позициях в организации именно эмоциональный потенциал защищает от карьерного застоя и сопутствует успешной карьере и (Кетс де Врис, 2013).

Таким образом, эмоциональный интеллект как способность руководителя интерпретировать и распознавать эмоции, управлять своими эмоциями и эмоциями коллег, а также использовать эмоции для повышения эффективности деятельности и общения становится одним из наиболее перспективных ресурсов развития организации (Хлевная, 2012).

Для успешного руководителя, как интегратора, важно уметь создавать такую атмосферу и систему ценностей, которые будут стимулировать людей действовать сообща. Интегратор тонко чувствует других людей и понимает, чем отличается сказанное от того, что человеку хочется сказать, обладает эмпатией, имеет глубокий интерес и уважение к людям (Адизес, 2007). Умение расчистить завалы, встречающиеся на пути, и вдохновить команду, а не

наказания и награды – вот что цениться в компании Google и относится к числу основных качеств руководителя (Бок, 2015).

Лидер направляет коллективные эмоции на создание атмосферы дружелюбия, корректирует негативные настроения, выступая как эмоциональный куратор коллектива. Профессиональный успех команды может определить способность лидера создать настроение единения и вселить в сотрудников энтузиазм (Гоулман и др., 2012).

Эмоциональный интеллект способствует большей удовлетворенности от проделанной работы и связан со снижением склонности к развитию эмоционального выгорания (Панкова, 2010), а также снижает ригидность управленческих решений, повышая их эвристичность (Карпов, 2008).

В обязанности руководителя входит не только взаимодействие с подчиненными, но и реализация целей и задач коллектива. Поэтому несмотря на важность эмоционального интеллекта для эффективного руководства, следует также учитывать, что большая часть обязанностей руководителя представляет собой принятие различных решений, направленных на достижение профессиональных результатов. А принятие решений – это выбор в условиях неопределенности.

Конструкт неопределенности в отечественной психологии сначала обсуждался в контексте теорий восприятия (Соколова Е.Т., 1976), а затем в более обобщенном представлении о взаимодействии личности с миром неопределенности (Асмолов, 2015, 2017; Корнилова и др., 2010; Соколова Е.Т., 2012). Личность в ситуации выбора стала темой ведущих отечественных подходов к личности (Асмолов, 2015; Леонтьев, 2014; Леонтьев и др., 2015).

В рамках школы Т. Адорно – по изучению авторитарной личности – понятие ТН возникло в работах Э. Френкель-Брунsvик (Frenkel-Brunswick, 1948, 1949), рассмотревшей его и как когнитивный феномен, и как личностное свойство. Г.У. Солдатова проанализировала его в контексте личностной устойчивости (Солдатова, 2008).

Толерантность к неопределенности рассматривалась как личностный фактор в связях с Большой пятеркой и готовностью к риску (Корнилова, 2016а), с креативностью (Любарт и др., 2009; Корнилова, 2010б; Павлова, 2015а), с индивидуально-стилевой регуляцией мышления (Корнилова, 2013; Корнилова, Разваляева, 2017), со стратегиями совладания (Корнилова, 2010а; Львова, 2017).

Сегодня конструкт толерантности к неопределенности в большей мере соотносится с понятиями выбора и принятия решений как процессами принятия и преодоления неопределенности, риска и личностного самоопределения (Корнилова, 2005, 2015, 2016 а,б). Принятие решения как преодоление ситуации неопределенности предполагает авторство выбора и ответственность, готовность принимать вызовы неопределенности, мыслить не мыслимое, предполагать децентрализацию как возрастание антихрупкости (в терминологии Н. Талеба, 2013). Толерантность к неопределенности способствует большей открытости к осознанию того, что информация сложна и требует усилий для понимания, в то время как интолерантность к неопределенности способствует упрощению ситуации (Зотова, 2009).

С.Д. Смирнов предложил связывать индивидуальные различия в толерантности к неопределенности с особенностями образа мира конкретного человека (Смирнов, 2016).

Согласно выводам, полученным М. Лэйн и К. Кленке при анализе различных аспектов организационной деятельности, для эффективного лидера представляется важным умение управлять неопределенностью. По мнению авторов, толерантность к неопределенности личности как раз позволяет проявлять настойчивость в достижении долгосрочных целей, которые в отличие от краткосрочных целей не обладают такой ясностью и не дают быструю обратную связь (Lane, Klenke, 2004).

Толерантность к неопределенности не позволяет быть удовлетворенным частными и неоптимальными решениями комплексных проблем (Zenasni et al., 2008). Именно толерантные к неопределенности лица максимально расширяли

сферу своей информированности при принятии решений в вербальных задачах при возможности использования подсказок, в то время как интолерантные не использовали такие подсказки (Корнилова, 2014). Интолерантность к неопределенности, как стремление к ясности (по опроснику ИТН – Новый опросник толерантности к неопределенности) и как непринятие неопределенности в межличностных отношениях, не были в этом исследовании связаны с эмоциональным интеллектом; но снижение межличностной интолерантности к неопределенности, как и снижение показателя понимания эмоций другого человека, действовали в одну сторону – удлинения времени принятия решений «за себя», то есть сопутствовали более длительным размышлениям в ситуации личностного выбора. Однако подобных исследований не проводилось на выборках военных руководителей.

В этих и других работах стала прослеживаться асимметрия свойств ТН и ИТН: ТН не всегда помогает эффективности мыслительной деятельности, творческому и продуктивному принятию решений, но ИТН обычно мешает, выступает в отрицательных корреляциях.

Толерантность к неопределенности способствует руководителю в работе со сложными проблемами, давая возможность не принимать необдуманных решений, искать другие варианты, избегая фиксированности на отдельном, усиливая исследование новой, необычной или сложной ситуации.

Общепсихологическое исследование места и роли эмоционального интеллекта в системах регуляции принятия решений предполагает обращение к выборкам лиц профессий, в которых он необходимо включен в деятельность и общение. Материалом для исследования могут выступать, как реальные ситуации, так и специально моделируемые, предполагающие принятие решений в условиях неопределенности и выделяющие регулятивную роль отдельных компонентов.

Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности можно рассматривать в качестве свойств, способствующих продуктивным решениям.

§ 1.4. Постановка проблемы исследования: цели, задачи, гипотезы

1.4.1. Разработка гипотез и схемы исследования

Проведенный обзор литературы и принятые положения о множественной динамической регуляции принятия решений показывает необходимость изучения эмоционального интеллекта в связях с другими свойствами интеллектуально-личностного потенциала и с динамикой изменений стратегий человека при разрешении им ситуации неопределенности. Отсюда следует, во-первых, необходимость обоснования того экспериментального материала, на котором возможно моделирование условий принятия решений таким образом, чтобы выделять в них именно прогностическую составляющую. Во-вторых, необходимость выделения тех переменных, которые с точки зрения предполагаемых гипотез в первую очередь будут связываться с эмоциональным интеллектом при принятии решений. Это переменные, отражающие отношение к неопределенности и риску, личностная готовность к риску и рациональность, стабильные личностные черты, категоризации риска и академический интеллект.

Мы предполагали, что необходимо не только установить связи эмоционального интеллекта с указанными переменными в психологическом профиле человека, но и выявить связи эмоционального интеллекта с результативностью деятельности. Поэтому мы остановились на выборе групп испытуемых определенной профессии – управленцев. При этом мы имели возможность работы с особыми выборками – военными руководителями среднего звена. В их деятельности, с одной стороны, требуется самостоятельное принятие решений, а с другой, их взаимодействие в общении с другими участниками нормативно (как у людей в погонах). Поэтому мы предполагали, как общность регулятивной функции эмоционального интеллекта – по сравнению с контрольными выборками – в ситуациях, где именно профессиональный статус не влияет на принятие решений, так и особенности эмоционального интеллекта и связей его с другими психологическими свойствами человека в профессиональных ситуациях.

принятия решений. Для этого мы должны были разработать эти профессиональные ситуации с разной возможностью ориентировки на эмоциональный контекст.

Мы учитывали, что большая часть исследований посвящена восприятию эмоций по лицам и меньшая – регулятивной роли эмоционального интеллекта в принятии решений. Именно регулятивная роль эмоционального интеллекта в актах выбора и в стратегиях многоэтапных решений и стала предметом нашего исследования. Г.М. Андреева рассматривает такие характеристики процесса общения как обмен информацией, взаимодействие и восприятие людьми друг друга (Андреева, 2006), при этом отдельно не выделяется область принятия решений.

Тем самым при разработке исследования мы поставили цель перехода к методикам, моделирующим в экспериментальных условиях ситуацию выбора, но для разных типов решений, по-разному включающих эмоциональный интеллект. Для изучения принятия решений наиболее опробованным материалом выступают ситуации вербальных задач, где содержательно можно учитывать ее контексты, и такие игровые ситуации, где последовательность, т.е. множество принятия решений может быть оценена как стратегия человека, полагающегося как на когнитивные, так и на эмоциональные ориентиры.

Необходимо было разработать методику, которая позволила бы изучить вклад эмоционального интеллекта за «вычетом» аспекта восприятия, т.е. идентификации эмоций (они должны были быть явными), но с включением в регуляцию принятия решения ориентировки на эмоциональный контекст ситуаций, который бы включал ситуационно и неопределенность. Структура задачи должна быть такова, чтобы предвосхищения выходов из сложившейся ситуации строились человеком с опорой на эмоциональный контекст взаимодействия с другими в ситуации с разными возможными исходами. Это позволило бы подчеркнуть именно регулятивную роль эмоционального интеллекта в решениях человека. Эту новую методику мы называли *методикой эмоционального предвосхищения* – МЭП (Краснов, 2014).

Обычно в вербальных задачах представлены альтернативы выбора, по которым исследователь судит и об основаниях выбора. В модели вербальных задач как моральных дилемм Л. Колберга предполагается также спрашивать человека о том, почему он выбирает ту или иную альтернативу. Но в способе построения вербальных задач, как фокусирующих интервью с экспертами, Р. Стернберг в само содержание альтернатив вводит основание ее выбора (Стернберг и др., 2002). Это становится возможным благодаря тому, что задачи представляют именно профессиональные ситуации (в работе преподавателей, менеджеров, военнослужащих), выделенные экспертами как наиболее трудные именно потому, что требуют от человека ответственного решения.

Мы также решили включить в методическую процедуру прием *подсказки*, чтобы несколько развернуть обоснование выбора, обычно трудно выявляемое и самим человеком в так называемых закрытых задачах, где определены альтернативы, но не критерии выбора.

Эмоциональная подсказка в работах Е.А. Валуевой и коллег (Валуева и др., 2013; Лаптева, Валуева, 2011) представляла собой краткое эмоциональное воздействие в ходе решения задачи, напоминающего инсайтную ага-реакцию. Однако в случае принятия решений необходимо предполагать другой механизм ее влияния – наведение испытуемого на эмоциональный контекст развития ситуации, что позволит ему проявить эмоциональный интеллект в разрешении проблемы.

В специальном исследовании принятия решения на основе использования чужих знаний в виде подсказки при измерении эмоционального интеллекта, толерантности и интолерантности к неопределенности Т.В. Корниловой были получены принципиально новые результаты о роли отношения к неопределенности (Корнилова, 2014). Испытуемыми были студенты, которые принимали решения в области, где они не были специалистами. Люди с высокой ТН чаще брали подсказки, максимально расширяя для себя зоны как известных, так и неизвестных ориентиров. А компоненты эмоционального

интеллекта не проявили интерпретируемых связей. В исследовании Е.М. Павловой (Павлова, 2015) при сравнении разных групп лиц творческих профессий эмоциональный интеллект также рассматривался в связях с ТН и интуицией. По результатам исследования были обнаружены положительные связи эмоционального интеллекта с толерантностью и интолерантностью к неопределенности и с готовностью полагаться на интуицию. Предпочтение рационального или интуитивного стиля, измеряемых опросником С. Эпстайна, оказалось в свою очередь связанным с интеллектом (Корнилова, Разваляева, 2017).

На основе анализа литературы мы пришли к выбору методического арсенала нашего исследования, предполагая остановиться на уже зарекомендовавших себя средствах психодиагностики, а также к необходимости разработки новой методики, которая позволяла бы сосредоточиться на анализе связей ориентировки человека на эмоциональный контекст с иными компонентами интеллектуально-личностной регуляции выборов.

Для анализа включенности эмоционального интеллекта в стратегии многоэтапных решений мы решили остановиться на уже апробированной на русскоязычной выборке руководителей модели решения прогностических задач, связываемой А. Дамасио именно с эмоциональными предвосхищениями.

В качестве участников исследования мы выбрали военных руководителей.

Если при разработке вербальных задач учитывалось содержание ситуаций, которые могли возникать в деятельности, то для выявления неспецифических – для военных руководителей – взаимосвязей эмоционального интеллекта с другими когнитивными и личностными компонентами регуляции выбора, а также включения множества выборов в экспериментально заданную деятельность, была выбрана модель игровой задачи Айова – Iowa Gambling Task – IGT; для краткости далее Айова-тест.

Айова-тест используется в качестве удобной модели изучения процессов принятия решений, включающих прогнозирование динамических изменений ситуации и вероятностную ориентировку при многоэтапных выборах. Методика разрабатывалась как нейропсихологический тест Антуаном Бешара (Bechara et al., 1994, 2005) и применялась ранее преимущественно для получения данных в пользу гипотезы «соматических маркеров» А. Дамасио (Damasio, 1991, 1998, 2003), предполагающей эмоциональную регуляцию прогностических выборов (как направление – фиксируемые их переживания успешности). Айова-тест достаточно редко использовался при изучении неклинических групп взрослых (Медведева и др., 2013). Эта экспериментальная методика используется для изучения процесса ориентировки и принятия решений в вероятностной среде и позволяет оценивать формирование вероятностных прогнозов (Fukui et al., 2005). Одним из условий, приближающих Айова-тест к модельным представлениям о принятии решений в реальной жизни и делающих его более экологичным по сравнению с другими методиками, оценивающими способности прогнозирования, является отсутствие указания на вероятностное оценивание в инструкции. Зарубежные исследования, использующие Айова-тест на группах нормы, выделяют ведущую роль эмоциональных компонентов регуляции по сравнению с интеллектуальными.

Это было переосмыслено в отечественных работах, продемонстрировавших выход и интеллектуальных, и личностных компонентов регуляции на разных этапах стратегий (Корнилова и др., 2018; Смирнов и др., 2017).

Нами были сформулированы гипотезы о том, что интеллект, эмоциональный интеллект и личностные свойства, отражающие стабильные черты и отношение к неопределенности, могут выступать предикторами показателей выполнения Айова-теста, что будет означать их включенность в регуляцию игровых стратегий. Модель множественных последовательных принятий решений в экспериментально заданной ситуации неопределенности

связывалась А. Дамасио с интерпретацией необходимости метафорических «соматических карт» в качестве предполагаемых эмоциональных маркеров для успешности выборов. Вместе с тем в исследованиях разных авторов показана как роль IQ в успешности стратегий в Айова-тесте (Корнилова и др., 2018; Webb et al., 2014), так и роль ряда личностных свойств, в частности, ТН/ИТН (Красавцева, Корнилова, 2016; Kornilov et al., 2015). Однако отсутствуют работы с одновременным измерением показателей эмоционального интеллекта, академического интеллекта и указанных свойств (отражающих как отношение человека к неопределенности и риску – ТН, ИТН, личностная готовность к риску, так и устойчивых черт – в частности, Большой пятерки). Учитывая роль свойств саморегуляции в профессиональной деятельности, а также ее связи с мотивационной и целевой регуляцией решений (Моросанова, 2011; Корнилова, 2004, 2016а), мы решили также диагностировать это стилевое свойство.

Другой необходимой методикой, которая учитывала бы профессионально значимые для военных угрозы, стала разработка пунктов оценивания военнослужащими разных видов риска. *Категоризации риска* мы также рассмотрели в контексте когнитивно представленных условий преодоления неопределенности.

Схема исследования представляет собой описание результатов 6 проведенных эмпирических исследований с целью верификации гипотез:

Общие гипотезы исследования

1. Эмоциональный интеллект включен в регуляцию прогностической активности, опосредствующей принятие решений, как в моделируемых условиях многоэтапных стратегий, так и в вербальных задачах, репрезентирующих ситуации взаимодействия в служебной деятельности.

2. Эмоциональный интеллект выступает предиктором продуктивного принятия решения как выбора, разрешающего ситуацию неопределенности.

3. Эмоциональный интеллект включен в регуляцию стратегий принятия решений наряду с академическим интеллектом и другими личностными

свойствами – стабильными чертами, свойствами саморегуляции и отражающими отношение к неопределенности и риску.

Частные гипотезы

1. Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности выступают в качестве предикторов использования эмоциональной информации в зависимости от ситуационного контекста, включающего межличностные взаимодействия в рамках служебной деятельности.

2. Эмоциональный интеллект, толерантность к неопределенности, рациональность и свойства саморегуляции выступают в качестве предикторов результативности профессиональной деятельности военных руководителей.

3. Рисуночные подсказки, ориентирующие на использование эмоциональной информации, способствуют продуктивному личностному выбору.

4. Эмоциональный и академический интеллект, а также другие личностные свойства могут выступать предикторами показателей стратегий выборов в прогностических задачах с динамически изменяющимися условиями неопределенности (в Игровой задаче Айова).

5. Показатели множественных решений на первых этапах выполнения прогностической задачи, максимально неопределенных с точки зрения образа ситуации, могут выступать предикторами позитивного учета эмоционального контекста и направленности на разрешение ситуации выбора в других задачах – моделирующих профессиональные взаимодействия участников.

6. Военные руководители среднего звена с более высокими показателями эмоционального интеллекта и готовности к риску могут проявлять «неоправданный оптимизм» – снижение оценок воспринимаемого риска.

Таким образом, эмоциональный интеллект рассматривается нами далее во взаимосвязях с академическим интеллектом и личностными свойствами, в качестве предиктора результативности деятельности военных руководителей и принятия ими решений в игровых стратегиях Айова-теста, а также во взаимосвязи с когнитивными репрезентациями риска.

Цель исследования

Основной **целью** настоящей работы является определение взаимосвязей эмоционального интеллекта с другими составляющими интеллектуально-личностного потенциала военных руководителей: интеллектом, личностными чертами, отношением к неопределенности и риску, свойствами саморегуляции, а также выявление регулятивной роли этих психологических переменных в решении *прогностических задач*.

Задачи исследования

1. Установление связей ЭИ военных руководителей с другими составляющими их интеллектуально-личностного потенциала (академическим интеллектом, показателями саморегуляции, чертами Большой пятерки, толерантностью и интолерантностью к неопределенности, субъективной рациональностью и готовностью к риску).

2. Проверка гипотез о роли ЭИ и отношения к неопределенности и риску как предикторов результативности деятельности военнослужащих.

3. Разработка методики эмоциональных предвосхищений (МЭП), включающей условия подсказки для использования эмоциональной информации при выборах человека в ситуациях служебной деятельности, и анализ связей этих выборов с ЭИ и названными психологическими переменными (академическим интеллектом, показателями саморегуляции, чертами Большой пятерки, толерантностью и интолерантностью к неопределенности, субъективной рациональностью и готовностью к риску).

4. Разработка методики выявления когнитивных репрезентаций риска (МОКР) у военных руководителей среднего звена.

5. Проверка гипотез о роли ЭИ, толерантности-интолерантности к неопределенности, свойств саморегуляции, готовности к риску, интеллекта и личностных черт как предикторов стратегий многоэтапных выборов при выполнении прогностической задачи (Игровая задача Айова).

6. Проверка гипотез о связях когнитивных репрезентаций риска с ЭИ, академическим интеллектом, свойствами саморегуляции, готовностью к

рisku, рациональностью и толерантностью-интолерантностью к неопределенности.

Схема исследований:

Исследование 1: Методика множественного выбора на материале эмоционального предвосхищения в вербальных задачах (на выборке военных преподавателей) – (N = 79) – § 2.2

Исследование 2: Предикторы личностного выбора на материале методики эмоционального предвосхищения – (N = 79) – § 2.3

Исследование 3: Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей – (N = 122) – § 2.4

Исследование 4: Связи стратегий многоэтапных решений с эмоциональным интеллектом и личностными свойствами – (N = 246) – § 3.2

Исследование 5: Связь интеллекта и личностных свойств с когнитивными репрезентациями риска для жизни и здоровья у военных руководителей среднего звена – (N = 122) – § 3.3

Исследование 6: Показатели ориентировки в Игровой задаче Айова как предикторы позитивного учета эмоционального контекста и направленности на разрешение ситуации выбора в задачах, моделирующих профессиональные взаимодействия военнослужащих – (N = 122) – § 3.4

Достоверность и обоснованность обеспечивается теоретической и методологической обоснованностью работы, применением методического аппарата, адекватного целям и задачам исследования, надежностью данных, обеспечиваемой общей величиной выборки ($n = 660$), ее репрезентативностью и статистическими процедурами обработки данных.

1.4.2. Методики измерения эмоционального интеллекта и другие примененные в исследовании методики

В проведенных исследованиях были использованы сочетания приведенных ниже методик.

Для диагностики направленности выбора использовалась разработанная нами *методика эмоционального предвосхищения* (МЭП), процедура которой включает возможность комплексного охвата самостоятельных выборов испытуемых в моделируемых ситуациях и изменений этих выборов на основе использования эмоциональной подсказки.

Для оценки осведомленности военных руководителей о рисках и особенностях восприятия ими специфических рисков для жизни и здоровья был разработан методический инструментарий для *оценки когнитивных репрезентаций риска* (МОКР).

Экспертная оценка результативности деятельности военнослужащих проводилась на основе утвержденных должностных инструкций (регламентов), включающих квалификационные требования к уровню и характеру знаний и навыков, а также показатели результативности профессиональной служебной деятельности, критерии описывающие степень достижения результатов и стандарты ожидаемого уровня выполнения поставленных задач. В роли экспертов выступили непосредственные руководители участников исследования, обладающие всей полнотой информации об особенностях организации деятельности военнослужащих, находящихся в их подчинении.

При разработке типологии содержательных характеристик выбора в методике эмоционального предвосхищения (МЭП) использовалась экспертная оценка свободных ответов испытуемых – вариантов действий во всех шести ситуациях. В качестве экспертов выступили трое экспертов-психологов, имеющих опыт работы в области профессионального психологического отбора кадров более 8 лет. С применением техники *конденсации смыслов* (Бусыгина, 2013) был проведен анализ качественных данных собственных ответов испытуемых с выявлением обобщенных характеристик выборов путем обсуждения по всем шести предложенным ситуациям.

Для моделирования ситуации многоэтапных выборов в условиях неопределенности применялась компьютеризованная версия методики Iowa Gambling Task – IGT (Grasman, Wagenmakers, 2005; Корнилова, 2016а).

Для диагностики как эмоционального интеллекта, так и индивидуальных особенностей совладания с неопределенностью при принятии решений применяются и тесты достижений, и самоотчетные методики - опросники. Последние обычно дают отличающиеся от «объективных» тестов результаты диагностики (Сергиенко, Ветрова, 2010; Gutiérrez-Cobo et al., 2016). Но именно по данным использования опросников можно обсуждать взаимосвязи репрезентаций свойств ЭИ и личностных свойств на уровне самосознания человека.

При выборе методик мы хотели охватить как устойчивые личностные черты (Большая пятерка), так и черты, отражающие динамические отношения к неопределенности (толерантность к неопределенности, готовность к риску). Поскольку мы предполагали также когнитивную ориентировку при решении прогностических задач, в исследовании применялся тест на интеллект.

Методики диагностики эмоционального интеллекта

Диагностика эмоционального интеллекта сталкивается с проблемой соотношения самооценочных и объективных методов его измерения, при этом из-за различного понимания конструкта эмоционального интеллекта ни те, ни другие не могут считаться однозначно предпочтительными для исследовательских целей.

Как отмечают Р. Робертс, Дж. Мэттьюс, М. Зайднер, Д. Люсин (2004), у каждого из двух подходов к пониманию эмоционального интеллекта есть свои сильные и слабые стороны, которые наиболее сильно проявляются в предлагаемых исследовательских методиках.

При оценке методик, базирующихся на смешанных моделях, встает вопрос о способности человека адекватно оценивать свои эмоции и управлять ими. Значимые и высокие значения корреляций шкал методик на эмоциональный интеллект со шкалами личностных опросников

свидетельствуют о том, что данные методики измеряют различные аспекты эмоционального интеллекта.

Методики, основанные на моделях способностей, обладают неплохой критериальной валидностью и измеряют некие конструкты, отличные от всех уже выделенных в психологии способностей и личностных факторов. Однако пока остается неясным, как эмоциональный интеллект соотносится с этими уже выделенными конструктами. Также большой вопрос вызывает подсчет баллов (Сергиенко, Ветрова, 2010).

Можно фиксировать основную направленность усилий современных психологов на разработку нормативных тестов эмоционального интеллекта, которые основываются на разных моделях, а также на выявление связей с внешними показателями успешности человека и продуктивности его деятельности. В гораздо меньшей степени удастся показать эффективность тестов действия для оценки успешности эмоционального интеллекта в моделируемых ситуациях, которые предполагают использование эмоциональной информации.

Однако наименее представленной в экспериментальных разработках остается проблема влияния эмоционального интеллекта на регуляцию решений и действий человека в условиях неопределенности. Значимость обусловлена связью эмоционального интеллекта с принятием решений человеком в реальных жизненных условиях, где каждый конкретный выбор в ситуации субъективной неопределенности может осуществляться при развитии (актуалгенезе) различных базисных процессов и психологических новообразований.

Для максимально полного освещения проблемы эмоционального интеллекта нами было принято решение использовать методики обоих типов. В качестве теста способностей нами был выбран тест MSCEIT в апробации Е. А. Сергиенко и коллег (Сергиенко, Ветрова, 2010; Сергиенко и др., 2010), позволяющий оценить следующие компоненты эмоционального интеллекта в соответствии с моделью Мэйера-Сэловея-Карузо: идентификацию эмоций,

использование эмоций в решении проблем, понимание и анализ эмоций и сознательное управление эмоциями, – а также построить общий балл выраженности эмоционального интеллекта. Для диагностики представлений об эмоциональном интеллекте на уровне самосознания личности нами был выбран тест Д. Люсина (Люсин, 2004; 2009). Опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» (Люсин, 2006) позволяет диагностировать межличностный эмоциональный интеллект (МЭИ) – понимание эмоций других людей и управление ими, и внутриличностный эмоциональный интеллект (ВЭИ) – понимание собственных эмоций и управление ими. Опросник дает баллы по субшкалам, измеряющим различные аспекты *межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта*.

Возможность сопоставления этих методик лежит в их сходной теоретической обоснованности: опросник Люсина, хотя и является самооценочной методикой, но базируется на модели способностей.

Поскольку обследование групп военных руководителей проходило в разные годы, нами использованы два варианта опросника ЭмИн (Люсин, 2004; 2009).

Методики диагностики отношения к неопределенности и риску

В русскоязычной литературе представлено несколько методик, направленных на диагностику *толерантности к неопределенности*. К одной из самой известной из них относится методика Д. МакЛейна (MSTAT) в адаптации Е.Г. Луковицкой (Корнилова, Новотоцкая-Власова, 2009; Осин, 2010). В этом опроснике предполагается одна шкала с полюсами толерантности-интолерантности к неопределенности. Также одна шкала предлагалась в опроснике С. Баднера (первоначально названная шкалой интолерантности). Ее первый русский перевод дан Г. Солдатовой (2008); окончательная психометрическая апробация Т. Корниловой и М. Чумаковой (2014) выявила две шкалы для русскоязычных выборок – толерантность и интолерантность к неопределенности.

В тоже время для русскоязычных выборок был апробирован Новый опросник толерантности к неопределенности – НТН (Корнилова, 2010b), который диагностирует три шкалы: *толерантность к неопределенности* (ТН), *интолерантность к неопределенности* (ИТН) и *межличностная интолерантность к неопределенности* (МИТН – как неприятие неопределенности в межличностных отношениях). В эту методику заложено понимание толерантности к неопределенности как личностного свойства, отражающего готовность принимать новизну, сложность и неопределенность, а интолерантность к неопределенности понимается как стремление внести ясность в неопределенные ситуации или избежать их. Поскольку на основе применения этого нового опросника удастся получить более дифференцированные связи ТН-ИТН с другими свойствами интеллектуально-личностного потенциала человека, мы остановились в выборе на использовании в наших исследованиях этой методики.

Опросник «Личностные факторы принятия решений»

Опросник «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР) Т.В. Корниловой (Корнилова, 1994), в модифицированном варианте ЛФР-21 (Корнилова и др., 2010), выявляет два фактора личностной саморегуляции: 1) *рациональность* как готовность собирать полную информацию для более полной ориентировки в ситуации и для обдумывания собственных решений; 2) *готовность к риску* как принятие неопределенности и готовность принимать решение в ситуации неполноты ориентиров. Рациональность измеряется в качестве психологической переменной, манифестирующей неприятие неопределенности. Переменная готовности к риску, наоборот, предполагает связь с латентной переменной Принятия неопределенности.

Методика диагностики общих умственных способностей

Краткий ориентировочный тест (КОТ), являющийся русскоязычной версией теста Вандерлика, относится к категории тестов общих умственных способностей, разработанных для быстрой предварительной оценки человека. Первым тестом этого направления был «Самоприменяемый тест Отиса»,

недостатком которого являлось то, что результаты тестирования позволяли с достаточной степенью вероятности прогнозировать результативность деятельности сотрудников только со средним и средним специальным образованием. Для высококвалифицированных специалистов корреляция между показателями теста и результативностью работы была небольшая.

Тест Вандерлика является модификацией теста Отиса. Их отличие заключается в том, что тест Вандерлика хорошо работает на выборке высококвалифицированных служащих и руководителей. В основу теста была заложена иерархическая модель способности к обучению П. Вернона, которая состоит в том, что факторы, определяющие способности, можно разделить на факторы нескольких уровней, причем факторы более низкого уровня являются производными факторов более высокого уровня.

КОТ является адаптацией теста Вандерлика, которая была произведена В.Н. Бузиным (Бузин, 1992). В результате адаптации было изменено около половины текстов заданий и структура теста была приведена в соответствие со структурой общих способностей.

Тест состоит из 50 заданий различной сложности. КОТ предназначен для определения интегрального показателя «общие способности». Интегральный показатель теста связан с обучаемостью. Обучаемость отражает общие способности человека, которые выражают познавательную активность субъекта и его возможности к усвоению новых знаний, действий, сложных форм деятельности.

Методика диагностики Большой пятерки

«Краткий опросник Большой пятерки» (ТІРІ, КОБП) – самооценочная методика, которая применяется для диагностики черт Большой пятерки (*экстраверсии, согласия, добросовестности, эмоциональной стабильности и открытости опыту*). Адаптация более известной полной русскоязычной версии Пятифакторного личностного опросника по опроснику 5PFQ, разработанному японским исследователем Х.Тсуйи, была проведена А.Б.

Хромовым (Хромов, 2000; Шмелев, 2002) и включила 75 пар противоположных по своему значению высказываний.

Гослинг с коллегами (Gosling et al, 2003) предложили опросник TIPI – «Десятипунктный опросник личности», который включил список из 10 пар прилагательных (по две пары на каждый фактор: *экстраверсия, согласие, добросовестность, эмоциональная стабильность, открытость опыту*). Испытуемый по 7-балльной шкале оценивает степень своего согласия с каждым из утверждений.

Методика была апробирована Т.В. Корниловой и М.А. Чумаковой (Корнилова, Чумакова, 2016), обладает удовлетворительными психометрическими показателями и может быть рекомендована для экспресс-диагностики соответствующих личностных черт.

Опросник «Стиль саморегуляции поведения»

Опросная методика В.И. Моросановой «Стиль саморегуляции поведения» позволяет диагностировать степень развития осознанной саморегуляции и ее индивидуальные профили, компонентами которых являются частные регуляторные процессы. Степень сформированности индивидуальной саморегуляции является значимым предиктором продуктивности выполнения различных видов профессиональной деятельности, в том числе управленческой.

Методика диагностирует стилевые особенности осознанной саморегуляции, включающие показатели *планирования* (Пл), *моделирования* (М), *программирования* (Пр), *оценки результатов* (Ор), а также показатели развития регуляторно-личностных свойств – *гибкости* (Г) и *самостоятельности* (С) с вычислением *общего уровня саморегуляции* (ОУ).

Саморегуляция осуществляется как единый процесс, обеспечивая мобилизацию и интеграцию психологических особенностей человека для достижения целей деятельности и поведения. Процесс саморегуляции способствует выработке гармоничного поведения, на его основе развивается способность управлять собой сообразно реализации поставленной цели,

направлять свое поведение в соответствии с требованиями жизни и профессиональными или учебными задачами (Моросанова, 2004).

На основе проведенного анализа состояния проблемы единства интеллекта и аффекта и исследований эмоционального интеллекта выделена в качестве исследовательской проблема регулятивной функции эмоционального интеллекта в принятии решений. Условия неопределенности и принятие решений, которое как термин фиксирует выбор именно в условиях неопределенности, в ситуациях взаимодействия с другими и в стратегиях предвосхищений позволяют предполагать значимую роль эмоционального интеллекта. Причем следует предполагать его регулятивную роль именно во взаимосвязях с другими переменными, актуализирующимися в ситуациях неопределенности (толерантность к неопределенности, рациональность и т.д.). Это будет соответствовать идее *динамических регулятивных систем* (Корнилова, 2005) как объединяющих разные процессы в единые регулятивные единицы.

Глава 2. Эмоциональный интеллект в регуляции выбора на основе подсказки

§ 2.1. Методика эмоционального предвосхищения

Эмоциональный интеллект в его регулятивной функции представлен в принятии решений в определенных профессиях. Как описано в ряде исследований (Корнилова, 2016б; Павлова, 2015; Чигринова, 2013; Чумакова, 2010а,б; и др.), именно проведение экспериментов на материале *вербальных задач* дает возможность проводить более широкие обобщения о том, как принимаются решения людьми. Однако вербальные задачи, моделирующие ситуации профессиональных решений (Корнилова, Кондратчик, 1993; Стернберг и др., 2002), отличаются тем, что в альтернативы закладывается использование профессиональных знаний или сложившихся схем мышления, что выглядит как интуиция профессионалов (по сравнению с новичками). Методической проблемой является выявление компонентов личностной регуляции принятия решений в профессионально заданных ситуациях, что требует их специальной разработки.

При разработке такой методики мы полагались на общепсихологические представления об эмоциональном интеллекте и ставили целью конкретизировать возможные направления диагностики эмоционального интеллекта в тех видах профессиональной деятельности, где в регулятивный профиль добавляется влияние со стороны специфики ситуации. Такая специфика характеризует принятие решений военнослужащими. Мы выбрали один из аспектов специфики этого вида служебной деятельности — нормативность взаимоотношений между участниками в ситуации принятия решений.

Для проверки исследовательских гипотез о возможности рассмотрения шкал эмоционального интеллекта как предикторов выборов в профессионально и личностно значимых ситуациях была разработана процедура, которая включала возможность самостоятельных выборов испытуемых в моделируемых ситуациях принятия решений военнослужащим

и изменений этих выборов на основе использования эмоциональной подсказки. В качестве таковой мы рассматривали демонстрацию возможности развития ситуации в контексте связываемых с тем или иным исходом эмоций героя и других участников ситуации.

При разработке *методики эмоционального предвосхищения (МЭП)*, мы использовали *подсказку* в виде рисунка-иллюстрации, выступившей средством актуализации использования эмоциональной информации для принятия решения испытуемым. Предполагалось, что наведение участника на эмоциональный контекст развития ситуации позволит ему проявить эмоциональный интеллект в разрешении проблемы.

В качестве стимульного материала МЭП выступили вербальные описания ситуаций неопределенности, предполагающих необходимость их разрешения тем или иным выбором (см. Приложение 2).

Таблица 1. Пример ситуации в вербальной задаче

Вы с коллегами присутствуете на рабочем совещании. В ходе совещания начальник высказывает несправедливую критику в Ваш адрес в довольно резкой форме относительно Вашей работы, после чего ставит Вам очередные задачи на следующий период. Что Вы будете делать?
Вас огорчает несправедливая критика начальника, и после совещания в неформальной обстановке Вы обсуждаете эту ситуацию с коллегами.
Вы сохраняете самообладание, выслушиваете очередные поручения, а после совещания наедине высказываете начальнику Ваши возражения относительно критики, подчеркивая его неправоту.
Вы спокойно фиксируете очередные поручения, мысленно высказывая начальнику все, что о нем думаете.
В ответ Вы выражаете начальнику во время совещания своё несогласие с критикой, доказывая Вашу правоту.

Подсказки, данные испытуемым после их первичного выбора и отражавшие последствия этого выбора в эмоциональном контексте, были представлены рисунками-иллюстрациями, выступившими для нас средством актуализации использования эмоциональной информации для принятия решения испытуемым.

Эмоциональная окраска стимульного материала подсказок была задана форматом рисунков, в которых, согласно нашим предположениям о

необходимости снятия (нивелирования) трудностей опознания развития эмоционального контекста, именно эмоции персонажей были четко выражены. Вместе с тем выявление степени этой четкости: опознание тех или иных эмоций в рисунках нами дополнительно оценивалось в специальной серии (на другой группе испытуемых, не входивших в основную выборку). Такой тип рисуночной подсказки снимал задачу идентификации эмоций участников ситуации и акцентировал эмоциональный контекст вследствие того или иного выбора «героя».

По мнению других авторов, эмоциональная подсказка представляет собой краткое эмоциональное воздействие в ходе решения задачи, напоминающего инсайтную ага-реакцию (Валуева и др., 2013). Однако в случае моделируемого в вербальной задаче принятия решений необходимо предполагать другой механизм ее влияния – наведение испытуемого на эмоциональный контекст развития ситуации, что позволит ему проявить эмоциональный интеллект в разрешении проблемы. На рисунках 1 и 2 представлены варианты использованных подсказок МЭП.

Как показали работы С.Л. Рубинштейна, Я.А. Пономарева, О.К. Тихомирова и других исследователей, для эффективной роли подсказки важно, что решающий задачу человек провел самостоятельную ориентировку и подошел к сензитивному этапу (принятия подсказки).

Направленность на выявление процесса принятия решения как включающего использование эмоциональной информации обусловила ту особенность предполагаемых ситуаций выбора, что они не должны были ставить специальную задачу идентификации эмоций (Краснов, 2014).

Для того чтобы отделить именно процессы идентификации эмоций от регуляторной роли использования эмоциональной информации, эмоции участников ситуации на подсказках-иллюстрациях должны были быть четко выражены (Краснов, 2014).

Рисунок 1. Вариант рисунка-подсказки МЭП

Рисунок 2. Вариант рисунка-подсказки МЭП

Основной целью этой части работы выступила разработка методики эмоционального предвосхищения с включением условий, способствующих использованию эмоциональной информации для регуляции выбора.

Процедурно методика (МЭП) реализовывалась в трёх этапах.

На первом этапе участник формулировал в каждой задаче собственные варианты того, что он стал бы и не стал бы делать.

На втором этапе по каждой задаче предъявлялся бланк с четырьмя альтернативными вариантами исходов ситуации (таблица 1). Формулировка каждой альтернативы содержала два параметра: учёт эмоциональной информации (использовался ЭИ / не использовался ЭИ) и разрешение неопределённости при принятии решения (разрешена ситуация / ситуация не разрешена). Четыре альтернативы сочетают в себе все возможные значения двух упомянутых параметров. В таблице 2 представлен ключ, позволяющий идентифицировать эффективность выбора (таблица 2):

После выбора в задаче (этап 2) участник оценивал предложенные автором альтернативы и собственные варианты, по шкале *приемлемости*.

В методике эмоционального предвосхищения была включена такая процедура оценивания испытуемыми приемлемости заданных альтернатив (наряду с собственным выбором) по 7-балльной шкале Лайкерта. Эти оценки давались в каждой вербальной задаче после осуществленного участником выбора.

Таблица 2. Типы альтернатив в процедуре МЭП

		Учет эмоциональной информации	
		Есть	Нет
Разрешение неопределенности	Есть	«Интегративное» решение	Разрешение неопределенности
	Нет	Ориентировка на эмоции	«Пустое» решение

Затем на третьем этапе испытуемому предлагается сделать по каждой задаче *предварительный выбор* одной из четырёх альтернатив, предложенных экспериментатором, наиболее близкой к собственному варианту. После чего ему предъявляется одна из четырёх возможных «эмоциональных подсказок» в

виде рисунка-иллюстрации, задающая ориентиры для понимания возможного развития ситуации и эмоций ее участников. Вариант предъявляемой подсказки определяется с учетом предварительного выбора испытуемого и иллюстрирует дальнейшее развитие ситуации. Затем участник осуществляет *окончательный выбор* альтернативы из предложенных вариантов или собственных. Дальнейшая проверка гипотез в исследованиях 1-3 осуществлялась на основе разработанной методики эмоционального предвосхищения.

§ 2.2. Связи предпочтений личностных выборов с эмоциональным интеллектом и толерантностью-интолерантностью к неопределенности

Исследование 1: Методика множественного выбора на материале эмоционального предвосхищения в вербальных задачах

Участниками исследования были военные преподаватели (N=79; возраст от 22 до 68 лет; M = 39,36; SD = 8,31; 71 мужчин и 8 женщин, все с опытом руководящей деятельности).

Схема исследования представляла собой:

- 1) индивидуальное предъявление участникам методик;
- 2) анализ надежности и внутренней согласованности выборов.

Экспериментальный материал методики (МЭП) включает шесть вербальных задач, моделирующих житейские и профессиональные ситуации принятия решений. Первые две задачи моделируют ситуации принятия решений при взаимодействии с руководителем, следующие две – при взаимодействии с коллегами, последние – проблему эмоциональной саморегуляции без включения в ситуацию общения с другими людьми (Краснов, 2014). Для нивелировки «эффекта последовательности» применялась схема реверсивного уравнивания (Корнилова, 2012).

Результаты исследования 1

I. Оценки приемлемости и согласованность выборов

Мы сосредоточились на анализе оценок самими участниками *приемлемости* предлагаемых им альтернатив для принятия решения. При этом

различия альтернатив содержательно задавались так, что в самих формулировках исходов, предложенных испытуемому, заключалась возможность использования или не использования ориентировки на *эмоциональный контекст* ситуации и *эмоции* героя и участников ситуации, на позитивное или негативное разрешение заданной ситуации неопределенности.

1. «Интегративное» решение, включающее учет эмоциональной информации ЭИ+ и разрешение неопределенности РН+, исходя из анализа средних оценок приемлемости альтернатив по всем шести ситуациям (см. рисунок 3), оценивалось как высоко приемлемое в 5-й и 6-й ситуации. Для 2-й и 3-й ситуаций оно оценивалось как наименее приемлемое, а для 1-й и 4-й ситуаций – как средне приемлемое.

Исходы, не включающие использование ориентировки на эмоциональный контекст ситуации и не приводящие к разрешению ситуации оказались наиболее приемлемыми в 4-й из 6-й задаче.

2. Оценка приемлемости своих альтернатив участниками, по данным корреляционного анализа показателей приемлемости альтернатив, оказалась почти не связанной с оценкой приемлемости предложенных в задачах альтернатив в целом, что подтверждает отсутствие эффекта «выделения» своей альтернативы в контексте приемлемости за счет других альтернатив.

3. В качестве основы для определения надежности методики с точки зрения оценивания внутренней согласованности МЭП по материалам шести ситуаций выступили оценки приемлемости альтернатив участниками для каждой вербальной задачи. Для этого проверялась возможность рассмотрения общего фактора похожести индивидуальных ответов (оценок) на средние (центроидные векторы).

При этом для каждой ситуации подсчитывалось расстояние Махаланобиса, которое отражает степень отклонения вектора оценок испытуемого от среднего вектора по выборке. Обоснование такой процедуры подсчетов индивидуальных индексов принятия решений в вербальных задачах дано в работе (Стернберг и др., 2002).

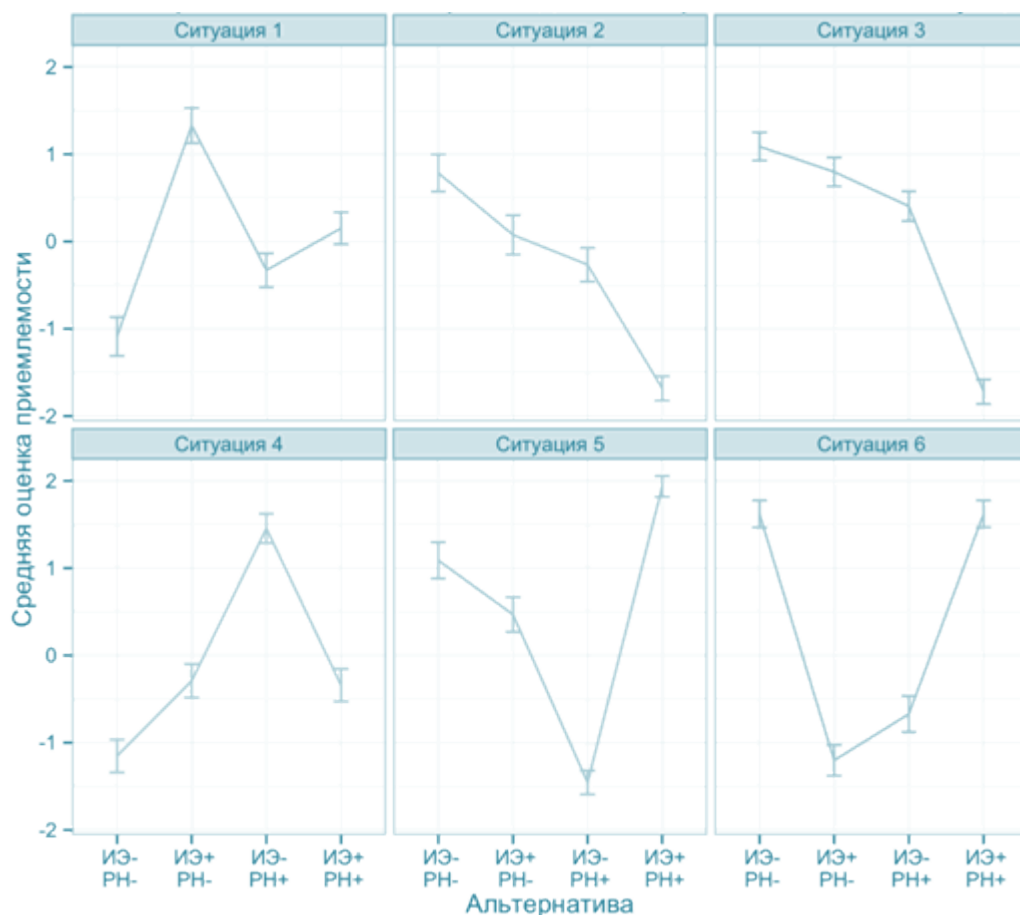

Рисунок 3. Оценка приемлемости четырех видов альтернатив в шести ситуациях

Примечания. ИЭ+ = использование эмоциональной информации; ИЭ– = отсутствие использования эмоциональной информации; РН+ = разрешение ситуации неопределенности; РН– = отсутствие разрешения ситуации неопределенности.

Подсчет коэффициента альфа Кронбаха при использовании 6 расстояний (по одному на каждую ситуацию) выявил относительно высокий показатель внутренней согласованности, $\alpha = 0,70$.

4. Эксплораторный факторный анализ, проведенный по методу выделения главных осей, также показал наличие одного явного фактора, охватывающего около 50% дисперсии и стоящего за всеми шестью подсчитанными расстояниями Махаланобиса. В сочетании с высокой степенью согласованности альтернатив этот результат можно считать, как предварительно свидетельствующий о приемлемых психометрических качествах МЭП при использовании этого метода подсчета. Полученный итоговый показатель можно трактовать как общий фактор «непохожести»

вектора оценок приемлемости по 6 ситуациям. То есть чем больше значение расстояния Махаланобиса в целом, тем дальше индивидуальный вектор от среднего по выборке (Краснов, 2014).

II. Связи решений на основе методики эмоционального предвосхищения с эмоциональным интеллектом

1. Выделенный общий фактор оценки приемлемости заданных альтернатив оказался положительно связанным со шкалой В2 – управление своими эмоциями ($r = 0,27$, $p = 0,02$) и общим внутриличностным интеллектом – ВЭИ по опроснику эмоционального интеллекта ЭМИн ($r = 0,23$, $p = 0,04$). Таким образом, чем выше ВЭИ, тем более не похожи оценки приемлемости альтернатив испытуемого на вектор средних по выборке.

2. Были рассчитаны также вторичные показатели приемлемости как показатели «склонности» выбора определенной альтернативы. Поскольку каждая альтернатива (из четырех предложенных в каждой задаче) содержит два параметра: учет эмоциональной информации (ИЭ+ или ИЭ–) и разрешение неопределенности (РН+ и РН–) при принятии решений, то можно рассчитать общие показатели по ИЭ и РН путем суммирования всех баллов по альтернативам с ИЭ+ / РН+ и вычитания из них ИЭ– / РН– (Краснов, 2014). Такие производные, или вторичные, общие баллы оказались связанными с несколькими шкалами эмоционального интеллекта (ЭИ).

Общий индекс использования эмоционального контекста (ИЭ) оказался положительно связан с М3 ($r = 0,32$, $p = 0,004$) и В2 ($r = 0,23$, $p = 0,049$), то есть чем больше ЭИ по опроснику эмоционального интеллекта ЭМИн, тем выше оценка приемлемости альтернатив, предполагающих использование эмоциональной информации (и тем ниже оценка приемлемости альтернатив, не использующих эмоциональную информацию).

Обсуждение результатов

В предложенной методической процедуре МЭП участники делали собственные выборы, а также оценивали приемлемость альтернатив в предложенных шести ситуациях принятия решений. В этой части работы мы

рассматривали не особенности собственных решений, а согласованность оценок предлагаемых альтернатив, развиваемых в рисунках-иллюстрациях как «эмоциональных подсказках». Тот факт, что приемлемость собственного решения не была значимо связана с приемлемостью предложенных исходов, нужно рассматривать в процедурном контексте: первоначальные «свои» решения предлагались безотносительно к их последующей оценке; но из заданных в Методике эмоционального предвосхищения потом выбиралась наиболее близкая альтернатива.

Субъективная оценка схожести своей и предложенных исходов осуществлялась испытуемым, но не измерялась нами; ее не следует путать с последующими измерениями приемлемости предложенных исходов в задачах.

Именно по вектору приемлемости строился вторичный показатель (расстояние Махаланобиса), который позволил вычислить надежность (оценок приемлемости выборов) по «альфа» Кронбаха для всех шести задач. Величина этого коэффициента позволяет рассматривать МЭП по аналогии с тестами ситуационных суждений (Корнилов, Григоренко, 2010), то есть говорить о хорошей внутренней согласованности и надежности предложенных вербальных задач. Согласованность задач, кроме коэффициента Кронбаха, выразилась в возможности идентификации общего фактора, охватывающего более 50 процентов вариабельности результатов в оценках приемлемости альтернатив.

При этом важно учесть, что «эмоциональные подсказки» получались испытуемым только по отношению к выбранной альтернативе. В отличие от ситуационных тестов мы видели в этом экспериментальный прием возможного влияния на выбор испытуемого.

Из психологии мышления известно, что подсказка помогает правильному решению только тогда, когда в результате предварительных попыток решения испытуемым уже сформировано некое познавательное противоречие (в условиях и требованиях к решению) (Пономарев, 1976). В отличие от ситуаций решения проблем ситуации принятия решений не

включают раскрытие механизма связи неизвестного искомого и условий задачи. Поэтому опробование попыток решения – это и есть оценивание испытуемым приемлемости альтернатив. Включение эмоционального контекста подсказкой в выбор шло тем самым уже после сформированного в вербальном (содержательном и смысловом) плане образа ситуации. Возможность последующего сравнения предварительного и окончательного выборов составит отдельную исследовательскую цель. Нам же пока важно было посмотреть, насколько ЭИ как способность испытуемого была связана с особенностями построения образа ситуации, выраженного в предпочтениях им приемлемости альтернатив в задачах. Два вида построенных вторичных показателей позволили нам решить эту задачу.

Тот факт, что высокий *внутриличностный интеллект* и, в частности, шкала *управление своими эмоциями* (B2) были связаны с большим отклонением по вектору *приемлемости* от средних или типичных оценок по группе, говорит о том, что этот вид ЭИ либо помогает более тонкому выделению эмоционального контекста, либо препятствует принятию групповых клише в оценивании приемлемости альтернатив. В любом случае отклонение в ситуационных оценках в МЭП выше у тех, у кого более высокий эмоциональный интеллект.

Корреляции величины общего индекса использования эмоционального контекста (ИЭ) в ситуациях не только со шкалой B2, но и со шкалой M3 – направленность на *контроль эмоций других* людей, характеризует также более высокую оценку приемлемости исходов, включающих ориентировку на эмоциональный контекст ситуации (и, соответственно, более низкую – не включающих ориентировку на эмоции других людей). В целом это позволяет предварительно принимать гипотезу об ЭИ как личностном регуляторе использования эмоциональной информации при принятии решений в ситуациях МЭП, имея в виду и ориентировку на контроль своих эмоций, и на управление эмоциями других. Для оценивания самой методики это означает достигнутую содержательную валидность – по параметру включения именно

эмоциональной информации при принятии решений в условиях межличностного взаимодействия в обдумывание человеком исходов в ситуациях МЭП.

Как показывает общий индекс *разрешения ситуации неопределенности* (РН), ориентировка на эмоции не способствует предпочтению таких «позитивных» исходов.

Анализ графиков со средними векторами оценки альтернатив также показывает, что разрешение ситуации неопределенности лишь в половине случаев (ситуации 4, 5 и 6) учитывается в предпочитаемой альтернативе, а сочетание *разрешения ситуации* с использованием *ориентировки на эмоциональный контекст* – только в трети (ситуации 5 и 6).

Представленность в наших 6 ситуациях всех трех случаев – низкой, средней и высокой оценки приемлемости альтернатив, одновременно ориентирующих и на использование эмоциональной информации, и на разрешение ситуации (причем по 2 задачи на каждый случай), позволяет нам видеть диагностический аспект МЭП – идентификации по принятию решений человеком того, в какой степени у него сбалансирована в решениях эта двоякая направленность.

По результатам исследования сделаны следующие **выводы**:

1. Методика эмоционального предвосхищения (МЭП) продемонстрировала высокие показатели внутренней согласованности (надежности), если используются не первичные оценки испытуемых, а вторичные показатели, интегрирующие оценки приемлемости выборов в предложенных 6 задачах (альфа Кронбаха, $\alpha = 0,70$).

2. Эксплораторный факторный анализ, проведенный по методу выделения главных осей, также показал наличие одного явного фактора, охватывающего около 50% дисперсии и стоящего за всеми шестью подсчитанными расстояниями Махаланобиса. Полученный итоговый показатель можно трактовать как общий фактор «непохожести» вектора оценок приемлемости по 6 ситуациям.

3. Выявлены связи увеличения индексов по шкалам опросника эмоционального интеллекта ЭМИн (управление своими эмоциями и контроль эмоций других людей) с более сильными отклонениями от среднегрупповых оценок приемлемости исходов.

§ 2.3. Предикторы личностного выбора на материале методики эмоционального предвосхищения.

Исследование 2 проводилось на той же выборке военных преподавателей, что и исследование 1 ($N=79$; возраст от 22 до 68 лет; $M = 39.36$; $SD = 8.31$; 71 мужчин и 8 женщин, все с опытом руководящей деятельности).

Целью исследования выступило рассмотрение характеристик эмоционального интеллекта (ЭИ) и толерантности к неопределенности (ТН) в системе предикторов личностного выбора и описание разработанной типологии содержательных характеристик выборов на материале собственных вариантов ответов испытуемых по предъявленным ситуациям в методике эмоционального предвосхищения (МЭП) и (Краснов, Чумакова, 2014).

Мы также поставили дополнительную задачу рассмотреть роль подсказки-иллюстрации при принятии решений на материале МЭП на большей выборке, чем это было ранее (Краснов, 2013).

Гипотезой исследования явилось предположение, что шкалы ЭИ и толерантности к неопределенности будут выступать в качестве предикторов использования эмоциональной информации в зависимости от контекста ситуаций МЭП в рамках служебной деятельности.

При этом мы предполагали выявить не стабильность (инвариантность) выборов в разных ситуациях, как ожидалось бы в случае ситуационных тестов, а зависимость личностного выбора от содержания моделируемой в задаче нормативной ситуации, возникающей в рамках служебной деятельности. Таким образом, ориентировка на эмоциональный контекст ситуации соотносилась с выбираемыми и отвергаемыми решениями при учете того, что

неопределенность личностного выбора была регламентирована рамками служебных отношений (для людей «в погонах»).

Для диагностики эмоционального интеллекта, мы решили использовать объективированный тест и опросник самоотчета, учитывая информацию о возможном рассогласовании данных, получаемых методиками обоих типов (Сергиенко, Ветрова, 2010), поскольку применительно к нашему материалу задач соотношение ситуационного и диспозиционального контекстов включения ЭИ в регуляцию выбора являлось не проясненным.

Методики

1. Методика эмоционального предвосхищения (МЭП) (Краснов, 2014);
2. Опросник эмоционального интеллекта «ЭМИн» (Люсин, 2006).
3. Методика MSCEIT V2.0 Мэйера-Сэловея-Карузо в адаптации Е.А. Сергиенко (Сергиенко, Ветрова, 2010);
4. Новый опросник толерантности к неопределенности (НТН) (Корнилова, 2010б);

Нами диагностировалась селективная выборка лиц, реально включенных в служебную деятельность и на практике знающих последствия как использования, так и не использования эмоциональной информации в рамках служебной деятельности. При этом применяемый в МЭП прием развертки последствий *эмоционального контекста* развития ситуаций задавал возможность лучшего его осознания, но прямо не направлял выбор испытуемым решения.

В рамках исследований 1 и 2 нами проверялись *общая* и *частная* гипотезы, представленные под номерами 1 в их общем списке. Конкретизировались они как гипотезы о связи предпочтения сделанных человеком выборов в ситуации МЭП с показателями ЭИ и шкалами ТН, ИТН и МИТН.

Дополнительно проверялись гипотезы о согласованности между показателями ЭИ, измеренными объективированными тестами и методиками

самоотчета, а также о значимом отличии ответов испытуемых после предъявления подсказки от их первоначального выбора (влияние подсказки).

Схема обработки данных включала качественный и количественный анализ:

- 1) разработку типологии содержательных характеристик выбора;
- 2) определение связи ЭИ с предпочтением выбора;
- 3) сопоставление данных психодиагностических методик с результатами методики эмоционального предвосхищения (МЭП);
- 4) анализ согласованности измерений ЭИ по методикам ЭмИн и MSCEIT;
- 5) оценку влияния подсказок-иллюстраций на окончательный выбор в ситуации взаимодействия;
- 6) определение предпосылок эффективного использования подсказок-иллюстраций для выбора в ситуации взаимодействия.

Качественный анализ свободных ответов в процедуре МЭП

Качественные данные ответов испытуемых были подвергнуты анализу экспертами, в ходе которого выявлялись обобщенные характеристики выборов по всем шести ситуациям МЭП.

В первой ситуации, в которой описывается несправедливая критика «героя» со стороны руководителя при проведении служебного совещания, выявлены следующие содержательные характеристики выбора (здесь и далее в скобках представлено количество собственных ответов испытуемых, отнесенных экспертами к обозначенной содержательной характеристике выбора):

1. Выяснить ситуацию на совещании (32)
2. Прояснить ситуацию после совещания наедине с начальником (27)
3. Выполнить поставленные задачи без всяких обсуждений (20)

По шкалам ВЗ, В и ИТН с применением дисперсионного анализа были получены значимые различия между группами испытуемых, чьи ответы распределились по выделенным категориям ($F = 3,527, 3,306$ и $3,751$ соответственно, все на уровне $p < 0,05$). Анализ post-hoc показал значимые

различия по шкалам эмоционального интеллекта (ВЗ, В) между группами испытуемых, по таким содержательным характеристикам выбора как «Выполнить поставленные задачи без всяких обсуждений» и «Прояснить ситуацию после совещания наедине с начальником»; по шкале ИТН – «Выполнить поставленные задачи без всяких обсуждений» и «Выяснить ситуацию на совещании» (все на уровне $p < 0,05$).

При этом, испытуемые, чьи варианты решений вошли в категорию «Выполнить поставленные задачи без всяких обсуждений», продемонстрировали более высокие показатели контроля экспрессии и внутриличностного ЭИ и более низкие показатели ИТН.

Во второй ситуации, где речь идет о намерении «героя» взять выходной у руководителя, который, как стало известно от сослуживцев, находится в очень плохом настроении, были получены следующие содержательные категории выбора:

1. Незамедлительно решить вопрос с начальником (29)
2. Подождать благоприятного момента для решения вопроса (27)
3. Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение (18)
4. Самостоятельно перенести выходной (5)

По шкалам МЗ и МИТН с применением дисперсионного анализа были получены значимые различия между группами испытуемых, чьи ответы распределились по выделенным категориям ($F = 3,374$ и $F = 4,490$ соответственно, все $p < 0,05$). Анализ post-hoc показал значимые различия по шкале эмоционального интеллекта (МЗ) между группами испытуемых, по таким содержательным характеристикам выбора как «Незамедлительно решить вопрос с начальником»; «Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение» и «Подождать благоприятного момента для решения вопроса»; по шкале МИТН – «Незамедлительно решить вопрос с начальником»; «Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение» и «Самостоятельно перенести выходной»; «Подождать благоприятного момента для решения вопроса» (все на уровне $p < 0,05$).

При этом, испытуемые, чьи варианты решений вошли в категорию «Незамедлительно решить вопрос с начальником», продемонстрировали более высокие показатели управления чужими эмоциями. Испытуемые, чьи варианты решений вошли в ответ «Самостоятельно перенести выходной», обладали более высокой МИТН.

В третьей ситуации речь шла о просьбе товарища о помощи в момент сильной занятости «героя» порученными руководством делами, были выявлены следующие содержательные характеристики выбора:

1. Оказать помощь коллеге с приостановкой выполнения собственной задачи (29)
2. Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение (23)
3. Оказать помощь коллеге после решения собственной задачи (18)
4. Отказать в помощи коллеге (9)

По шкале «Использование эмоций в решении проблем» методики MSCEIT с применением дисперсионного анализа были получены значимые различия между группами испытуемых, чьи ответы распределились по выделенным категориям ($F = 3,265$, $p < 0,05$). Анализ post-hoc показал значимые различия по шкале «Использование эмоций в решении проблем» между испытуемыми, чьи варианты решений вошли в ответ «Оказать помощь коллеге после решения собственной задачи»; «Отказать в помощи коллеге» и «Оказать помощь коллеге с приостановкой выполнения собственной задачи» ($p < 0,05$). При этом в ответ «Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение» оказалось включено наибольшее количество испытуемых в сравнении с такими же ответами в других рассматриваемых ситуациях.

Испытуемые, чьи варианты решений вошли в категории «Оказать помощь коллеге после решения собственной задачи» и «Отказать в помощи коллеге» продемонстрировали более высокий показатель использования эмоций в решении проблем объективированного теста ЭИ.

Для четвертой ситуации, где речь шла о распространении негативной информации о «герое» в коллективе одним из сотрудников, были получены следующие содержательные категории выбора:

1. Выяснить отношения с коллегой (47)
2. Ничего не предпринимать (16)
3. Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение (8)
4. Принять косвенные меры (прекратить, ограничить общение, проявить осторожность в отношении с ним, изолировать от лишней информации и т.п.) (8)

Большинство участников (47 чел.) дали ответы, которые вошли в категорию «Выяснить отношения с коллегой». Эту группу решений мы сравнили с остальными, как нетипичными. При применении t-теста на равенство средних для независимых выборок не были получены статистически значимые различия.

При сравнении объединенной группы ответов участников, чьи варианты решений вошли в категории «Ничего не предпринимать» и «Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение» (всего 24 чел.) и объединенной группы с ответами из категорий «Выяснить отношения с коллегой» и «Принять косвенные меры» (55 чел.) с применением t-теста на равенство средних для независимых выборок получены статистически значимые различия по шкалам *внутриличностного интеллекта* – В2, В3 и ВЭИ (все на уровне $p < 0,05$).

Испытуемые, чьи варианты решений вошли в категории «Ничего не предпринимать» и «Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение» продемонстрировали более высокие показатели *внутриличностного эмоционального интеллекта, управления своими эмоциями* и контроля собственной *экспрессии эмоций*.

Для пятой ситуации, где речь шла о случайном закрытии «героем» электронного документа без сохранения сделанных изменений, были получены следующие содержательные категории выбора:

1. Сразу начать работать над восстановлением документа (41)

2. Продолжить работу после небольшого перерыва (17)
3. Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение (15)
4. Приостановить работу над документом (6)

Ответы большинства участников (41 чел.) вошли в категорию «Сразу начать работать над восстановлением документа». Эту группу мы сравнили с остальными, как нетипичными, t-тест на равенство средних для независимых выборок не показал статистически значимые различия.

Для шестой ситуации, где речь шла о приглашении «героя», пребывающего в грустном настроении, друзьями на день рождения, были получены следующие содержательные категории выбора:

1. Пойти на день рождения, скрывая свое состояние от окружающих (36)
2. Пойти на день рождения, не скрывая свое состояние (24)
3. Не идти на день рождения (11)
4. Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение (8)

По шкале ТН с применением дисперсионного анализа были получены значимые различия между группами испытуемых, чьи ответы распределились по выделенным категориям ($F = 3,218$, $p < 0,05$). Анализ post-hoc показал значимые различия по шкале ТН между испытуемыми, чьи варианты решений вошли в ответ «Не идти на день рождения, либо прояснить обстановку для принятия решения» и «Пойти на день рождения, скрывая свое состояние от окружающих» (на уровне $p < 0,05$).

Испытуемые, чьи варианты решений вошли в категории «Не идти на день рождения» и «Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение» продемонстрировали более высокую ТН.

Оценка экологической валидности сконструированных альтернатив в процедуре МЭП

Для оценки экологической валидности сконструированных альтернатив был использован тест биномиального распределения. В каждой задаче для каждой выделенной категории первого самостоятельного ответа испытуемого проверялась гипотеза о неслучайном выборе наиболее близкой альтернативы

из предложенных во второй части МЭП. В таблице 3 представлены результаты данного теста (в ячейках таблицы указаны уровни значимости для теста биномиального распределения: значение меньше 0,10 рассматривалось нами как принятие гипотезы H_1 о наличии сдвига в биномиальном распределении).

Таблица 3. Р-значения теста биномиального распределения для разных типов альтернатив в задачах процедуры МЭП

Задача	Категория собственного ответа	Ориентировка на эмоции	Разрешение неопределенности	«Интегративное» решение	«Пустое» решение
1	1	0,054	0,0001	0,001	0,0001
	2	1,000		0,263	0,003
	3	0,112	0,0001		0,022
2	1		0,375		0,375
	2	0,026	0,0001	0,0001	0,026
	3	0,0001	0,002		0,054
	4	0,001	0,001	0,0001	0,008
3	1	1,000	0,003		0,026
	2	0,031	0,008		0,481
	3	0,039			0,039
	4	0,0001	0,210		0,678
4	1	0,001	0,210	0,077	
	2	0,0001	0,009	0,0001	0,0001
	3		0,727	0,727	
	4	0,289	1,000	0,289	
5	1	0,0001		0,029	0,001
	2	0,629		0,332	0,049
	3	0,001		0,302	0,118
	4	1,000		0,688	0,219
6	1	0,0001	0,0001	0,617	0,868
	2		0,0001	0,023	0,064
	3	1,000	0,227	0,065	0,012
	4			0,289	0,289

Примечание 1: жирным шрифтом отмечены корреляции, значимые на уровне $p < 0,05$

Как видно из таблицы 3, мы получили для каждой задачи данные о неслучайном выборе из предлагаемых альтернатив наиболее близкой для собственного решения, что позволяет нам считать сконструированные альтернативы достаточно экологически валидными.

Для оценки влияния подсказки и выявления предпосылок ее эффективного использования мы сконструировали интегральные показатели

оценки выборов на втором этапе процедуры МЭП. Для каждого испытуемого было построено 8 интегративных показателей (по 4 решения для 2 выборов – оценка сходства с первоначальным ответом и окончательного) как количество каждого типа решения во всех 6 предложенных задачах.

Чтобы оценить влияние предложенных подсказок был проведен t-тест связанных выборок для следующих пар переменных:

количество выборов ориентировки на эмоции в предварительном выборе – количество выборов ориентировки на эмоции в окончательном выборе;

количество выборов разрешения неопределенности в предварительном выборе – количество выборов разрешения неопределенности в окончательном выборе;

количество выборов «интегративного» решения в предварительном выборе – количество выборов «интегративного» решения в окончательном выборе;

количество выборов «пустого» решения в предварительном выборе – количество выборов «пустого» решения в окончательном выборе.

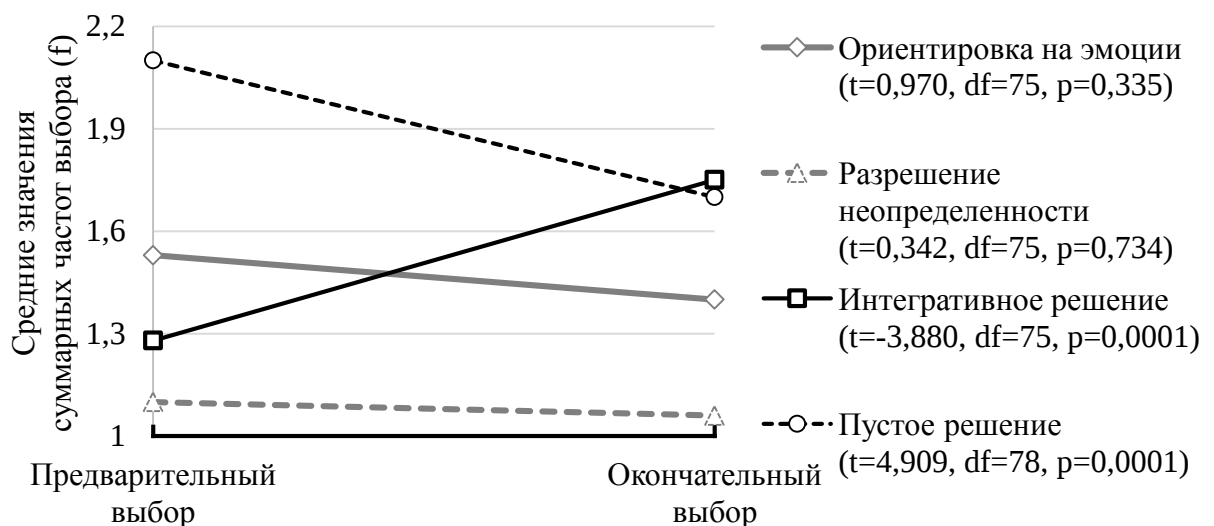

Рисунок 4. Средние значения суммарных показателей выбора каждого типа альтернатив в предварительном и окончательном решении в процедуре МЭП.

Примечание: в легенде указаны статистики t-теста для связанных выборок.

Результаты анализа представлены на рисунке 4 (по оси Y отложены средние значения суммарной частоты выбора каждой из альтернатив). Как видно из рисунка 6, эффект сдвига наблюдается для «интегративного» решения и «пустого» решения: в окончательном выборе после предъявления подсказок становится достоверно больше решений, сочетающих в себе ориентировку на эмоциональную информацию и разрешение неопределенности, и достоверно меньше решений, не включающих в себя ни один из интересующих нас компонентов. Таким образом, можно предполагать позитивное влияние подсказок в процедуре МЭП на окончательный выбор в предлагаемых ситуациях.

Для выявления личностных факторов, способствующих эффективному использованию подсказок, были построены еще 4 интегративных показателя: изменение решения как разница между количеством выборов соответствующего типа альтернативы в окончательном и предварительном выборе (по 1 для каждого типа решения). Был проведен корреляционный анализ связей данных показателей с измеренными свойствами (ЭИ и ТН). Результаты представлены в таблице 4.

Таблица 4. Коэффициент корреляции (r) между измеренными свойствами ЭИ, ТН и изменением предпочтений каждого из типов альтернатив в процедуре МЭП

	Сдвиг в выборе в сторону ориентировки на эмоции	Сдвиг в выборе в сторону разрешения неопределенности	Сдвиг в выборе в сторону интегративного решения	Сдвиг в выборе в сторону пустого решения
1	0,191	-0,082	-0,046	-0,035
2	0,079	-0,070	0,109	-0,163
3	0,000	-0,126	0,067	0,051
4	-0,022	-0,086	0,145	-0,111
5	0,074	0,069	-0,107	-0,031
6	0,037	-0,040	0,065	-0,162
7	0,107	-0,116	0,048	-0,045
8	0,028	-0,034	0,059	-0,124
9	-0,098	0,033	0,069	0,133
10	0,034	0,058	0,099	-0,126
11	0,100	0,040	-0,095	-0,016
12	0,004	0,035	0,156	-0,196
13	-0,235	0,032	0,302*	-0,041

	Сдвиг в выборе в сторону ориентировки на эмоции	Сдвиг в выборе в сторону разрешения неопределенности	Сдвиг в выборе в сторону интегративного решения	Сдвиг в выборе в сторону пустого решения
14	-0,128	0,162	0,262	-0,255
15	-0,116	0,197	0,010	-0,003
16	-0,133	0,125	0,256	-0,197

Примечание 1: жирным шрифтом отмечены корреляции, значимые на уровне $p < 0,05$

Примечание 2: 1 - Интуитивное понимание чужих эмоций - M1; 2 - Понимание чужих эмоций через экспрессию - M2; 3 - Управление чужими эмоциями - M3; 4 - Осознание своих эмоций - B1; 5 - Управление своими эмоциями - B2; 6 - Контроль экспрессии - B3; 7 - Межличностный ЭИ; 8 - Внутрличностный ЭИ; 9 - Толерантность к неопределенности - TH; 10 - Интолерантность к неопределенности - ИTH; 11 - Межличностная интолерантность к неопределенности - МИTH; 12 - Идентификация эмоций (MSCEIT1); 13 - Использование эмоций в решении проблем (MSCEIT2); 14 - Понимание и анализ эмоций (MSCEIT3); 15 - Использование эмоций в решении проблем (MSCEIT2); 16 - Понимание и анализ эмоций (MSCEIT3); 15 - Сознательное управление эмоциями (MSCEIT4); 16 - Общий балл (MSCEIT)

Как видно из таблицы 4, только один из измеренных показателей оказался значимо связан со сдвигом в решении от предварительного к окончательному выбору: с большей вероятностью увеличивается количество решений, содержащих одновременно ориентировку на *эмоциональную информацию* и *разрешение неопределенности*, у испытуемых с более высоким показателем *использования эмоций в решении проблем* (субшкала теста MSCEIT).

Таким образом, именно этот тест, который можно отнести к «объективным» методикам измерения ЭИ, позволил выделить ту составляющую ЭИ, которая оказалась подвержена влиянию подсказки.

§ 2.4. Личностные свойства в группах с разными решениями (при возможности взятия эмоциональной подсказки в МЭП)

Для обобщения полученных результатов по первой части процедуры МЭП мы свели выявленные категории ответов и связанные с ними различия в измеренных показателях в общую таблицу 5. В ячейках таблицы указаны шкалы из каждой использованной диагностической методики, по которым были установлены значимые различия между группами испытуемых, давших разные категории ответов.

Таблица 5. Обобщенные данные о личностных предпосылках выбора в ситуации взаимодействия в рамках служебной деятельности

Категории ответов	ЭмИн	MSCEIT	НТН-33
Ситуация 1			
Прояснить ситуацию после совещания наедине с начальником			
Выполнить поставленные задачи без всяких обсуждений	ВЭИ, В3		ИТН
Выяснить ситуацию на совещании			
Ситуация 2			
Самостоятельно перенести выходной			МИТН
Незамедлительно решить вопрос с начальником	М3		
Подождать благоприятного момента для решения вопроса			
Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение			
Ситуация 3			
Оказать помощь коллеге с приостановкой выполнения собственной задачи			
Оказать помощь коллеге после решения собственной задачи		Использование эмоций	
Отказать в помощи коллеге		Использование эмоций	
Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение			
Ситуация 4			
Ничего не предпринимать			
Выяснить отношения с коллегой	ВЭИ, В2, В3		
Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение	ВЭИ, В2, В3		
Принять косвенные меры			
Ситуация 5			
Сразу начать работать над восстановлением документа			
Продолжить работу после небольшого перерыва			
Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение			
Приостановить работу над документом			
Ситуация 6			
Пойти на день рождения, скрывая свое состояние от окружающих			
Пойти на день рождения, не скрывая свое состояние			
Не идти на день рождения			ТН
Прояснить складывающуюся обстановку и принять решение			ТН

Примечание: ТН — толерантность к неопределенности (НТН-33); ИТН — интолерантность к неопределенности (НТН-33); МИТН — межличностная интолерантность к неопределенности (НТН-33); МЗ — управление чужими эмоциями (ЭмИн); В2 — управление своими эмоциями (ЭмИн); В3 — контроль экспрессии (ЭмИн); ВЭИ — внутриличностный ЭИ (ЭмИн).

В таблице 5 представлены выделенные категории ответов для каждой ситуации. Следует отметить следующие общие закономерности:

- свойства, связанные с принятием неопределенности (ТН, ИТН и МИТН), не связаны с типом ответа в ситуациях взаимодействия с коллегами в контексте служебной деятельности (ситуации 3 и 4). В ситуации взаимодействия с начальством (ситуации 1 и 2) с выбором решения оказываются связаны разные виды непринятия неопределенности (ИТН и МИТН), а в ситуации эмоциональной саморегуляции (ситуация 6) — толерантность к неопределенности;

- компоненты ЭИ, оцененные при помощи опросника самоотчета ЭмИн оказываются связанными с решениями, предполагающими немедленное разрешение неопределенности во всех ситуациях, для которых установлены значимые различия:

для ситуации 1 решение о выполнении распоряжений без обсуждения;

для ситуации 2 решение о незамедлительном прояснении ситуации с начальником;

для ситуации 4 решения прояснить отношения с коллегой или прояснить общую ситуацию;

- компоненты ЭИ, оцененные при помощи объективированного теста, оказались связаны с предпочтением определенной категории ответа только в одной ситуации взаимодействия в контексте служебной деятельности: более высокий уровень использования эмоций для решения проблем был у участников, решавших в ситуации запроса на помощь от коллеги в первую очередь соблюсти свои интересы и выполнить свое задание в установленный срок.

Обсуждение результатов исследований

Полученные и описанные выше данные позволяют предполагать, что при принятии решений в методике МЭП, включившей вербальные задачи с контекстами ситуаций служебной деятельности и подсказки-рисунки, наблюдается рассогласование данных, получаемых объективированным тестом ЭИ и опросником самоотчета. Индивидуальные различия по тесту MSCEIT в связи с выбором ответа были выявлены в ситуации, связанной в первую очередь с выполнением служебных обязанностей, тогда как индивидуальные различия по самоотчетному тесту ЭмИн – в ситуациях, связанных с непосредственным межличностным взаимодействием.

В рамках проведенного исследования было установлено, что использование подсказок-иллюстраций в целом по всем предлагаемым в процедуре МЭП ситуациям приводит к увеличению количества выборов, сочетающих в себе ориентировку на *эмоциональный контекст* ситуации и *разрешение имеющейся в ситуации неопределенности*. При этом количество ответов, использующих только один из обозначенных компонентов, не изменяется. Таким образом, можно утверждать, что подсказки-иллюстрации в процедуре МЭП выполняют предполагаемую функцию актуализации эмоционального контекста ситуации и позволяют испытуемому действовать при более полной ориентировке для принятия решений.

Ключевой предпосылкой успешного использования подсказки оказался такой компонент ЭИ как «Использование эмоций для решения проблем» (тест MSCEIT). Было установлено, что у испытуемых с более высокими показателями по данной шкале в большей степени в окончательном ответе наблюдается увеличение количества выборов, разрешающих неопределенность с учетом эмоционального контекста ситуации. Исходя из этого результата можно утверждать, что эффективность использования подсказки опосредствуется общим умением идентифицировать и применять в своей деятельности эмоциональную информацию.

Обобщая полученные результаты, можно рассматривать процедуру МЭП в качестве методики косвенной оценки отдельных аспектов эмоционального интеллекта:

во-первых, выбор первоначального решения, связанного в ситуации взаимодействия в контексте служебной деятельности с незамедлительным разрешением неопределенности, сопутствует более высоким уровням межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта;

во-вторых, эффективное использование подсказок (увеличение в окончательном ответе количества выборов, разрешающих неопределенность с учетом эмоционального контекста ситуации) указывает на более высокий уровень способности использовать эмоциональную информацию для разрешения проблем в деятельности.

В дополнительном исследовании была предпринята попытка выяснить, связана ли субъективная оценка помощи подсказок с актуальным решением задач, предполагающих условия межличностного взаимодействия, выбор в которых во многом опосредствуется использованием эмоциональной информации. В этом исследовании приняли участие 51 человек ($N = 51$; возраст $M = 42,03$; $SD = 8,38$) – военные преподаватели (часть предыдущей выборки).

Нашей исследовательской задачей было рассмотрение роли подсказки-иллюстрации при принятии решений в задачах, предполагающих условия межличностного взаимодействия, выбор в которых во многом опосредствуется использованием эмоциональной информацией. Доопределение ориентиров этих взаимодействий реализуется субъектом при опоре на целостный интеллектуально-личностный потенциал. Предметом нашего исследования выступили такие его составляющие как эмоциональный интеллект (ЭИ), толерантность-интолерантность к неопределённости (ТН/ИТН) и готовность к риску в их влиянии на предпочтение личностных выборов в профессиональной ситуации. Выделенный контекст даёт

возможность оценивать различия в ситуационных условиях, провоцирующих использование ЭИ.

Применялась та же методическая процедура: участникам предъявлялись 6 вербальных задач, моделирующих житейские и профессиональные ситуации принятия решений. После самостоятельного предварительного выбора варианта решения в каждой задаче участнику предъявлялась подсказка в виде рисунка, которая задавала ориентиры для понимания возможного развития ситуации и эмоций её участников. Затем испытуемым предоставлялась возможность заново переоценить ситуацию, сделав окончательный выбор одного из предложенных вариантов либо собственных. После этого они оценивали подсказку-иллюстрацию по следующим основаниям: отражение заданной ситуации, правдоподобность передачи эмоций персонажей и помощь при выборе ответа.

В нем установлено, что военные преподаватели, у которых предъявленная подсказка привела к смене выбора (от предварительного к окончательному) или не мешала (был сохранен выбор, позитивно разрешающий ситуацию неопределенности), не отличались по высоте *субъективной оценки помощи подсказок* от тех, кому подсказка не помогла в решении (т. е. их окончательный выбор не разрешал моделируемую ситуацию ($t = -1,55, p < 0,05$). Но выявлены значимые связи между показателями ЭИ и ТН/ИТН с *общей субъективной оценкой помощи подсказок*. Выше оценивали помощь подсказки лица с более низкими показателями ЭИ ($r = -0,323$ при $p < 0,05$ для МЭИ и $r = -0,432$ при $p < 0,05$ для ВЭИ) и снижением интолерантности к неопределенности ($r = -0,286$ при $p < 0,05$ для ИТН).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что субъективная оценка помощи подсказок не прямо связана с актуальным решением задачи, а отражает представления личности на уровне самосознания об основаниях решения при использовании эмоциональной информации.

Выводы к исследованиям 1-2

1. Выделены содержательные характеристики выбора в ситуациях на материале МЭП. Установлены связи между показателями ЭИ, ТН и содержательными характеристиками выбора.

2. Применительно к материалу задач МЭП нашла поддержку гипотеза о возможном рассогласовании данных, получаемых объективированными тестами и опросниками ЭИ.

3. Полученные результаты показывают различия в соотношении диспозиционального и ситуационного контекстов включения ЭИ в регуляцию выбора. Шкалы ЭМИн оказались связанными с выборами альтернатив, предполагающими немедленное разрешение неопределенности (в трех из шести задач МЭП). И только одна шкала теста MSCEIT различала группы участников, сделавших разные выборы (в задаче с ориентировкой на помощь, но с соблюдением своих интересов).

§ 2.5. Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей

Исследование 3: Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей

В исследовании приняли участие 122 человека: 1) выборка 62 военных руководителей среднего звена в возрасте от 27 до 42 лет ($M = 31,89$; $SD = 3,80$; все мужчины с высшим образованием, средний стаж работы составляет 9 лет) и 2) 60 гражданских лиц (не военных) разных специальностей в возрасте от 25 до 52 лет ($M = 31,63$; $SD = 6,30$); 47 чел. — «управленцы» нижнего и среднего звена (руководители отделами на производстве или собственными компаниями; число подчиненных от 3 до 300 чел.), остальные – преподаватели и лица других специальностей; все мужчины.

В исследовании проверялась гипотеза 2 (из списка частных гипотез) о том, что эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности

выступают в качестве предикторов результативности профессиональной деятельности военных руководителей.

При этом нас интересовал «психологический портрет» военных руководителей в контексте выраженности исследованных свойств и различия в его показателях у военнослужащих с разной успешностью их профессиональной деятельности. Мы проверяли тем самым гипотезу 2: Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности выступают в качестве предикторов результативности профессиональной деятельности военных руководителей (среднего звена).

Схема исследования. Исследование проводилось в два этапа. На первом этапе все участники проходили психодиагностическое обследование по опросникам, а на втором этапе спустя год военные оценивались экспертами по результативности их деятельности на основе утвержденных должностных инструкций (регламентов). Эти инструкции включали квалификационные требования к уровню и характеру знаний и навыков, должностные обязанности, сроки и процедуры подготовки, рассмотрения проектов управленческих и иных решений, порядок согласования и принятия данных решений, а также показатели результативности профессиональной служебной деятельности, критерии описывающие степень достижения результатов и стандарты ожидаемого уровня выполнения поставленных задач.

В роли экспертов выступили непосредственные руководители участников исследования, обладающие всей полнотой информации об особенностях организации деятельности военнослужащих, находящихся в их подчинении. Согласно результатам внешне-критериальной оценки каждый участник был отнесен к одной из двух категорий результативности: «Справляющиеся с поставленными задачами в полном объеме» и «Не полностью справляющиеся с поставленными задачами». Эти оценки сопоставлялись с данными тестирования. В силу того, что должностные инструкции (регламенты) содержат сведения ограниченного распространения,

привести их содержание в рамках данной работы не представляется возможным.

В исследовании использовались следующие психодиагностические методики: 1) Опросник эмоционального интеллекта ЭмИн (поскольку обследование групп военных руководителей и лиц не военных специальностей проходило в разные годы, нами использованы два варианта опросника ЭмИн, поэтому при сравнении выборок по связям между переменными мы использовали только суммарные показатели внутриличностного и межличностного интеллекта) (Люсин, 2006, 2009); 2) Новый опросник толерантности к неопределенности (НТН) (Корнилова, 2010б); 3) Шкала толерантности к неопределенности MSTAT-I Д. Маклейна. (Луковицкая, 1998).

Результаты

1. Сравнение свойств толерантности и интолерантности к неопределенности и ЭИ в выборках военных руководителей и гражданских лиц

Как видно из таблицы 6, значимо более высокие показатели ИТН и более низкие показатели ТН проявили военные руководители; суммарные показатели ЭИ выше у военных. Отметим, что нашу выборку военных руководителей нужно считать селективной. Это не позволяет делать обобщения о высоте ЭИ за ее пределами.

Таблица 6. Сравнение выборочных средних по переменным возраста, отношения к неопределенности и суммарным показателям внутриличностного (ВЭИ) и межличностного (МЭИ) интеллекта

Переменные	М военные	SD	М гражданские	SD	t	Df	p
Возраст	31,89	3,81	31,63	6,30	0,268	96,447	0,7891
ТН	53,32	7,47	60,77	9,03	-3,914	48,848	< 0,001
ИТН	71,73	8,20	60,53	12,04	4,602	42,452	< 0,001
МИТН	30,45	7,91	32,77	7,84	-1,324	57,986	0,1907
ВЭИ	23,39	3,73	19,48	4,75	5,036	111,854	< 0,001
МЭИ	29,89	3,50	21,47	5,85	9,608	95,874	< 0,001

По результатам применения критерия W (Шапиро-Уилка) для выборки военных руководителей по трем шкалам методики ЭмИн (понимание чужих

эмоций через экспрессию, способность к осознанию своих эмоций, управление своими эмоциями) установлены распределения, значительно отличающиеся от нормального. Поэтому для корреляционного анализа далее применялся непараметрический критерий ρ Спирмена.

II. Внутригрупповые связи переменных

Таблица 7. Результаты корреляционного анализа выборки военных руководителей (ρ)

Шкалы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
(1) ТН	1	-0,066	-0,022	0,019	-0,081	-0,141	-0,078	0,028	-0,301	-0,087	-0,131
(2) ИТН		1	0,162	0,391	0,172	0,279	0,263	0,406	0,204	0,331	0,335
(3) МИТН			1	-0,053	-0,240	-0,044	-0,297	-0,253	-0,331	-0,101	-0,343
(4) М1				1	0,597	0,558	0,423	0,442	0,117	0,870	0,387
(5) М2					1	0,337	0,350	0,354	0,300	0,735	0,355
(6) М3						1	0,351	0,363	0,153	0,800	0,332
(7) В1							1	0,605	0,605	0,444	0,898
(8) В2								1	0,414	0,456	0,785
(9) В3									1	0,227	0,789
(10) МЭИ										1	0,426
(11) ВЭИ											1

Примечания: Жирным шрифтом обозначены корреляции, значимые на уровне $p < 0,05$.
Расшифровка аббревиатур: ТН — толерантность к неопределенности (НТН-33); ИТН — интолерантность к неопределенности (ИТН-33); МИТН — межличностная интолерантность к неопределенности (ИТН-33); М1 — интуитивное понимание чужих эмоций (ЭмИн); М2 — понимание чужих эмоций через экспрессию (ЭмИн); М3 — управление чужими эмоциями (ЭмИн); В1 — способность к осознанию своих эмоций (ЭмИн); В2 — управление своими эмоциями (ЭмИн); В3 — контроль экспрессии (ЭмИн); МЭИ — межличностный ЭИ (ЭмИн); ВЭИ — внутриличностный ЭИ (ЭмИн).

Таблица 8. Результаты корреляционного анализа выборки не военных профессионалов (ρ)

Шкалы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
(1) ТН	1	-0,27	-0,43	-0,10	-0,06	0,15	0,17	-0,11	-0,04	0,10	-0,02	0,11
(2) ИТН		1	0,21	0,16	0,09	0,08	0,20	0,17	0,13	0,21	0,19	0,16
(3) МИТН			1	-0,18	-0,21	-0,06	-0,11	0,00	-0,23	-0,08	-0,23	-0,20

Шкалы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
(4) МП				1	0,59	0,21	0,55	0,20	0,91	0,37	0,74	0,59
(5) МУ					1	0,40	0,64	0,20	0,85	0,52	0,65	0,81
(6) ВП						1	0,56	0,41	0,38	0,90	0,77	0,60
(7) ВУ							1	0,37	0,70	0,77	0,73	0,87
(8) ВЭ								1	0,28	0,64	0,40	0,57
(9) МЭИ									1	0,54	0,81	0,81
(10) ВЭИ										1	0,84	0,83
(11) ПЭ											1	0,79
(12) УЭ												1

Примечания: Жирным шрифтом обозначены корреляции, значимые на уровне $p < 0,05$.

Расшифровка аббревиатур: ТН – толерантность к неопределенности (НТН-33); ИТН – интолерантность к неопределенности (НТН-33); МИТН – межличностная интолерантность к неопределенности (НТН-33); МП – понимание чужих эмоций (ЭмИн); МУ – управление чужими эмоциями (ЭмИн); ВП – понимание своих эмоций (ЭмИн); ВУ – управление своими эмоциями (ЭмИн); ВЭ – контроль экспрессии (ЭмИн); МЭИ – межличностный ЭИ (ЭмИн); ВЭИ – внутриличностный ЭИ (ЭмИн); ПЭ – понимание эмоций (ЭмИн); УЭ – управление эмоциями (ЭмИн).

1) При сравнении данных двух выборок (см. табл. 7 и табл. 8), установлено, что в выборке гражданских лиц не наблюдается связей между показателями отношения к неопределенности и эмоционального интеллекта. У военных руководителей такие связи представлены: более высокие показатели *толерантности к неопределенности* (ТН) сопутствуют снижению *контроля экспрессии своих эмоций* (В3); более высокие показатели ИТН положительно связаны у военных с ростом *межличностного* эмоционального интеллекта (М1 — *понимание чужих эмоций*, М3 — *управление чужими эмоциями* и суммарный показатель МЭИ) и показателями *внутриличностного* интеллекта (В1 — *осознание своих эмоций*, В2 — *управление своими эмоциями* и суммарный ВЭИ). Неприятие неопределенности в *межличностных отношениях* (МИТН) у военных отрицательно связано со всеми показателями *внутриличностного интеллекта*, то есть при повышении ВЭИ снижается неприятие неопределенности во взаимодействии с людьми.

2) *Понимание своих эмоций и управление своими эмоциями* сходным образом положительно коррелирует в обеих сравниваемых выборках, как и *понимание чужих эмоций и управление чужими эмоциями*. В выборке гражданских лиц понимание и управление эмоциями положительно связано с обоими суммарными показателями ЭИ; в выборке военных из этих связей выбивается отсутствие корреляции межличностного ЭИ (МЭИ) с *контролем экспрессии своих эмоций* (ВЗ): выражение своих эмоций у военных руководителей не интегрировано в связи с контролем выражения своих эмоций (связь только со шкалой *понимание чужих эмоций через экспрессию* – М2).

III. *Выявление предикторов успешности деятельности военных руководителей*

Сравнение средних значений по личностным показателям в группах людей, определенных экспертами как лица, различающиеся по успешности деятельности, представлено в табл. 9.

Таблица 9. Значения t-теста сравнения средних по психологическим переменным для групп военных руководителей, различающихся по успешности деятельности

Переменные шкалы	Не полностью справляющиеся с поставленными задачами (37 чел.)		Справляющиеся с поставленными задачами в полном объеме (25 чел.)		Значение t-критерия t
	М	SD	М	SD	
ТН/ИТН по MSTAT	10,38	16,18	20,00	14,35	-2,402
ТН по НТН	54,70	7,20	51,28	7,54	1,802
ИТН по НТН	72,03	8,47	71,28	7,92	0,349
МИТН по НТН	32,32	7,87	27,68	7,27	2,350
М1	18,03	2,44	18,92	2,27	-1,451
М2	12,78	2,19	13,12	2,15	-0,598
М3	17,22	2,82	18,24	2,22	-1,522
В1	14,05	3,24	16,28	3,29	-2,639
В2	15,86	2,54	16,68	2,41	-1,265
ВЗ	12,46	2,64	14,40	1,91	-3,152
МЭИ	48,03	5,95	50,28	5,77	-1,481
ВЭИ	42,38	6,87	47,36	6,43	-2,875

Примечание: Жирным шрифтом выделены шкалы, для которых были установлены значимые различия между группами на уровне $p < 0,05$.

Гипотеза о различии между группами военных руководителей по шкалам, имеющим распределение, статистически отличающееся от нормального (М2, В1

и B2), также дополнительно проверялась по критерию U (Манна-Уитни). Результаты оказались аналогичны t-тесту сравнения средних.

При сравнении средних для выборок военнослужащих с разной успешностью деятельности для военных руководителей, справляющихся с поставленными задачами в полном объеме, установлены значимо более высокие значения свойств *толерантности к неопределенности* (MSTAT), *способности к осознанию своих эмоций* (B1 по ЭмИн), *контроля экспрессии* (B3 по ЭмИн), *внутриличностного ЭИ* (ВЭИ по ЭмИн) и более низкие значения по шкале *межличностная интолерантность к неопределенности* (МИТН), что означает повышение принятия неопределенности в межличностных отношениях). На рисунке 5 (а, б, в, г, д) представлены значимые различия между группами.

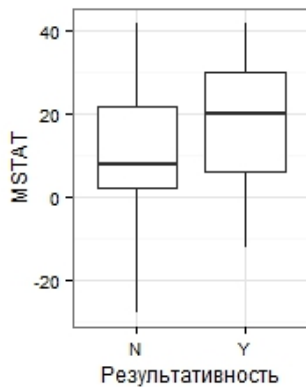

Рис. 5а.

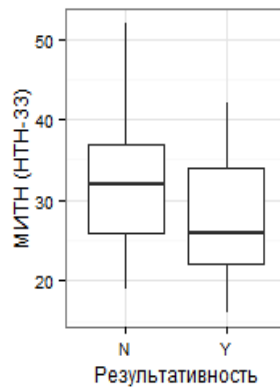

Рис. 5б.

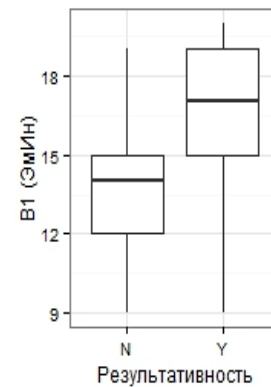

Рис. 5в.

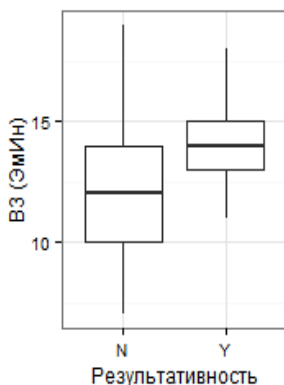

Рис. 5г.

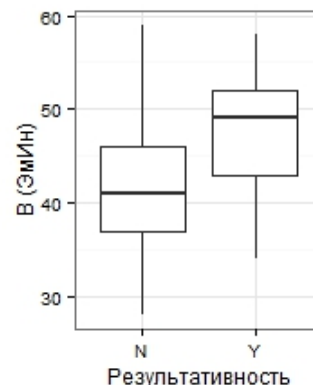

Рис. 5д.

Рисунок 5. Графическое представление значимых различий между группами военных руководителей

Примечание. Результативность: N – группа военных руководителей, не полностью справляющиеся с поставленными задачами; Y – группа военных руководителей, справляющихся с поставленными задачами в полном объеме.

По результатам логистической регрессии (при совместном включении) только переменная *контроль экспрессии* (B3) выступает значимым предиктором результативности военных руководителей в профессиональной деятельности ($R^2 = 0,192$; процент корректных = 66,1; коэффициент регрессии $B = 0,354$; $p = 0,006$; $\text{Exp}(B) = 1,424$).

IV. Показатели MSTAT в выборке военных руководителей.

Шкала толерантности-интолерантности к неопределенности по методике MSTAT не была связана со шкалами ТН и ИТН по опроснику НТН, но проявила высокую отрицательную связь с *межличностной интолерантностью к неопределенности* ($\rho = -0,59$, $p < 0,05$).

ТН/ИТН по MSTAT также показала значимые связи со всеми шкалами *внутриличностного эмоционального интеллекта* и шкалой М2 — *понимание чужих эмоций через экспрессию*, продемонстрировав в этих связях конвергентные данные со шкалой ИТН, хотя между собой два способа измерения интолерантности к неопределенности не были связаны.

Мы включили шкалу ТН/ИТН в проверку гипотез о возможном влиянии свойств толерантности-интолерантности к неопределенности на показатели ЭИ. И согласно результатам линейной регрессии ($R^2 = 0,147$; $F = 5,082$; $B = 0,047$; $p = 0,041$) эта шкала (MSTAT) выступила предиктором *контроля экспрессии* (B3 по ЭмИн).

Других предикторов для других показателей отношения к неопределенности (включая шкалы НТН) не установлено, как и не установлено влияния ТН/ИТН на показатели ЭИ.

Обсуждение результатов

При сравнении выборок военных руководителей – основной – и не военных специалистов разных профессий установлены значимые различия по переменным толерантности-интолерантности к неопределенности и шкалам

эмоционального интеллекта. Если по показателям отношения к неопределенности результаты оказались ожидаемыми – большая *интолерантность к неопределенности* и меньшая *толерантность* у лиц, профессионально связанных с необходимостью беспрекословного выполнения приказов и распоряжений вышестоящего руководства, то по выраженности эмоционального интеллекта результаты неожиданные. Они соответствуют контргипотезам о большей выраженности как *внутриличностного*, так и *межличностного эмоционального интеллекта* именно у военных руководителей. Это дает основания говорить о специфике психологического профиля военных руководителей (среднего звена), в котором именно эмоциональный интеллект – как процесс, включаемый в межличностные взаимодействия, – способствует преодолению отрицательного отношения к неопределенности. Об этом свидетельствуют также снижение *межличностной интолерантности к неопределенности* при повышении показателей *внутриличностного эмоционального интеллекта* у военных и тот факт, что именно *контроль экспрессии своих эмоций* выступил единственным предиктором отношения к неопределенности (при измерении ТН/ИТН по MSTAT).

Большая *толерантность к неопределенности* в контрольной выборке не военных, более 3/4 которой составляли управленцы среднего звена, была ожидаема. Наше исследование проявило и такой аспект их психологического профиля, как более автономное функционирование отношения к неопределенности и эмоционального интеллекта, показатели которых, напротив, взаимосвязаны в выборке военных руководителей.

В качестве парциально функционирующего можно рассматривать свойство *контроль экспрессии своих эмоций*, в выборке военных одновременно отрицательно связанное как с *толерантностью к неопределенности*, так и с *интолерантностью к неопределенности в межличностных отношениях* (МИТН по опроснику НТН). При учете того, что *контроль экспрессии* выступил значимым предиктором результативности

деятельности военных руководителей (по оценкам экспертов), а *толерантность к неопределенности* по другой методике (MSTAT) выступает предиктором *контроля экспрессии*, можно говорить об опосредствованном влиянии отношения к неопределенности – через звено ЭИ – на результативность деятельности военных руководителей среднего звена.

Военных в нашей выборке характеризовала положительная связь *интолерантности к неопределенности* с *интуитивным пониманием эмоций других* людей, что не выявлено у не военных лиц разных специальностей. Интерпретационной гипотезой может служить предположение о компенсаторной роли ЭИ, способствующего – и более выраженного у военных руководителей – ориентировке в «мире людей». Стремление к ясности в «мире идей», связанное с нормативным характером деятельности военнослужащего, не переносится на взаимодействия с сослуживцами: военные руководители, проявляя стремление к ясности, не проявляют интолерантность к неопределенности в сфере межличностных взаимодействий.

Успешность в *управлении своими эмоциями* выступает и предиктором результативности их деятельности. При распределении группы военнослужащих в две подгруппы на основе экспертной оценки того, насколько они результативны в своей профессиональной деятельности, был установлен ряд дифференцирующих эти группы отличий. Более результативными оказались лица с более высокими показателями *толерантности к неопределенности* по методике MSTAT и снижением *интолерантности к неопределенности* в межличностных отношениях по методике НТН.

Проявление разных шкал двух методик измерения толерантности-интолерантности к неопределенности в связях с результативностью деятельности военных руководителей среднего звена и разные взаимосвязи со шкалами эмоционального интеллекта, демонстрируют, с одной стороны, конвергентную валидность двух методик измерения отношения к неопределенности, а с другой стороны, разную дифференцирующую роль их

в связях с другими психологическими переменными. Последнее подтверждает необходимость множественного измерения этих свойств, учитывая проблему надежности именно по отношению к этому классу средств (Корнилова, Чумакова, 2014).

Наиболее противоречивой в связях с показателями ТН-ИТН выглядит переменная внутриличностного эмоционального интеллекта *контроль экспрессии*. Психологические различия групп военнослужащих с разной результативностью в профессиональной деятельности (по экспертным – внешним, не психологическим критериям) включили кроме показателя *контроля экспрессии своих эмоций* также более высокие показатели способности к *осознанию своих эмоций* (В1 по ЭмИн) и суммарного *внутриличностного эмоционального интеллекта*.

Выводы по главе 2

1. Методика эмоционального предвосхищения (МЭП) продемонстрировала высокие показатели внутренней согласованности (надежности) задач, если используются не первичные оценки испытуемых, а вторичные показатели, интегрирующие оценки приемлемости выборов в предложенных 6 задачах (альфа Кронбаха, $\alpha = 0,70$).

2. Эксплораторный факторный анализ, проведенный по методу выделения главных осей, также показал наличие одного явного фактора, охватывающего около 50% дисперсии и стоящего за всеми шестью подсчитанными расстояниями Махаланобиса. Полученный итоговый показатель можно трактовать как общий фактор «непохожести» вектора оценок приемлемости по 6 ситуациям.

3. Выявлены связи увеличения индексов по шкалам опросника эмоционального интеллекта ЭмИн (управление своими эмоциями и контроль эмоций других людей) с более сильными отклонениями от среднегрупповых оценок приемлемости исходов.

4. Выделены содержательные характеристики выбора в ситуациях на материале МЭП. Установлены связи между показателями ЭИ, ТН и содержательными характеристиками выбора.

5. Применительно к материалу задач МЭП нашла поддержку гипотеза о возможном рассогласовании данных, получаемых объективированными тестами и опросниками ЭИ.

6. Полученные результаты показывают различия в соотношении диспозиционального и ситуационного контекстов включения ЭИ в регуляцию выбора. Шкалы ЭМИн оказались связанными с решениями, предполагающими немедленное разрешение неопределенности (в трех из шести задач МЭП). И только одна шкала теста MSCEIT различала группы участников, выбравших разные решение (в задаче с ориентировкой на помощь, но с соблюдением своих интересов).

7. Установлено влияние факторов принадлежности к группе военнослужащих-руководителей и фактора задач (ситуации, предполагающие общение или нет) на использование ЭИ при выборах в конфликтных ситуациях неопределенности.

8. Военные руководители характеризуются меньшим уровнем толерантности к неопределенности (в сравнении с группами невоенных) и имеют значимо более высокие показатели по межличностному ЭИ и интолерантности к неопределенности.

9. Военные руководители среднего звена отличаются от гражданских лиц, преимущественно представляющих управленцев среднего и нижнего звена, более высокой интолерантностью к неопределенности и более низкой толерантностью к неопределенности.

10. Военные руководители характеризуются более высоким эмоциональным интеллектом (по сравнению с гражданскими «управленцами») и взаимосвязью эмоционального интеллекта с отношением к неопределенности.

11. У военных руководителей с повышением внутриличностного эмоционального интеллекта снижается межличностная интолерантность к неопределенности.

12. Шкалы толерантности/интолерантности к неопределенности по разным опросникам не коррелируют между собой, но проявляют конвергентные связи со шкалами эмоционального интеллекта.

13. Толерантность к неопределенности (по опроснику MSTAT) выступает предиктором контроля экспрессии эмоций у военных руководителей.

14. Интолерантность к неопределенности (по опроснику НТН) тем выше, чем выше показатели внутриличностного и межличностного интеллекта у военных руководителей, что не проявляется в выборке гражданских управленцев.

15. Толерантность и интолерантность к неопределенности и свойства эмоционального интеллекта позволяют охарактеризовать специфику психологического профиля военных руководителей с более высокой результативностью в их служебной деятельности: большей результативности способствуют высокая толерантность к неопределенности, принятие неопределенности в межличностных отношениях и высокий внутриличностный эмоциональный интеллект.

Заключение к главе 2

Нам удалось верифицировать ряд гипотез о роли свойств толерантности-интолерантности к неопределенности и эмоционального интеллекта как связанных с большей результативностью военных руководителей.

При этом мы выявили специфику связей этих свойств по отношению к связям их в контрольной группе взрослых лиц других специальностей. Непосредственное влияние на результативность деятельности военных руководителей оказывает *контроль экспрессии*, как способность контролировать внешние проявления своих эмоций. Более толерантное (спокойное, позитивное) отношение к неопределенным ситуациям у

военнослужащих, связано с лучшим контролем экспрессии своих эмоций, более высоким *внутриличностным эмоциональным интеллектом* в целом и, видимо, позволяет лучше регулировать собственные эмоции, проявляя самообладание в проблемных ситуациях.

В исследовании с оценкой отношения к неопределенности и эмоционального интеллекта показана необходимость анализа психологических предпосылок прогнозирования результативности деятельности военных руководителей, в отличие от лиц контрольной группы (специалистов невоенных профессий).

Поскольку принятие решений в методике с эмоциональной подсказкой анализировалось на материале вербальных задач (с рисуночной демонстрацией эмоциональных реакций при последствиях выбора той или иной альтернативы), остался вопрос о соотношении когнитивных ориентиров при ПР с личностными факторами. Согласно концепции множественной регуляции решений и выборов, в разных ситуациях ПР актуально складываются разные динамические системы, представляющие иерархии процессов когнитивной и личностной регуляции. Для дальнейших обобщений роли ЭИ и отношения к неопределенности и риску при ПР нам необходимо, во-первых, конкретизировать взаимосвязи интеллектуальных и личностных компонентов на другом материале задач, включающем развертывание стратегий множественных решений. Во-вторых, рассмотреть роль выделенных психологических переменных в качестве предикторов ПР и когнитивных репрезентаций риска.

Глава 3. Связи эмоционального интеллекта со стратегиями многоэтапных выборов и отношением к неопределенности и риску

§ 3.1. Проблема психологической регуляции решений в прогностических задачах

В главе 3 представлены исследования, в которых проверялись гипотезы 4-6 из ранее намеченных нами:

1. Эмоциональный и академический интеллект, а также другие личностные свойства могут выступать предикторами показателей стратегий выборов в Игровой задаче Айова (IGT), которые дают дифференцированную картину изменений многоэтапных решений в условиях динамической неопределенности.

2. Показатели выборов субъекта на первых, максимально неопределенных – с точки зрения образа ситуации – этапах Игровой задачи Айова могут выступать предикторами позитивного учета эмоционального контекста и направленности на разрешение ситуации выбора в задачах, моделирующих профессиональные взаимодействия участников.

3. Военные руководители среднего звена с более высокими показателями по эмоциональному интеллекту и готовности к риску могут проявлять «неоправданный оптимизм» – снижение оценок воспринимаемого риска.

Л.А. Регуш выделила прогностические задачи в особый вид – по сравнению с другими проблемными ситуациями (Регуш, 2004). При этом критерии менялись – то по виду процессов, опосредствующих прогнозы человека, то в виду профессиональной деятельности, в которой эти прогнозы делались.

Вероятностное прогнозирование изучалось и в качестве специально выделяемого процесса (Фейгенберг, Иванников, 1978; и др.), и в качестве компонента ориентировки на вероятностные характеристики событий в вербальных ситуациях принятия решений (Канеман, 2013; Gegerenzer, 1996, 2015; и др.).

Переход к экспериментальным моделям дал возможность проверять более точные гипотезы включенности разных видов прогнозов в эффективность принятия решений. Г. Гигеренцером было показано, во-первых, что представление задачи на вынесение прогностического суждения в форме частот снимает те эффекты, которые наблюдали Д. Канеман и А. Тверски при вероятностном предъявлении условий тех же задач. Он же в специальной работе обосновал, что за внешне интуитивными эвристиками можно вскрывать свернутые когнитивные стратегии профессионалов (Gigerenzer, 2008). На материале прерывания видеоклипов О.В. Степаносовой и Т.В. Корниловой было показано (Степаносова, Корнилова, 2006), что наиболее эффективные решения достигаются лицами, сочетающими опору на анализ и интуицию в своих вербальных прогнозах. Обзор может быть продолжен, и он будет свидетельствовать о роли разных процессов, обеспечивающих прогностические решения, а также о необходимости проводить комплексный анализ включенности интеллектуальных и личностных переменных в множественную регуляцию многоэтапных выборов.

Как показало наше исследование, Айова-тест, разработанный в контексте проверки положений теории А. Дамасио (Damasio, 1998, 2003; Damasio et al., 1991), может рассматриваться в качестве одной из экспериментальных моделей, приближающих к такому изучению. Анализ регуляции стратегий в Айова-тесте дает дополнительную информацию о саморегуляции при принятии решений: показано, что актуалгенез выборов регулируется как личностными, так и когнитивными компонентами. Однако, как отмечал Вебб с соавторами (Webb et al., 2014), большинство данных в рамках этой экспериментальной модели получено не на группах нормы, а на нозологических группах больных с разными психическими нарушениями. И хотя эти данные свидетельствуют о нарушениях именно эмоциональной составляющей в регуляции прогнозов, не адекватным был бы перенос на группы нормы.

Проведенные в последние годы исследования (Корнилова и др., 2018; Смирнов и др. 2017; Demaree et al., 2010) дают основания предполагать связи Айова-теста с ЭИ, ТН, с интуитивной регуляцией прогнозов, со стилями совладания с неопределенностью.

Редкими являются работы, в которых одновременно измерялись показатели академического интеллекта, эмоционального интеллекта и черты Большой пятерки, что есть, например, в исследовании М. Шульте с коллегами (Schulte et al., 2004). Они сопоставили эти переменные в качестве предикторов успеваемости на выборке американских учащихся.

Ранее мы уже отмечали, что на другом материале принятия решений на российских выборках были показаны связи ЭИ с такими личностными переменными, как *толерантность к неопределенности*, *самооценки интеллекта и личности* (Novikova, Kornilova, 2013; Корнилова и др., 2010), *интуитивный стиль* (Корнилова, Корнилов, 2013; Павлова, 2015), *«психологическая разумность»* (Новикова, Корнилова, 2014). В рамках рассмотрения регулятивной роли этих свойств в решении прогностических задач на российских выборках стала изучаться роль ЭИ и указанных личностных свойств отношения неопределенности и риску в когнитивных стратегиях на материале игровой задачи Айова (Корнилова, 2016а; Краснов, Чумакова, 2016; Краснов, 2017; Красавцева, Корнилова, 2016; Kornilov et al., 2015). При этом была показана и роль академического интеллекта в качестве предикторов игровых стратегий в Айова-тесте (Demaree et al., 2010). В частности, установлено, что *академический интеллект* выполняет функцию предиктора успешности стратегий не на первых этапах игры, где для испытуемого максимальна неопределенность вероятностных ориентиров (Корнилова и др., 2017). Нами в совместном исследовании на смешанной выборке взрослых испытуемых была продемонстрирована роль *толерантности* и *интолерантности к неопределенности* на разных этапах стратегий (Kornilov et al., 2015). Ю.В. Красавцевой и Т.В. Корниловой были продемонстрированы также связи ЭИ и академического интеллектов с

регуляцией стратегий в Айова-тесте в выборках гражданских лиц (Красавцева, Корнилова, 2018).

Актуальной является постановка задач одновременного измерения свойств отношения к неопределенности и риску, свойств саморегуляции, стабильных личностных черт, эмоционального интеллекта и академического и анализа их возможной роли в качестве предикторов стратегий прогнозирования в Айова-тесте. Кроме того, что это внесет свой вклад в решение общепсихологической задачи соотнесения разных свойств интеллектуально-личностного потенциала в регуляции ПР, это также может помочь прояснению специфики эмоциональной регуляции предвосхищений у лиц такой группы «нормы», которыми являются военнослужащие руководители (среднего звена). Повторим, что в рамках своей профессиональной деятельности они должны действовать нормативно (согласно служебным инструкциям) и значит ограничены служебными рамками взаимодействий при принятии решений.

Мы предполагали соотнести предикторы принятия решений в ситуациях, когда военнослужащие решают вербальные задачи, связанные с их профессиональной деятельностью (МЭП), и при принятии ими многоэтапных решений в экспериментальной модели Айова-теста, не специфичной для какого-либо вида профессиональной деятельности.

В исследовании Гутierrez-Кобо с коллегами (Gutiérrez-Cobo et al., 2016) на основе метаанализа 26 работ приведены обоснования того, что результаты ЭИ при тестировании его как способности на основе «объективных» измерений (но не по самооцениваемым тестам ЭИ) положительно связаны с эффективностью в «горячих» когнитивных задачах, куда, в частности, отнесен и Айова-тест – Игровая задача Айова, поскольку эта ситуация моделирует принятие решений на основе прогностической активности в условиях неопределенности. Таким образом, появляется новый аспект обсуждения эмпирических данных о связях ЭИ с принятием неопределенности – аспект

прогнозирования при принятии решений или возвращение к более широкой и старой проблеме предвосхищений в мышлении.

Хотя имеются многочисленные работы о связях стратегий в IGT с эмоциональной сферой, рассмотрение *эмоционального интеллекта* как предиктора в Айова-тесте для групп «нормы», как уже сказано, оказывается еще редким. Вебб с соавторами в 2014 г. отмечали (Webb et al., 2014), что известно только одно исследование с одновременным фиксированием свойств IQ и ЭИ на не клинической выборке – (Demaree et al., 2010). Указанное исследование обнаружило, что именно академический интеллект оказывается лучшим предиктором успешности выполнения Айова-теста, а значит его выполнение задействует в большей степени когнитивные факторы, чем эмоциональные (по крайней мере больше, чем эмоциональный интеллект). Выше мы указали также на работу Красавцевой и Корниловой (2018), где взаимодействие ЭИ и академического интеллекта рассмотрено в контексте выявления их включенности в регуляцию стратегий в Айова-тесте на российских выборках. Для показателей ЭИ в метаанализе Гутеэррез-Кобо с коллегами (Gutiérrez-Cobo et al., 2016) привели четыре работы, где связей с ЭИ не было установлено, но в двух других они проявились: более эффективными были показатели стратегий лиц с более высоким ЭИ.

Таким образом, нельзя считать решенным вопрос о взаимосвязях как академического интеллекта, так и эмоционального интеллекта с игровыми стратегиями, отражающими прогностическую активность человека в игровой ситуации Айова-теста. Мы этот вопрос рассмотрели в контексте анализа специфики выраженности связей этих свойств со стратегиями в IGT на выборке военных руководителей (среднего звена).

В профессиональной деятельности военных руководителей важную роль занимает принятие решений в условиях неопределенности. Необратимость решений, ограничения временных рамок и ресурсов – вот основные характеристики принятия решений военными руководителями, выделенные Б.М. Тепловым (Теплов, 1943/1990) в его классической работе

«Ум полководца». Но в обычных условиях служебной деятельности военнослужащих важную роль играют также такие условия неопределенности и риска, которые связаны с решением прогностических задач, включающих вероятностную ориентировку.

Именно этот аспект деятельности военных руководителей еще не подвергался экспериментальному изучению. Исключением можно считать приводимое Р. Стернбергом с соавторами исследование по принятию решений военными офицерами на материале вербальных задач (Стернберг и др., 2002).

В нашем исследовании, изложенном в предыдущей главе, его участниками стали именно военные руководители (среднего звена), на выборке которых установлены связи выборов с ЭИ в ситуациях предвосхищений. Однако выбор материала ситуаций – фактор задач – может влиять на широту возможных обобщений. Поэтому мы поставили цель провести также исследование роли ЭИ в регуляции стратегий выборов военных руководителей в вероятностно организованной среде.

Переход к экспериментальным моделям позволяет проводить комплексный анализ включенности интеллектуальных и личностных переменных в регуляцию многоэтапных выборов в условиях, включающих вероятностную ориентировку. Айова-тест моделирует такие условия.

В первом предварительном совместном исследовании индивидуальных различий при выполнении Игровой задачи Айова на смешанной выборке ($n = 60$) было показано, что стратегии ПР частично регулируются толерантностью и интолерантностью к неопределенности. ТН определяет базовый индекс риска принимаемых решений, причем на начальных этапах, в то время как ИТН регулирует рискованность выборов после проигрышей, потенциально ограничивая обучение в условиях неопределенности через неприятие риска (Kornilov, Krasnov et al., 2015).

Во втором предварительном исследовании *«Профессиональные различия в игровых стратегиях Айова-теста»* (Краснов, Чумакова, 2016) проверялась гипотеза о различиях стратегий IGT в группах разной профессиональной

принадлежности. Группы значимо не различались по возрасту (U-критерий Манна-Уитни = 792,0, $p < 0,05$).

При сравнении группы военных руководителей ($n = 51$) и не военных профессионалов ($n = 32$) были получены значимые различия по ряду показателей (рис. 3): *выбор колоды С* в 3 блоке ($t = -2,096$, $df = 38,59$, $p < 0,05$), *суммарный показатель* выборов колоды С в 4 блоке ($t = -2,059$, $df = 36,73$, $p < 0,05$), *суммарный показатель* выборов колоды D в 4 блоке ($t = 2,021$, $df = 81$, $p < 0,05$), *выбор колоды С* в 5 блоке ($t = -2,141$, $df = 40,60$, $p < 0,05$), *выигрыш* в 5 блоке ($t = 2,116$, $df = 81$, $p < 0,05$) и *суммарный показатель* выборов колоды С за всю игру ($t = -2,198$, $df = 36,65$, $p < 0,05$).

Основным различием в стратегиях между группами стало предпочтение «хороших» колод (С и D на рис. 6): военные руководители значимо реже на последних этапах игры предпочитали колоду с частыми проигрышами, что отразилось на общем выигрыше в последнем (5-м) блоке.

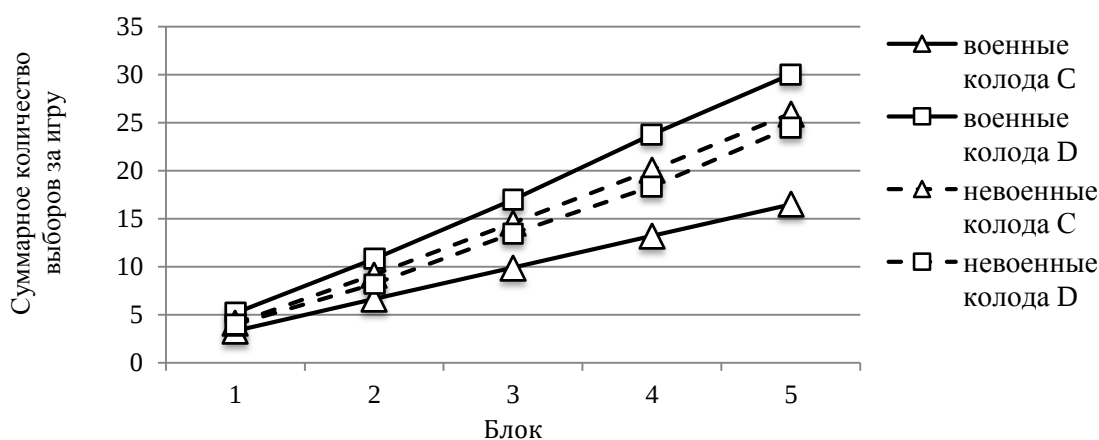

Рисунок 6. Суммарное количество выборов колод С и D в группах военных руководителей и гражданских лиц

На основе этих предварительных результатов были поставлены задачи 4-го эмпирического исследования, изложенного в следующем параграфе.

§ 3.2. Связи стратегий многоэтапных решений с эмоциональным интеллектом, интеллектом и личностными свойствами

Исследование 4: Связи стратегий многоэтапных решений с эмоциональным интеллектом и личностными свойствами

Участники исследования: 246 военных руководителей среднего звена (возраст $M = 34,11$; $SD = 4,58$; все мужчины с высшим образованием).

Целью нашего исследования стало выявление на выборке военных руководителей специфики взаимосвязей между такими личностными свойствами, как толерантность к неопределенности, рациональность, готовность к риску, свойства саморегуляции, черты Большой пятерки, а также общим уровнем интеллектуальных способностей (КОТ) с особенностями стратегий принятия решений в ситуации, где условия неопределенности заданы вероятностной средой положительных и отрицательных исходов выбора (Айова-тест).

При выборе методик мы хотели охватить как устойчивые личностные черты (Большая пятерка), так и черты, отражающие динамические отношения к неопределенности (толерантность к неопределенности, готовность к риску). Поскольку мы предполагали также когнитивную ориентировку при решении прогностических задач, в исследовании применялся тест на интеллект.

Методики:

Экспериментальная ситуация Айова-теста

Для моделирования ситуации неопределенности применялась компьютеризованная версия методики Iowa Gambling Task – IGT (Grasman, Wagenmakers, 2005; Корнилова, 2016) – в адаптации С.А. Корнилова.

В процессе многоэтапного решения Айова-теста испытуемый совершает 100 выборов карт из колод, которые при анализе результатов разбиваются на 5 блоков (1 блок соответствует первым 20 выборам, 2 блок – с 21 по 40, 3 блок – с 41 по 60, 4 блок – с 61 по 80, и 5 блок – с 81 по 100 выбор). Исход каждого выбора, как отдельного хода в игре, рассматривался как «выигрыш» или «проигрыш» условных игровых долларов.

Наиболее частый выбор колод А и В, обеспечивает большой сиюминутный выигрыш, но в долгосрочной перспективе приводит к низкому результату из-за больших убытков, выбор этих колод является «проигрышным». Напротив, частый выбор колод С и D ведет к небольшой

краткосрочной прибыли, но сопровождается и минимальными потерями, что в итоге дает возможность получить более высокий совокупный результат. Предпочтение данных колод является «выигрышным».

Предполагается, что в течение первых 20-ти проб (1-ый блок) испытуемый исследует игровое пространство. В ходе такого исследования формируются общие представления об игровых закономерностях. На 2 – 4 блоках испытуемый пробует различные стратегии и ищет наиболее выигрышную. В пробах 5-го блока (последние 20 проб) испытуемый реализует наилучшую (наиболее выигрышную) стратегию, отобранную из тех, которые он опробовал на более ранних этапах игры. При этом выборы, совершенные в 5-ом блоке, расцениваются как ситуация принятия решений в условиях прогнозируемого риска, т.к. испытуемому уже известны вероятности выигрыша и проигрыша, зависящие от выбора (Brevers et al., 2013).

Частая смена колод, в том числе после столкновения с крупным проигрышем, рассматривалась как аспект хаотичности стратегий выбора; редкая смена колод – как стабильность выборов; предпочтение «выигрышных» колод с мелкими суммами – как осторожная стратегия, а предпочтение «проигрышных» колод, но с редкими большими выигрышами, как менее рациональная и рискованная стратегия.

Психодиагностические методики

1. Опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн» (Люсин, 2009).
2. Методика ТІРІ – «Краткий опросник Большой пятерки» (КОБП) – применялась для диагностики черт Большой пятерки (Корнилова, Чумакова, 2016).
3. «Новый опросник толерантности к неопределенности» – НТН (Корнилова, 2010б).
4. Опросник «Личностные шкалы принятия решений» – ЛФР-21 (Корнилова и др., 2010).
5. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» – ССП-54 (Моросанова, 2004).

6. «Краткий отборочный тест» – КОТ (Бужин, 1992).

Обработка данных

Обработка данных проводилась с применением программы статистической обработки информации SPSS V.20 и включала вычисление критерия W (Шапиро-Уилка), коэффициентов корреляции Спирмена, проведение линейного регрессионного анализа.

Результаты

В таблице 10 показано, как меняются связи ЭИ с показателями стратегий выборов в зависимости от этапа в задаче Айова. Результаты пошагового линейного регрессионного анализа позволили уточнить роль переменных ЭИ в качестве предикторов выборов: *управление чужими эмоциями (МУ)* выступило значимым положительным предиктором кумулятивной прибыли на 2-ом этапе ($R^2 = 0,018$; $F = 4,374$; $\beta = 0,133$; $p < 0,05$), проигрыша на 3-ем этапе ($R^2 = 0,022$; $F = 5,395$; $\beta = 0,147$; $p < 0,05$) и отрицательным предиктором прибыли на 3-ем этапе ($R^2 = 0,019$; $F = 4,840$; $\beta = -0,139$; $p < 0,05$); *понимание своих эмоций* обеспечило отрицательный вклад ЭИ в проигрыш на 4-ом этапе.

Установленные положительные связи *академического интеллекта* с выбором выигрышных колод (во 2-ом блоке), с прибылью (в 5-ом блоке), а также с кумулятивной прибылью соответствуют работе с выборками гражданских (Корнилова и др., 2018), показавшей что опережающая прогностическая активность субъекта, направляемая развитием образа ситуации в изменяющейся неопределенности, включает когнитивные ориентиры и зависит от уровня интеллекта в не меньшей степени, чем от гипотетических «соматических маркеров».

Таблица 10. Связи эмоционального интеллекта с показателями выборов в Игровой задаче Айова на выборке военных руководителей (р)

	МЭИ	ВЭИ	ВП	ПЭ	МУ	КОТ
Выбор выигрышных колод (1 блок)	-0,128*	-0,09	-0,094	-0,107	-0,144*	0,03
Выбор выигрышных колод (2 блок)	0,029	0,065	0,082	0,059	0,027	0,23*

	МЭИ	ВЭИ	ВП	ПЭ	МУ	КОТ
Кумулятивная прибыль (2 блок)	0,083	0,049	0,064	0,028	0,141*	0,169
Проигрыш (3 блок)	0,122	-0,022	0,036	0,047	0,164*	-0,144
Прибыль (3 блок)	-0,131*	0,003	-0,05	-0,062	-0,170**	0,14
Проигрыш (4 блок)	-0,063	-0,074	-0,139*	-0,126*	-0,042	0,032
Прибыль (5 блок)	0,001	-0,028	-0,033	-0,023	-0,009	0,19*
Прибыль за игру	-0,034	0,014	0,022	0,005	-0,058	0,19*

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$. Шкалы методики ЭмИн: МЭИ – межличностный эмоциональный интеллект, ВЭИ – внутриличностный эмоциональный интеллект, ПЭ – понимание эмоций, МУ – управление чужими эмоциями, ВП – понимание своих эмоций.

Для уточнения роли ЭИ в личностной регуляции принятия решений мы рассмотрели также связи стратегий со шкалами саморегуляции (Моросанова, 2002), готовности к риску и рациональности (Корнилова и др., 2010), чертами Большой пятерки (Корнилова, Чумакова, 2016) (на части предыдущей выборки – 120 военных руководителей ($M = 34,00$; $SD = 4,05$)).

Таблица 11. Связи эмоционального интеллекта с саморегуляцией (ρ)

	Планирование	Моделирование	Программирование	Оценивание результатов	Гибкость	Самостоятельность	Общий
МЭИ	0,237**	0,260**	0,199*	0,144	0,299**	0,104	0,313**
ВЭИ	0,122	0,392**	0,192*	0,227*	0,300**	0,062	0,330**
ПЭ	0,176	0,312**	0,204*	0,135	0,318**	0,108	0,308**
УЭ	0,17	0,357**	0,196*	0,234**	0,270**	0,07	0,338**
МП	0,216*	0,266**	0,220*	0,125	0,334**	0,108	0,310**
МУ	0,198*	0,273**	0,209*	0,205*	0,260**	0,127	0,327**
ВП	0,117	0,291**	0,161	0,117	0,289**	0,09	0,261**
ВУ	0,091	0,318**	0,196*	0,239**	0,310**	0,125	0,337**
ВЭ	0,107	0,404**	0,173	0,229*	0,203*	-0,011	0,280**

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Как видно из таблицы 11, выявлены связи ЭИ со всеми шкалами саморегуляции (по опроснику ССП) за исключением *самостоятельности*.

Шкалы саморегуляции *моделирование* и *самостоятельность* отрицательно связаны с продуктивными выборами в Айова-тесте, а шкала *гибкость* позитивно с показателем числа смены колод в конце игры (табл. 12).

Таблица 12. Связи показателей Айова-теста с саморегуляцией (ρ)

Показатели Айова-теста (IGT)	ССП			
	Планирование	Моделирование	Гибкость	Самостоятельность
Прибыль (1 блок)	-0,10	0,02	0,13	0,13
Прибыль (2 блок)	0,20	-0,07	-0,07	-0,02
Прибыль (3 блок)	-0,07	0,03	0,09	-0,20
Прибыль (4 блок)	-0,05	-0,02	-0,03	0,15
Прибыль (5 блок)	0,02	-0,17	-0,11	-0,08
Прибыль за игру	0,02	-0,23	-0,04	-0,09
Выбор выигрышных колод (1 блок)	-0,03	-0,18	-0,15	-0,04
Выбор выигрышных колод (2 блок)	0,00	0,06	0,17	-0,04
Выбор выигрышных колод (3 блок)	-0,09	-0,21	0,08	-0,06
Выбор выигрышных колод (4 блок)	-0,02	-0,11	0,15	0,02
Выбор выигрышных колод (5 блок)	0,01	-0,13	0,15	-0,01
Выбор выигрышных колод за игру	-0,01	-0,16	0,15	-0,02
Смена колод (1 блок)	-0,11	-0,04	-0,04	-0,18
Смена колод (2 блок)	-0,14	0,06	0,02	0,00
Смена колод (3 блок)	-0,20	-0,11	0,05	0,06
Смена колод (4 блок)	0,01	0,03	0,12	-0,05
Смена колод (5 блок)	-0,04	-0,03	0,18	-0,09
Смена колод за игру	-0,17	-0,01	0,08	-0,11

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

Как показывает таблица 13, значения по шкале *готовности к риску* (ЛФР-21) отрицательно связаны с выбором выигрышных колод в начале игры, а *рациональность* – положительно с общей прибылью. *ИТН* отрицательно связана с выбором выигрышных колод в начале игры, сменой колод как начальном этапе, так и за игру, т. е. сопутствует снижению эффективности стратегий. *Открытость опыту* (по КОБП) положительно связана с прибылью на начальном этапе, а *ТН* – с выбором выигрышных колод в середине игры.

Таблица 13. Связи показателей Игровой задачи Айова с другими переменными интеллектуально-личностного потенциала (ρ)

Показатели Айова-теста (IGT)	КОТ	ЛФР-21		ИТН-33		КОБП (ТИР)
		Риск	Рациональность	ТН	ИТН	Открытость опыту
Прибыль (1 блок)	-0,02	0,01	0,03	0,09	0,05	0,21*
Прибыль (5 блок)	0,19*	-0,04	0,11	0,12	0,01	0,15
Прибыль за игру	0,19*	-0,11	0,18*	0,13	-0,07	0,18
Выбор выигрышных колод (1 блок)	0,03	-0,22*	-0,03	-0,03	-0,18*	0,00
Выбор выигрышных колод (2 блок)	0,23*	-0,07	0,06	0,10	-0,07	0,15
Выбор выигрышных колод (3 блок)	0,03	-0,02	-0,06	0,20*	-0,11	0,01
Смена колод (1 блок)	-0,01	0,01	0,08	0,06	-0,20*	-0,02
Смена колод (2 блок)	0,00	-0,02	0,02	0,07	-0,19*	0,13
Смена колод за игру	-0,07	0,01	0,08	0,06	-0,21*	0,03

Примечание. Представлены показатели значимых связей; * $p < 0,05$.

Те факты, что более высокие показатели *открытости опыту* и при этом сниженные по *готовности к риску* сопутствуют достижению более высокой результативности ПР, как и тот, что большая частота смены колод – сниженной *ИТН* в 1-ом блоке выборов в ИГТ, свидетельствуют о связи этих показателей с более активной ориентировкой в новой ситуации. По мере накопления опыта ориентировки в ситуации игры с общей прибылью (результат накоплений за игру) оказались положительно связаны уже другие свойства – *интеллект* и рациональность как направленность на полную осведомленность и готовность проводить информационный поиск для увеличения полноты ориентиров (по ЛФР-21). Таким образом, изменение образа ситуации в аспекте снижения субъективной неопределенности вело к выходу на ведущие уровни регуляции разных личностных свойств.

Отрицательная взаимосвязь *готовности к риску* с выбором выигрышных колод на 1-м этапе, т.е. в условиях максимальной неопределенности игровой ситуации, стала неожиданным результатом. Но он соответствует феномену «инверсии риска», полученному на примере первых компьютерных игр (лото и шашки), когда было показано, что у лиц с высокими показателями рискованности по методике ЛФР обнаруживались более осторожные стратегии (Корнилова, Чудина, 1990).

На этапе апробирования различных стратегий выбора (блоки 2 – 4), большим выигрышам сопутствует повышение по шкалам интеллекта и толерантности к неопределенности.

В условиях наименьшей неопределенности и прогнозированного риска (блок 5) большую прибыль получали руководители с высокими показателями интеллекта. Офицеры, проявляющие интолерантность к неопределенности, реже меняли колоды после проигрыша, как в условиях максимальной неопределенности – первые 40 выборов, так и в целом за всю игру.

Посредством корреляционного анализа также было установлено, что частота смены колод после проигрышей отрицательно связана с *возрастом* ($r = -0,209, p < 0,05$). Этот результат большей приверженности к уже сделанным

выборам у более старших участников согласуется с исследованием на выборке не военных руководителей (Красавцева, Корнилова, 2016).

Для выявления вклада измеренных свойств интеллектуально-личностного потенциала в показатели решения прогностических задач в Игровой задаче Айова применялся регрессионный анализ с пошаговым отбором.

Таблица 14. Предикторы выполнения военными руководителями Айова-теста

Зависимая переменная	Независимая переменная	R ²	F	B	t	p
Кумулятивные деньги (счет за игру)	(Константа)	0,1	6,478	398,256	1,148	0,253
	Интеллект (КОТ)			127,148	2,989	0,003
	Рациональность (ЛФР-21)			74,257	2,297	0,023
Выбор выигрышных колод (первый блок)	(Константа)	0,04	4,958	9,171	25,303	0,000
	Готовность к риску (ЛФР-21)			-0,216	-2,227	0,028
Выбор выигрышных колод (второй блок)	(Константа)	0,057	7,167	5,740	4,203	0,000
	Интеллект (КОТ)			0,154	2,677	0,008
Смена колод (первый блок)	(Константа)	0,040	4,948	7,768	5,706	0,000
	Интолерантность к неопределенности (ИТН-33)			-0,044	-2,225	0,028
Смена колод за игру	(Константа)	0,035	4,268	29,717	5,760	0,000
	Интолерантность к неопределенности (ИТН-33)			-0,156	-2,066	0,041

Согласно результатам, приведенным в таблице 14, можно утверждать, что в позитивное выделение свойств разных колод в заданных условиях неопределенности в игре вносит значимый вклад повышение *общего уровня интеллекта*. Это позволяет сделать вывод о том, что за результатами выполнения Айова-теста стоят не только эмоциональные процессы, согласно гипотезы соматических маркеров (Damasio et al, 1991), но и когнитивная ориентировка.

Роль *интолерантности к неопределенности* как предиктора предпочтения офицерами стратегии стабильности (в выборе одних и тех же колод), видимо, опосредована присущим им стремлением к порядку, что соответствует связи этого свойства с *рациональностью* (по ЛФР). Но *рациональность* вносит вклад в общий выигрыш, в то время как *ИТН* с этим показателем продуктивности стратегий ПР не связана.

Мешает достижению прибыли в условиях максимальной неопределенности *готовность к риску*. Видимо, у военных руководителей выраженность этого свойства не способствует направленности на выдвижение и проверку гипотез на этапах решения с максимально неопределенным образом ситуации.

Не все представленные в связях с показателями многоэтапных решений личностные свойства выступили в качестве предикторов. В частности, в качестве предикторов не выступили *открытость опыту* и *толерантность к неопределенности*. Однако установленные связи позволяют во многом уточнить как особенности личностного профиля военных руководителей – современных офицеров, так и особенности принятия ими решений.

Обсуждение и выводы

В целом *результаты исследования 4* свидетельствуют о следующем:

1. Множественное представление показателей стратегий выборов в Игровой задаче Айова позволяет давать дифференцированную картину изменений вероятностной ориентировки человека в условиях динамической неопределенности.

2. Повышение общего уровня *интеллекта* способствует позитивному выделению ориентиров ПР у военных руководителей (среднего звена).

3. *Рациональность*, как направленность на сбор информации, наряду с *интеллектом* способствует эффективным стратегиям в Игровой задаче Айова.

4. Руководители с высокой *готовностью к риску* реже выбирают выигрышные колоды при выполнении 1 блока методики, т. е. в условиях максимальной неопределенности у них менее продуктивны процессы прогнозирования.

5. *Интолерантность к неопределенности* связана с предпочтением офицерами стратегии стабильности в выборе.

6. Черты *Большой пятерки*, выступая в значимых связях с *толерантностью-интолерантностью к неопределенности*, не являются вместе с тем предикторами выборов при решении прогностических задач.

Таким образом, актуалгенез выборов в заданных условиях неопределенности у военных руководителей связан как с личностной, так и с интеллектуальной регуляцией ПР, а значит не может сводиться к интуиции и эмоциональным компонентам регуляции в понимании А. Дамасио.

§ 3.3. Восприятие риска и готовность к риску у военных руководителей среднего звена

В приведенных выше параграфах этой главы 3 мы продемонстрировали связи ЭИ, а также отношения к неопределенности и риску с регуляцией принятия многоэтапных решений в игровой задаче Айова. Это позволило конкретизировать вклады эмоционального интеллекта, академического интеллекта и ряда личностных свойств в регуляцию стратегий принятия решений.

Однако специфику отношения к неопределенности и ЭИ необходимо связывать не только с шкалами соответствующих личностных опросников и связям их с экспериментальными моделями принятия решений. При принятии решений преодоление неопределенности может также включать фактор риска.

Проблема управления рисками составляет значительную часть исследований в психологии риска и принятия решений (Slovic, 2010; Slovic, Fischhoff, 1984; Slovic, Weber, 2002; и др.). Восприятие риска связывают с процессами когнитивного оценивания риска (D. Kahneman, A. Tversky, G. Gigerenzer, B. Starr, P. Slovic, S. Lichtenstein, B. Fischhoff, M. Finucane) или субъективными репрезентациями факторов риска при принятии решений (Корнилова, 2016а).

Риск присутствует во многих видах профессиональной деятельности, однако не все факторы риска связываются с характеристикой экстремальности.

В военной психологии особое внимание уделяется изучению поведения человека в специфических условиях, влиянию стресса, вызванного боевой

обстановкой, прогнозированию специфики воздействия факторов боя, поиску детерминант рискованного поведения.

Деятельность военного предполагает принятие риска как основы существования, как необходимости для целей защиты личности и государства. Риски военных руководителей при выполнении служебных задач в боевых условиях могут квалифицироваться как риски в экстремальных ситуациях, требующих ответственного принятия решений, затрагивающих жизни других людей.

Обсуждение возможных выходов из трудных ситуаций военными проводилась Стернбергом с соавторами в книге «Практический интеллект» (Стернберг и др., 2002). Общей характеристикой эффективности оказывалась способность видеть многоплановость задач и принимать личную ответственность за возможные решения, не перекладывая их, в частности, на верхний уровень руководства.

Находясь в боевой ситуации, военнослужащий действует в условиях высокой объективной неопределенности, источниками которой выступают множество различных факторов, определяющих его боевую активность. К таким факторам относятся: отношение к войне народа, сплоченность воинского подразделения, четкое и авторитетное руководство боевыми действиями, природно-географические факторы, интенсивность боевых действий, особенности применяемого оружия, объем и соотношение потерь сторон, соответствие боевой техники и оружия задачам боевой деятельности, а также психофизиологические и психологические факторы (Караяни, Сыромятников, 2006; Решетников, 2011).

Факторы боевого поведения воинов влияют в различных комбинациях, с разной интенсивностью. Опасная для жизни и здоровья обстановка воспринимается военнослужащими индивидуально, различным образом понимающими цели войны, неодинаково относящимися к противнику, к сослуживцам, командирам, участвующими в разных видах боя,

отличающимися боевым опытом, типом нервной системы и т. д. (Караяни, Сыромятников, 2006).

Риск для жизни и здоровья в военной сфере может быть оценен при анализе статистических данных, а также на основе экспертных оценок или оценок непрофессионалов, которые зачастую делают выводы, основываясь на том, что они помнят из услышанного и увиденного о рассматриваемом виде риска (Канеман и др., 2005; Pedersen, 1997).

При рассмотрении риска в качестве психологической категории он выступает не только как объективная опасность для человека. Объективные данные о риске и социальные представления преломляются в субъективные представления – *когнитивные репрезентации*. Эти новообразования преобразуются в индивидуальном опыте и проявляются в процессе принятия решений в условиях неопределенности (Корнилова, 2016а).

Причем в репрезентациях риска может стираться грань между реальной (объективной) угрозой и субъективной оценкой опасности. Быховец Ю.В. и Тарабрина Н.В. в статье «Понятие угрозы: объективная и субъективная опасность» приводят данные о субъективности восприятия и оценки потенциальных угроз (на примере террористической угрозы) и проблеме соотношения реальной и субъективно переживаемой опасности (Быховец, Тарабрина, 2013). Для возникновения негативных переживаний угрозы необязательно наличие реальной угрозы.

В нашей работе мы исходили из принципов динамического подхода к регулятивной роли интеллектуальных и личностных свойств и мультипликативной модели регуляции принятия решений (Корнилова, 2003, 2011, 2014а), рассматривая когнитивные репрезентации риска как актуализированные умственные образы рискованных ситуаций, событий и их последствий, отношений к риску и т.п., на которые опирается субъект в процессе принятия решений и которые изменяются в актуалгенезе индивидуального решения в условиях неопределенности.

Согласно психометрическому подходу (Fischhoff, 1978; Slovic, Fischhoff 1984; Slovic, Weber 2002), воспринимаемый риск может быть измерен и спрогнозирован методами, реализуемыми в рамках психометрической парадигмы. Мы применили ее в исследовании 5.

3.5.2. Связь интеллекта и личностных свойств с когнитивными репрезентациями риска для жизни и здоровья у военных руководителей среднего звена

Эмпирическое исследование 5: Связь интеллекта и личностных свойств с когнитивными репрезентациями риска для жизни и здоровья у военных руководителей среднего звена

В нем устанавливались особенности восприятия специфических рисков для жизни и здоровья, а также взаимосвязи их с интеллектом и личностными свойствами военных руководителей.

Участники исследования. 120 военных руководителей среднего звена ($M = 34,00$; $SD = 4,05$; все мужчины с высшим образованием).

Целью исследования стало изучение взаимосвязей между интеллектом, личностными свойствами с когнитивными репрезентациями риска для жизни и здоровья у военных руководителей с позиций модели мультипликативной и многоуровневой регуляции принятия решений в условиях неопределенности.

Но для его реализации мы должны были поставить промежуточную цель разработки методики категоризаций риска военнослужащими.

Методический инструментарий для оценки когнитивных репрезентаций риска у военных руководителей среднего звена

Для реализации вышеуказанной задачи нами была разработана *методика оценки когнитивных репрезентаций* риска для жизни и здоровья у военных руководителей (МОКР).

Оценивались осведомленность военных руководителей о рисках и особенности восприятия ими специфических рисков для жизни и здоровья. Сама процедура включала в себя три этапа.

На первом этапе участники (военные) на отдельном бланке самостоятельно перечисляли риски (максимум десять), которые они лично связывали с профессией военнослужащего, а затем отмечали, с какими из них они сталкивались сами или их знакомые.

На втором этапе участники на другом бланке, включающем десять нежелательных событий (рисков) для жизни и здоровья, связанных с профессиональной деятельностью, оценивали вероятность их наступления в отношении себя, а также степень уверенности в собственном прогнозе.

Показатель «уверенность в собственных ответах» определялся как среднее арифметическое оценок уверенности в собственных ответах при оценке специфических военных рисков. Уверенность при оценке рисков может рассматриваться в качестве отраженного в сознании результата интеллектуально-личностного усилия по принятию риска и снижению субъективной неопределенности. В отличие от уровня более простых ПР, в частности психофизических задач, для более сложных мыслительных задач пока не разработаны модели уверенности. А уверенность, как показывает Скотт Плаус (1998), выступает важной субъективной характеристикой ПР (она растет в диапазоне 50-80% успешности и падает в диапазоне от 80 до 100% успешности).

На третьем этапе офицеры оценивали вероятность наступления тех же событий (рисков) с позиции «новичков» и «опытных» военнослужащих.

Перечень рисков был составлен на основе экспертной оценки. В качестве экспертов выступили трое военных руководителя среднего звена, имеющие опыт военной службы более 20 лет. Каждый составил свой список рисков и далее путем обсуждения было отобрано десять ситуаций, которые впоследствии были включены в *анкету* (воздействие поражающих факторов взрыва, встреча с противником, выход из строя оборудования, ДТП с участием военной техники, поражение огнестрельным оружием, психологические перегрузки, радиационное облучение, сложные погодные условия, химическое заражение). Бланки представлены также в Приложении 3.

Для описания выраженности *сравнительного оптимизма* при восприятии рисков была введена вычисленная на основе имеющихся данных дополнительная переменная «средний уровень оптимизма».

Переменная рассчитывалась следующим образом:

1) Для каждого из десяти рисков вычислялась разность:

$$\Delta n = r_n \text{ «для себя»} - r_n \text{ «для другого»}$$

Где n – номер одного из десяти событий, r_n «для себя» – оценка вероятности конкретного события «для себя», r_n «для другого» – оценка вероятности того же самого события, прогнозируемая испытуемым, как ответ представителя группы новичков или опытных. Для вычислений использовалась вероятность «для другого» из соответствующей референтной группы, т.е. оценки «для себя» новичков сопоставлялись с их прогнозами ответов новичков, ответы опытных с их предположениями об ответах других опытных и т.д. Военные руководители, имеющие старшие офицерские звания, были отнесены в группу «опытных», а имеющие младшие офицерские звания – в группу «новичков».

2) Если $\Delta n < 0$, то наблюдению присваивалась цифра «1», т.к. испытуемый оценивал вероятность данного события для себя как меньшую, по сравнению с другими.

Если $\Delta n > 0$, то наблюдению присваивалась цифра «-1», т.к. испытуемый оценивал вероятность данного события для себя как большую, по сравнению с другими.

Если $\Delta n = 0$, то наблюдению присваивалась цифра «0», т.к. оценки вероятности «для себя» и «для других» не различались.

3) Далее вычислялось среднее по всем событиям для каждого человека. Таким образом, переменная «средний уровень оптимизма» выражена в шкале от -1 до +1, где «-1» означает, что все события испытуемый считал для себя более вероятными, чем для других, т.е. давал пессимистичный прогноз; «+1» означает, что в оценках всех событий был продемонстрирован оптимизм.

Дополнительно участники заполняли опросники ЭмИн (Люсин, 2009), ЛФР-21 (Корнилова и др., 2010), НТН (Корнилова, 2010б) и Краткий отборочный тест (Бузин, 1992).

Мы проверяли *гипотезу* о том, что общий уровень интеллекта, ЭИ и толерантность-интолерантность к неопределенности (в системе других личностных свойств) могут выступить предикторами субъективных категоризаций риска. Это означало бы верификацию гипотезы о взаимодействии когнитивных и личностных компонентов в отношении к риску.

Гипотеза о неоправданном оптимизме при восприятии рисков в спорте и экстремальных видах деятельности уже неоднократно проверялась (Корнилова, 2016а). Однако впервые на выборках российских военнослужащих проводилось исследование по оценке ими воспринимаемых рисков.

Проверялись две разно направленные гипотезы – о большей выраженности «неоправданного оптимизма» (снижении воспринимаемой рискованности ситуации) у лиц с более высоким академическим интеллектом, ЭИ, ТН и другими личностными особенностями (чертами Большой пятерки), а также контргипотеза о снижении оптимизма при восприятии риска у лиц с более высокими показателями этих составляющих интеллектуально-личностного потенциала.

Результаты исследования

Таблица 15. Корреляционный анализ показателей когнитивных репрезентаций риска с интеллектом и личностными свойствами (ρ)

	Воздействие поражающих факторов взрыва	Встреча с противником	Выход из строя оборудования	ДТП с участием военной техники	Поражение огнестрельным оружием	Психологические перегрузки	Радиационное облучение	Сложные погодные условия	Химическое заражение	Суммарный показатель риска
КОТ	-0,08	0,06	-0,01	-0,08	-0,01	0,21	-0,13	0,33	-0,15	0,02
Готовность к риску	-0,06	-0,27	-0,16	-0,09	-0,13	-0,04	-0,23	-0,14	-0,08	-0,18

	Воздействие поражающих факторов взрыва	Встреча с противником	Выход из строя оборудования	ДТП с участием военной техники	Поражение огнестрельным оружием	Психологические перегрузки	Радиационное облучение	Сложные погодные условия	Химическое заражение	Суммарный показатель риска
(ЛФР-21)										
Рациональность (ЛФР-21)	-0,05	0,11	-0,07	-0,07	0,05	-0,04	-0,02	-0,03	-0,20	-0,07
МЭИ (ЭмИн)	0,01	0,04	-0,04	-0,16	-0,02	-0,16	-0,15	-0,11	-0,24	-0,07
ПЭ (ЭмИн)	0,00	0,02	-0,06	-0,17	0,00	-0,11	-0,15	-0,09	-0,20	-0,07
УЭ (ЭмИн)	-0,05	-0,01	-0,15	-0,14	-0,03	-0,18	-0,14	-0,12	-0,19	-0,12
МП (ЭмИн)	-0,05	0,02	0,00	-0,22	-0,08	-0,14	-0,19	-0,12	-0,27	-0,10
ВУ (ЭмИн)	-0,08	-0,03	-0,05	-0,18	-0,05	-0,20	-0,27	-0,05	-0,27	-0,15
ВЭ (ЭмИн)	-0,11	-0,05	-0,20	-0,07	-0,08	-0,09	-0,03	-0,14	-0,06	-0,14
ТН (НТН-33)	0,16	0,05	0,14	0,03	0,08	0,10	-0,05	0,19	-0,05	0,10
МИТН (НТН-33)	0,11	0,15	-0,01	0,13	0,17	0,17	0,28	0,04	0,20	0,17
Экстрареврсия (ТІРІ)	0,15	0,15	0,04	0,09	0,08	0,18	-0,08	0,20	-0,10	0,14
Эмоциональная стабильность (ТІРІ)	-0,10	-0,18	-0,16	-0,17	-0,24	-0,25	-0,28	-0,10	-0,14	-0,26
возраст	-0,07	-0,15	-0,03	-0,07	-0,21	0,03	0,07	-0,11	0,09	-0,07

Результаты корреляционного анализа свидетельствуют о том, что военные руководители с более высокими показателями академического интеллекта значимо выше оценивали такие виды риска как *психологические перегрузки* и *сложные погодные условия*, т. е. не военные источники угроз.

Лица с более высокими показателями по *готовности к риску* в когнитивных репрезентациях риска проявляли «неоправданный оптимизм» – недооценивали риски по указанным видам опасностей, а также по суммарному

показателю риска ($p = 0,21$ и $0,33$ соответственно, все на уровне $p < 0,05$). Военные с более высокими показателями по *эмоциональному интеллекту* также демонстрировали снижение оценок воспринимаемого риска.

Полученный результат согласуется с исследованием Н.В. Родионовой, в котором на выборках профессионалов (операторов и Смоленской АЭС) и непрофессионалов и (жителей и г. Десногорск) было показано, что при высоком уровне склонности к риску оценка опасности была заниженной, т.е. также наблюдалось искажение при восприятии риска (Родионова, 2004).

ТН оказалась положительно связана лишь с невоенным источником риска – *погодные условия* ($p < 0,05$). Этот же источник выше оценивали военные с повышенной *экстраверсией* ($p < 0,05$). Лица с высокой *межличностной интолерантностью к неопределенности* значимо выше оценивали риски радиационного и химического заражения (все $p < 0,05$). Снижение *эмоциональной стабильности* значимо связано с увеличением оценок риска сразу по пяти из десяти его видов (все на уровне $p < 0,05$). Более старшие по возрасту военнослужащие значимо ниже оценивали риск *поражения огнестрельным оружием* ($p < 0,05$).

Вклад измеренных психологических свойств в восприятие риска подтверждается регрессионным анализом. *Готовность к риску* снижает оценки риска *встречи с противником* ($R^2 = 0,051$, $F = 6,381$, $B = -0,203$, $p < 0,05$), а *рациональность* – оценки риска *химического заражения* ($R^2 = 0,086$, $F = 11,056$, $B = -0,278$, $p < 0,01$). Снижение *контроля экспрессии* способствует повышению оценок риска *выхода из строя оборудования* ($R^2 = 0,043$, $F = 5,222$, $B = -0,207$, $p < 0,05$). Снижение *возраста* и *эмоциональной стабильности* ведет к повышению воспринимаемого риска *поражения огнестрельным оружием* ($R^2 = 0,086$, $F = 5,533$, $B_1 = -0,136$, $B_2 = -0,427$, $p < 0,05$).

Снижение *эмоциональной стабильности* и повышение общего уровня *интеллекта* (КОТ) способствует возрастанию оценок риска *психологических перегрузок* ($R^2 = 0,111$, $F = 7,335$, $B_1 = -0,420$, $B_2 = 0,366$, $p < 0,01$). Повышение

интеллекта также определяет возрастание оценок риска возникновения *сложных погодных условий* ($R^2 = 0,113$, $F = 14,983$, $B = 0,206$, $p < 0,01$).

Эмоциональная стабильность способствует снижению суммарного показателя воспринимаемого риска ($R^2 = 0,168$, $F = 11,510$, $B = -2,342$, $p < 0,01$).

Значимый вклад в *уверенность* при оценке рисков вносят только показатели *управления эмоциями* (по ЭМИн) и *интолерантности к неопределенности* ($R^2 = 0,168$, $F = 11,510$, $B1 = 0,021$, $B2 = 0,031$, $p < 0,05$).

Таким образом, предложенная методика оценивания когнитивных репрезентаций рисков для жизни и здоровья у военных руководителей среднего звена позволила выявить взаимосвязи свойств их интеллектуально-личностного потенциала с когнитивными репрезентациями риска.

§ 3.4. Функциональная включенность ЭИ в связи принятия решений с интеллектом и личностными свойствами

Исследование 6: Показатели ориентировки в Игровой задаче Айова как предикторы позитивного учета эмоционального контекста и направленности на разрешение ситуации выбора в задачах, моделирующих профессиональные взаимодействия военнослужащих

Участники исследования: 70 военных руководителя среднего звена ($M = 32,17$, $SD = 3,31$; все мужчины с высшим образованием).

Было проанализировано, как показатели стратегий в IGT могли предсказывать высоту переменных в МЭП и наоборот, как оценки личностных выборов в МЭП выступили предикторами стратегий многоэтапных выборов.

Результаты корреляционного анализа представлены в Приложении 4. Поскольку не все значимые корреляции обеспечивают роль переменной в качестве предиктора, рассмотрим последовательно, как проявленные в Игровой задаче Айова показатели могли предсказывать высоту переменных в МЭП и наоборот, как оценки в МЭП выступили предикторами стратегий в Игровой задаче.

По результатам линейной регрессии (шаговый отбор) *смена колод*, как показатель поисковой активности во 2-ом блоке Игровой задачи, выступила значимым предиктором общего индекса *использования эмоционального контекста* в ситуациях МЭП ($R^2 = 0,158$, $F = 4,689$, $\beta = 0,397$, $p < 0,05$). Таким образом, лица, более часто меняющие колоды в игровой стратегии – после первого, самого неопределенного этапа игры, – оказались в большей степени ориентированными на эмоциональный контекст ситуаций при личностном выборе в МЭП.

Согласно результатам линейной регрессии *смена колод* и выбор *выигрышных колод* (в том же 2-м блоке, т. е. на первых этапах) выступили значимыми предикторами общего индекса *разрешения ситуаций неопределенности* в МЭП ($R^2 = 0,483$, $F = 6,218$, $\beta_1 = 0,354$, $\beta_2 = 0,392$, все на уровне $p < 0,05$). Таким образом, активность и эффективность построения *образа ситуации* в Игровой задаче Айова позволяли предсказывать направленность на позитивное разрешение ситуации неопределенности в личностном выборе.

Военнослужащие, выше оценившие *помощь подсказок-иллюстраций* при окончательных выборах в МЭП, чаще выбирали выигрышные колоды ($p = 0,534$, $p < 0,05$) и меняли колоды в 1-м блоке IGT ($p = 0,389$, $p < 0,05$). Таким образом, они оказывались более эффективными в стратегиях именно на этапе максимально неопределенного образа ситуации.

Аналогично по результатам линейной регрессии (шаговый отбор) *смена колод* в 1-м блоке Айова-теста выступила предиктором оценки помощи подсказок-иллюстраций ($R^2 = 0,303$, $F = 11,870$, $\beta = 0,575$, $p < 0,05$) и оценки правдоподобности эмоций персонажей в подсказках-иллюстрациях ($R^2 = 0,192$, $F = 5,698$, $\beta = 0,438$, $p < 0,05$).

Таким образом, показатели эффективности в игровых стратегиях позволяют предсказывать направленность участников исследования на учет эмоционального контекста и разрешение ситуаций неопределенности. Это позволяет нам принять гипотезу о связи выборов на основе ориентировки на

эмоциональный контекст ситуаций с показателями игровых стратегий, что свидетельствует о достаточной интегрированности роли эмоциональных предвосхищений для разного материала принятия решений.

Выводы по главе 3

1. Множественное представление показателей стратегий выборов в Игровой задаче Айова позволяет давать дифференцированную картину изменений вероятностной ориентировки человека в условиях динамической неопределенности.

2. Повышение общего уровня *интеллекта* способствует позитивному выделению ориентиров ПР у военных руководителей (среднего звена).

3. *Рациональность*, как направленность на сбор информации, наряду с интеллектом способствует эффективным стратегиям в Игровой задаче Айова.

4. Руководители с высокой *готовностью к риску* реже выбирают выигрышные колоды при выполнении 1 блока методики, т. е. в условиях максимальной неопределенности их прогнозы менее эффективны.

5. *Интолерантность к неопределенности* связана с предпочтением офицерами стратегии стабильности при принятии многоэтапных решений.

6. Черты Большой пятерки, выступая в значимых связях с толерантностью-интолерантностью к неопределенности, не являются вместе с тем предикторами выборов при решении прогностических задач.

Заключение к главе 3

Предложенная методика оценивания когнитивных репрезентаций рисков для жизни и здоровья у военных руководителей среднего звена позволила выявить взаимосвязи свойств их интеллектуально-личностного потенциала с когнитивными репрезентациями риска.

Актуалгенез выборов в заданных условиях неопределенности у военных руководителей связан как с личностной, так и с интеллектуальной регуляцией ПР, а значит не может сводиться к интуиции и эмоциональным компонентам регуляции в понимании А. Дамасио.

Показатели эффективности в игровых стратегиях позволяют предсказывать направленность участников исследования на учет эмоционального контекста и разрешение ситуаций неопределенности. Это позволяет нам принять гипотезу о связи выборов на основе ориентировки на эмоциональный контекст ситуаций с показателями игровых стратегий, что свидетельствует о достаточной интегрированности роли эмоциональных предвосхищений для разного материала принятия решений.

Заключение

Проведенный обзор литературы по проблемам эмоционального интеллекта и психологической регуляции принятия решений, принятые положения культурно-исторической психологии и смысловой теории мышления о единстве интеллекта и аффекта и опора на концепцию множественной динамической регуляции принятия решений определили необходимость изучения эмоционального интеллекта в связях с другими свойствами интеллектуально-личностного потенциала, с актами выбора в предметно заданных ситуациях неопределенности и с динамикой многоэтапных стратегий человека при решении прогностических задач.

При планировании исследования мы выявили, что при широком диапазоне диагностических средств выявления показателей академического и эмоционального интеллекта, личностных черт и свойств, отражающих отношение человека к неопределенности и риску, в современных работах представлено недостаточно методик, с помощью которых актуализируются процессы регуляции принятия решений. Одной из экспериментальных моделей, предположительно актуализирующих эмоциональные процессы при решении прогностической задачи в условиях динамически изменяющейся неопределенности, выступила Игровая задача Айова. На ее материале обоснована гипотеза соматических маркеров (А. Дамасио). Эта экспериментальная ситуация позволяет проследить динамику выборов в вероятностной среде. Однако можно предполагать ограничения обобщений о регуляции выборов на подобном материале, если учитывать роль предметного содержания ситуаций неопределенности для актуализации регулятивных профилей принятия решений, стоящих за целевой и смысловой направленностью выборов личности. Как свидетельствует накопленный в психологии эмпирический материал (Корнилова, 2016а; Стернберг и др., 2002; и др.), продуктивным решением может выступать выбор материала вербальных задач, фокусирующих интеллектуальную и эмоционально-личностную ориентировку в направленности принятия решений личностью.

Для моделирования условий принятия решений, с возможностью выделения в них именно прогностической составляющей, нами был разработан соответствующая методика эмоционального предвосхищения (МЭП), в которой сочетались вербальное описание ситуации принятия решения и возможность взятия рисуночной подсказки, ориентирующей на учет эмоционального контекста ситуации.

Поскольку мы выбрали в качестве участников исследования военных руководителей (среднего звена), в задачах МЭП условия принятия решения были связаны с профессиональной деятельностью (в аспекте специфики межличностных взаимодействий в ситуациях служебной деятельности).

В психологии обосновано разделение ситуаций неопределенности и риска. В связи с этим при постановке задач исследования мы пришли к необходимости разработки методики для оценки когнитивных репрезентаций риска (МОКР). Проведенное исследование позволило нам, однако, расширить представления о субъективной представленности факторов риска у военных руководителей и трактовать их как личностные репрезентации риска.

Наряду с измерениями эмоционального интеллекта нами выделены переменные, отражающие отношение к неопределенности и риску, личностная готовность к риску и рациональность, стабильные личностные черты, категоризации риска и академический интеллект, которые с точки зрения выдвинутых гипотез в первую очередь будут связываться с эмоциональным интеллектом при принятии решений.

На материале разных типов прогностических задач мы рассмотрели регулятивную роль эмоционального интеллекта в связях его с другими компонентами интеллектуально-личностного потенциала человека. Это позволило нам конкретизировать предположение о динамических регулятивных системах как единицах функционирования интеллектуально-личностного потенциала человека при принятии им решений.

На основе полученных данных о динамике принятия многоэтапных решений в ситуации неопределенности, моделируемых Игровой задачей

Айова, мы установили роль как личностных переменных, так и интеллекта – на разных этапах стратегий, т.е. при изменении субъективной неопределенности. Это позволяет не согласиться с гипотезой соматических маркеров, которые понимаются А. Дамасио в качестве ведущих эмоционально-интуитивных компонентов, а говорить о множественной регуляции принятия решений в ситуации, заданной этой моделью.

Также были выявлены связи ЭИ и других рассматриваемых свойств интеллектуально-личностного потенциала с когнитивными репрезентациями риска (МОКР), как актуализированными умственными образами рискованных ситуаций, событий и их последствий, полагая, что при принятии решений преодоление неопределенности может также включать фактор риска. Эмоциональный интеллект наряду с толерантностью к неопределенности выступили в значимых связях также с успешностью профессиональной деятельности военных руководителей, но в качестве предиктора их результативности (во внешнем, нормативном критериям) выступила только шкала контроль экспрессии своих эмоций.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно заключить, что верифицированы выдвинутые гипотезы относительно роли эмоционального интеллекта в интеллектуально-личностной регуляции принятия решений. Полученные результаты свидетельствуют о достаточной интегрированности роли эмоционального интеллекта для ПР (на разном материале). Но при этом динамика связей ЭИ с показателями стратегий принятия решений не однозначна, как неоднозначной оказалась роль свойства интолерантность к неопределенности, выступившего предиктором стабилизации выборов военных руководителей. Для выборки военных руководителей эмоциональный интеллект можно трактовать, согласно нашим результатам, в качестве компенсирующего снижение у них толерантности к неопределенности.

Опираясь на полученные результаты, можно сформулировать практические рекомендации для специалистов по психологическому

сопровождению управления кадровыми ресурсами и кадровых служб, а при проведении профессионального психологического отбора и психологической подготовки учитывать специфику психологического профиля военных руководителей с более высокой результативностью в их служебной деятельности. Для комплексной диагностики интеллектуально-личностной регуляции особенностей принятия решений военными руководителями среднего звена могут рассматриваться и другие экспериментальные модели, если в них, как в использованной Игровой задаче Айова, будут выделяться предикторы стратегий принятия многоэтапных решений.

Апробированные методики могут применяться в широком спектре исследовательских задач (для развертывания показателей эмоциональных предвосхищений и стратегий принятия решений; для выявления взаимосвязей когнитивных и личностных составляющих восприятия риска и т.д.). Результаты могут быть положены в основу создания практико-ориентированных программ индивидуальной психологической подготовки и повышения эффективности принятия решений людьми в военной среде.

Результаты исследования дают возможность дальнейшего теоретического переосмысления ряда устоявшихся мнений о регулятивной роли эмоционального интеллекта и отношения к неопределенности, а также личности, принимающей решения в условиях неопределенности и риска.

По мере накопления эмпирических данных, результаты изучения субъективных репрезентаций риска (в частности, демонстрирующие роль «неоправданного оптимизма») могут быть положены в основу для создания диагностического инструментария, а также программ профилактики рискованного поведения в военной среде.

Ограничение обобщений результатов нашего исследования связано с тем, что в выборках военных руководителей были в основном мужчины. Учет дополнительной переменной пола при принятии решений военнослужащими станет возможным, видимо, лишь при реальных изменениях в составе руководителей среднего звена.

Выводы

1. Более высокие показатели *толерантности к неопределенности* и *эмоционального интеллекта* характеризуют специфику психологического профиля военных руководителей с более высокой *результативностью* в их служебной деятельности (по сравнению с группой с низкой результативностью).

2. Согласно показателю *использования эмоций в решении проблем* (субшкала MSCEIT), *эмоциональный интеллект* способствует одновременной целевой ориентировке на использование эмоциональной информации и разрешение ситуации неопределенности (т.е. наиболее эффективных выборов).

3. Переменные *эмоционального интеллекта*, не связанные при измерении его двумя методиками («объективным» тестом и опросником), проявляют схожие связи с характеристиками принятия решений военными (в вербальных задачах).

4. Разработанная *методика эмоциональных предвосхищений* (МЭП) позволяет с хорошей надежностью выявлять учет военными эмоционального контекста ситуации и направленность личностного выбора на разрешение ситуаций неопределенности в служебной деятельности.

5. Отношение к *неопределенности* наряду со шкалами *эмоционального интеллекта* выступили в качестве положительных предикторов использования эмоциональной информации – в зависимости от контекста ситуаций МЭП, моделирующей условия выбора в рамках служебной деятельности.

6. *Толерантность к неопределенности* и *эмоциональный интеллект* положительно связаны с *субъективной оценкой помощи от подсказок*, ориентирующих на использование эмоциональной информации. При этом направленность выбора не связана с этой субъективной оценкой.

7. Индексы *управление своими эмоциями* и *контроль эмоций других людей*, как показатели эмоционального интеллекта, положительно связаны с

индивидуальными отклонениями оценок *приемлемости* исходов в задачах, моделирующих профессиональные взаимодействия.

8. Черты *Большой пятерки* (экстраверсия, согласие, добросовестность, эмоциональная стабильность, открытость опыту) связаны со шкалами ЭИ, но не выступают предикторами многоэтапных выборов.

9. Показатели *эффективности многоэтапных выборов* в игровых стратегиях (смена колод и выбор выигрышных колод) позволяют предсказывать направленность *личностных выборов* участников на учет эмоционального контекста и разрешение ситуаций неопределенности.

10. У военных руководителей повышение личностной *готовности к риску* и *эмоционального интеллекта* сопутствует проявлению «неоправданного оптимизма» в *когнитивных репрезентациях риска*. Значимый вклад в субъективные оценки риска вносят переменные *управление эмоциями* и *интолерантность к неопределенности*.

Список литературы

1. *Абульханова-Славская К.А. и др.* Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения / К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский. – М.: Наука, 1989. – 248 с.
2. *Адизес И.К.* Идеальный руководитель: почему им нельзя стать и что из этого следует / И.К. Адизес. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 264 с.
3. *Александров Ю.И.* Дифференциация и развитие / Ю.И. Александров // Теория развития: Дифференционно-интеграционная парадигма / сост. Н.И. Чуприкова. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 224 с.
4. *Ананьева К.И. и др.* Кросс-культурные особенности движений глаз при восприятии лиц разных рас / К.И. Ананьева, И.А. Басюл, А.А. Демидов // Экспериментальная психология. – 2016. – Т. 9, № 4. – С. 5–7.
5. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений / Г.М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 363 с.
6. *Андреева И.Н.* Азбука эмоционального интеллекта / И.Н. Андреева. – СПб.: БХВ-Петербург, 2012. – 288 с.
7. *Анохин П.К.* Эмоции / П.К. Анохин // Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1949/1984. – С. 172–177.
8. *Андреева И.Н.* Об истории развития понятия «эмоциональный интеллект» / И.Н. Андреева // Вопросы психологии. – 2008. – № 5. – С. 83–95.
9. *Арестова О.Н.* Психологические механизмы структурирующего влияния мотивации на мыслительную деятельность / О.Н. Арестова // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. – 2006. – № 3. – С. 3–14.
10. *Арестова О.Н.* Развитие представлений о роли мотивации в мыслительной деятельности / О.Н. Арестова // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. – 2008. – № 2. – С. 128–139.
11. *Асмолов А.Г.* Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия / А.Г. Асмолов // Психологические

- исследования. – 2015. – Т. 8, № 40 (1). – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40.html>
12. *Асмолов А.Г. и др.* По ту сторону гомеостаза: историко-эволюционный подход к развитию сложных систем / А.Г. Асмолов, Е.Д. Шехтер, А.М. Черноризов // Вопросы психологии. – 2014. – № 4. – С. 3–13.
 13. *Асмолов А.Г. и др.* Что такое жизнь с точки зрения психологии: историко-эволюционный подход к психофизической проблеме / А.Г. Асмолов, Е.Д. Шехтер, А.М. Черноризов // Вопросы психологии. – 2016. – № 2. – С. 3–23.
 14. *Асмолов А.Г. и др.* Преадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции / А.Г. Асмолов, Е.Д. Шехтер, А.М. Черноризов // Вопросы психологии. – 2017. № 4. – С. 1–24.
 15. *Бабаева Ю.Д. и др.* Смысловая теория мышления / Ю.Д. Бабаева, Н.Б. Березанская, И.А. Васильев, А.Е. Войскунский, Т.В. Корнилова // Вестник Московского ун-та. Серия 14. Психология. – 2008. – № 2. – С. 26–58.
 16. *Божья-Воля А.А.* Оценка результативности государственных служащих руководящего состава: международный опыт и российские перспективы / А.А. Божья-Воля // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2009. – № 2. – С. 81–103.
 17. *Бок Л.* Работа рулит! Почему большинство людей в мире хотят работать именно в Google / Л. Бок. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 384 с.
 18. *Брушлинский А.В.* Мышление и прогнозирование (логико-психологический анализ) / А.В. Брушлинский. – М.: Мысль, 1978. – 230 с.
 19. *Брушлинский А.В.* Субъект: мышление, учение, воображение / А.В. Брушлинский. – М.: Изд-во «Институт практической психологии», 1996. – 392 с.
 20. *Брушлинский А.В. и др.* Мышление и общение / А.В. Брушлинский, В.А. Поликарпов. – Самара: Самар. Дом печати, 1999. – 128 с.

21. *Бузин В.Н.* Краткий отборочный тест / В.Н. Бузин. – М.: Смысл, 1992. Вып. 4. – 10 с.
22. *Бусыгина Н.П.* Методология качественных исследований в психологии: учеб. пособие / Н.П. Бусыгина. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 304 с.
23. *Быховец Ю.В. и др.* Понятие угрозы: объективная и субъективная опасность / Ю.В. Быховец, Н.В. Тарабарина // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия. Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2013. – Т.19, № 4. – С. 139–144.
24. *Валуева Е.А. и др.* Эмоциональная подсказка и успешность решения задач / Е.А. Валуева, А. Е. Мосинян, Е.М. Лаптева // Экспериментальная психология. – 2013. – Т. 6, №3. – С. 5–15.
25. *Васильев И.А.* Роль интеллектуальных эмоций в регуляции мыслительной деятельности / И.А. Васильев // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19, №4. – С. 49–60.
26. *Васильев И.А. и др.* Влияние различных типов мотивации и самоуправления личности на продуктивность мыслительной деятельности / И.А. Васильев, О.В. Митина, В.В. Кобанов // Психологический журнал. – 2006. – Т. 27, № 4. – С. 38–49.
27. *Васильев И.А. и др.* Эмоции и мышление / И.А. Васильев, В.Л. Поплужный, О.К. Тихомиров. – М.: Изд-во МГУ, 1980. – 192 с.
28. *Василевская К.Н. и др.* Индивидуально-типологические особенности автобиографической памяти / К.Н. Василевская, М.К. Кабардов, В.В. Нуркова // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2011. – № 2(16). – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 05.04.2017)
29. *Вердербер Р и др.* Психология общения / Р. Вердербер, К. Вердербер. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 320 с.
30. *Вилюнас В.К.* Основные проблемы психологии эмоций / В.К. Вилюнас // Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – С. 3 – 28.

31. *Врис де Кетс М.* Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта / М. Врис де Кетс : пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2013. – 277 с.
32. *Выготский Л.С.* Мышление и речь / Л.С. Выготский. Изд. 5, испр. – М.: Лабиринт, 1934/1999. – 352 с.
33. *Выготский Л.С.* О психологических системах / Л.С. Выготский // Собрание сочинений: в 6 т. – М.: Педагогика. – 1982. – Т. 1: Вопросы теории и истории психологии. – С. 109–131.
34. *Выготский Л.С.* Психология развития человека / Л.С. Выготский. – М.: Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с.
35. *Гарднер Г.* Структура разума: теория множественного интеллекта / Г. Гарднер. – М.: Вильямс, 1983/2007. – 512 с.
36. *Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / Д. Гоулман. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 560 с.
37. *Гоулман Д. и др.* Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта / Д. Гоулман, Р. Бояцис, Э. Макки. – М.: Альпина Паблишер, 2012. – 301 с.
38. *Двек К.С.* Новая психология успеха. Думай и побеждай / К.С. Двек. – Харьков: Книжный Клуб «Клуб Семейного досуга», 2007. – 352 с.
39. *Демидов А.А. и др.* Восприятие психологических особенностей человека по выражению его лица и голосу / А.А. Демидов, К.И. Ананьева, Н.А. Выскочил // Экспериментальная психология. – 2014. – Т. 7, № 1. – С. 56–70.
40. *Деревянко С.П.* Ситуативные аспекты актуализации эмоционального интеллекта / С.П. Деревянко // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». – 2009. – С. 90–113.
41. *Дивеев Д.А. и др.* Перцептивное доверие и адекватность оценки личностных характеристик человека в различных условиях восприятия / Д.А. Дивеев, А.А. Демидов // Экспериментальная психология. – 2018. – Т. 11, № 1. – С. 35–48.

42. Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2 / сост. и ред. Н.И. Чуприкова, Е.В. Волкова. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 720 с.
43. Друкер П.Ф. Эффективный руководитель / П.Ф. Друкер. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. – 481 с.
44. Егоров И.А. Влияние уровня эмоционального интеллекта руководителей организаций на выполнение управленческих функций : автореф. дис. ... канд. психол. наук / И.А. Егоров. – М., 2006. – 24 с.
45. Егорова М.С. Макиавеллизм в структуре личностных свойств / М.С.Егорова // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Серия 10. Дифференциальная психология. – Пермь: Изд-во ПГПУ. – 2009. – № 1–2. – С. 65–80.
46. Зейгарник Б.В. Личность и патология деятельности / Б.В. Зейгарник. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 98 с.
47. Зинченко В.П. Толерантность к неопределенности: новость или психологическая традиция / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 2007. – № 6. – С. 3–20.
48. Знаков В.В. Психология понимания мира человека / В.В. Знаков. – М.: Институт психологии РАН, 2016. – 488 с.
49. Знаков В.В. Самопонимание субъекта как когнитивная и экзистенциальная проблема / В.В. Знаков // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26, № 1. – С. 18–25.
50. Зотова Е.Ю. Современные исследования толерантности к неопределенности в зарубежной психологии / Е.Ю. Зотова // Вестник НГУ. Серия: Психология. – 2009. – Т. 3, вып. 1. – С. 147–155.
51. Иванников В.А. и др. Место понятия «воля» в современной психологии / В.А. Иванников, Д.Д. Барабанов, А.В. Монроз, В.Н. Шляпников, Е.В. Эйдман. // Вопросы психологии. – 2014. – № 2. – С. 15–23.

52. *Иванова Е.С.* Автономность опознания и вербализации эмоций в структуре эмоционального интеллекта / Е.С. Иванова // В мире научных открытий. – 2010. – № 6–2 (12). – С. 258–260.
53. *Ильин Е.П.* Эмоции и чувства / Е.П. Ильин. – СПб.: Питер, 2011. – Вып. 2. – 784 с.
54. «Искусственный интеллект» и психология / под ред. О.К. Тихомирова. – М.: Наука, 1976. – 344 с.
55. *Канеман Д.* Думай медленно... Решай быстро / Д. Канеман. – М.: АСТ, 2013. – 656 с.
56. *Канеман Д. и др.* Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения / Д. Канеман, П. Словик, А. Тверски. – Харьков: Гуманитарный центр, 2005. – 632 с.
57. *Канеман Д.,* Рациональный выбор, ценности и фреймы / Д. Канеман, А. Тверски // Психологический журнал. – 2003. – Т. 24, № 4. – С. 31–42.
58. *Караяни А.Г. и др.* Прикладная военная психология / А.Г. Караяни, И. В. Сыромятников. – СПб.: Питер, 2006. – 480 с.
59. *Карпов А.В.* Влияние эмоционального интеллекта на эффективность управленческой деятельности / А.В. Карпов // Психология XXI века. Ярославль: Изд-во ЯрГУ. – 2008. – Т. 1. – С. 287–90.
60. *Карузо Д. и др.* Эмоциональный интеллект руководителя: как развивать и применять / Д. Карузо, П. Сэловей. – СПб.: Питер, 2016. – 320 с.
61. *Клапаред Э.* Чувства и эмоции / Э.Клапаред // Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во МГУ. – 1984. – С. 93–102.
62. *Киселева Т.С. и др.* Эмоциональный интеллект как фактор эффективности жизнедеятельности человека / Т.С. Киселева, Е.А. Сергиенко // Бизнес – анализ и поведенческая экономика: межвузовский сборник научных трудов и результатов совместных научно-исследовательских проектов / сост. И.Р. Дун, М.М. Шарамко, Э.Р. Мубаракшина. – М.: Тезаурус, 2015. – С. 151–164.

63. *Клочко В.Е.* Целеобразование и формирование оценок в ходе постановки и решения мыслительных задач : автореф. дис. ... канд. психол. наук / В.Е. Клочко. – М., 1978.
64. *Князева Т.С.* Распознавание музыкальных эмоций и эмоциональный интеллект / Т.С. Князева // Вопросы психологии. – 2012. – № 3. – С. 115–124.
65. *Козелецкий Ю.* Психологическая теория решений / Ю. Козелецкий. – М.: Прогресс, 1979. – 504 с.
66. *Корнилов С.А. и др.* Методический комплекс для диагностики академических, творческих и практических способностей / С.А. Корнилов, Е.Л. Григоренко // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31, №2. – С. 90–103.
67. *Корнилова Т.В.* Диагностика «личностных факторов» принятия решений / Т.В. Корнилова // Вопросы психологии. – 1994. – № 6. – С. 99–110.
68. *Корнилова Т.В.* Динамическое функционирование интеллектуально-личностного потенциала человека в психологической регуляции решений и выборов / Т.В. Корнилова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2011. – № 1. – С. 66–78.
69. *Корнилова Т.В.* Идеи активности познания в отечественной психологии мышления / Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 1995. – Т.16. – №4. – С. 61–72.
70. *Корнилова Т.В.* Идея саморегуляции в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского / Т.В. Корнилова // Психология человека в современном мире: 120 лет со дня рождения С.Л. Рубинштейна. – М.: Изд-во "Институт психологии РАН". – 2009. – Т. 2, ч. 1. – С. 30–40.
71. *Корнилова Т.В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска / Т. В. Корнилова. – СПб.: Нестор-История, 2016а. – 344 с.

72. *Корнилова Т.В.* Интеллектуально-личностный потенциал человека в стратегиях совладания / Т.В. Корнилова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2010. – № 1. – С. 46–57.
73. *Корнилова Т.В.* Методологические проблемы психологии принятия решений / Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 2005. – Т. 26, № 1. С. 7–17.
74. *Корнилова Т.В.* Мотивационная регуляция принятия решений: современные представления / Т.В. Корнилова // Современная психология мотивации / под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл. – 2002. – С. 17–213.
75. *Корнилова Т.В.* Новый опросник толерантности - интолерантности к неопределенности / Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31, № 1. – С.74–86.
76. *Корнилова Т.В.* Перспективы динамической парадигмы в психологии выбора [Электронный ресурс] / Т.В.Корнилова // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 36. – С. 2. – URL: <http://www.psystudy.com> (дата обращения: 27.09.2017).
77. *Корнилова Т.В.* Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов / Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34, № 3. – С. 89–100.
78. *Корнилова Т.В.* Психология выбора как мыслительное и личностное опосредствование преодоления неопределенности / Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37, № 3. – С. 113–124.
79. *Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений / Т.В. Корнилова. – М.: Аспект Пресс, 2003. – 286 с.
80. *Корнилова Т.В.* Толерантность к неопределенности и эмоциональный интеллект при принятии решений в условиях подсказки / Т.В. Корнилова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11, № 4. – С. 19–36.
81. *Корнилова Т.В.* Экспериментальная психология / Т.В. Корнилова. – М.: Юрайт, 2012. – 640 с.

82. *Корнилова Т.В. и др.* Мотивационная регуляция принятия решений / Т.В. Корнилова, И.И. Каменев, О.В. Степаносова // Вопросы психологии. – 2001. – № 6. – С. 55–65.
83. *Корнилова Т.В. и др.* Интеллектуальные решения при использовании знаний конвенционального типа / Т.В. Корнилова, А.Л. Кондратчик // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1993. – № 3. – С. 12–24.
84. *Корнилова Т.В. и др.* Уровни нравственного самосознания, эмоциональный интеллект и принятие неопределенности: структурная модель / Т.В. Корнилова, Е.В. Новотоцкая-Власова // Вопросы психологии. – 2009. – Т. 6. – С. 60–70.
85. *Корнилова Т.В. и др.* Апробация русскоязычного варианта полного опросника С. Эпстайна «рациональный–опытный» (rational–experiential inventory) / Т.В. Корнилова, А.Ю. Разваляева // Психологический журнал. – 2017. – Т. 38, № 3. – С. 92–107.
86. *Корнилова Т.В. и др.* Модификация опросника имплицитных теорий К. Двек (в контексте изучения академических достижений студентов) / Т.В. Корнилова, С.Д.Смирнов, М.А.Чумакова, С.А. Корнилов, Е.В. Новотоцкая-Власова // Психологический журнал. – 2008. – Т. 29, № 3. – С. 106–120.
87. *Корнилова Т.В. и др.* Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером / Т.В. Корнилова, О.К. Тихомиров. – М.: Издательство Московского университета, 1990. – 192 с.
88. *Корнилова Т.В. и др.* Стадии индивидуальной морали и принятие неопределенности в регуляции личностных выборов / Т.В. Корнилова, И.А. Чигринова // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33, № 2. – С. 69–87.
89. *Корнилова Т.В. и др.* Личностные и ситуационные факторы принятия решений в условиях диалога с ЭВМ / Т.В. Корнилова, Т.В. Чудина // Психологический журнал. – 1990. – Т.11, № 4. – С. 32–37.

90. *Корнилова Т.В. и др.* Апробация краткого опросника Большой пятерки (TIPI, КОБТ) / Т.В. Корнилова, М.А. Чумакова // Психологические исследования. – 2016. – Т. 9, № 46. – С. 5. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.12.2016).
91. *Корнилова Т.В. и др.* Интеллект и успешность стратегий прогнозирования при выполнении Айова-теста (IGT) / Т.В. Корнилова, М.А. Чумакова, С.А. Корнилов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – Т. 15, № 1. – С. 10–21.
92. *Корнилова Т.В. и др.* Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностного потенциала человека / Т.В. Корнилова, М.А. Чумакова, С.А. Корнилов, М.А. Новикова. – М.: Смысл, 2010. – 334 с.
93. *Красавцева Ю.В. и др.* Свойства темной триады в регуляции стратегий принятия решений (на материале игровой задачи Айова – IGT) / Ю.В. Красавцева, Т.В. Корнилова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2016. – № 2. – С. 22–33.
94. *Красавцева Ю.В. и др.* Эмоциональный и академический интеллект как предикторы стратегий в игровой задаче (Айова) / Ю.В. Красавцева, Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 2018. – Т. 39, № 3. – С. 29–43.
95. *Краснов Е.В.* Личностные свойства и интеллект как предикторы принятия решений в игровых стратегиях Айова-теста (на выборке военных руководителей) / Е.В. Краснов // Экспериментальная психология. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 54–66.
96. *Краснов Е.В.* Методика множественного выбора на материале эмоционального предвосхищения в вербальных задачах (на выборке военных преподавателей) / Е.В. Краснов // Психологические исследования (электронный журнал). – 2014. – Т. 7, № 35. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.12.2017).

97. *Краснов Е.В.* Роль подсказки при выборах в вербальных задачах, предполагающих использование эмоциональной информации / Е.В. Краснов // Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии. Материалы Всероссийской научной конференции. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2013. – С. 423–425.
98. *Краснов Е.В. и др.* Эмоциональный интеллект и толерантность к неопределенности как предикторы результативности деятельности военных руководителей / Е.В. Краснов, Т.В. Корнилова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2016. – Вып. 3. – С. 28–43.
99. *Краснов Е.В. и др.* Предикторы личностного выбора на материале методики эмоционального предвосхищения / Е.В. Краснов, М.А. Чумакова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11, № 4. – С. 37–55.
100. *Краснов Е.В. и др.* Профессиональные различия в игровых стратегиях Iowa Gambling Task / Е.В. Краснов, М.А. Чумакова // Седьмая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов / отв. редакторы: Ю.И. Александров, К.В. Анохин. – 2016. – С. 627–628.
101. *Лаптева Е.М. и др.* Феномен подсказки при решении задач: взгляд со стороны психологии творчества. Часть 1. Прайминг-эффекты / Е.М. Лаптева, Е.А. Валуева // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – Т. 8, № 4. – С. 134–146.
102. *Леонтьев А.Н.* Деятельность и сознание / А.Н. Леонтьев // Вопросы философии. – 1972. – № 12. – С. 137–140.
103. *Леонтьев А.Н.* Потребности, мотивы и эмоции / А.Н. Леонтьев // Психология эмоций. Тексты / под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 288 с.
104. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М.: Политиздат, 1975. – 130 с.

105. *Леонтьев Д.А.* Психология выбора. Часть 1. За пределами рациональности / Д.А. Леонтьев // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35, № 5. – С. 5–18.
106. *Леонтьев Д.А.* Психология выбора. Часть 2: Личностные предпосылки и личностные последствия выбора / Д.А. Леонтьев // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35, № 6. – С. 56–68.
107. *Леонтьев Д.А.* Саморегуляция как предмет изучения и как объяснительный принцип / Д.А. Леонтьев // Психология саморегуляции в XXI веке / под ред. В.И. Моросановой. – М.; СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 74–89.
108. *Леонтьев Д.А. и др.* Психология выбора / Д.А. Леонтьев, Е.Ю. Овчинникова, Е.И. Рассказова, А.Х. Фам. – М.: Смысл, 2015. – 464 с.
109. Лицо человека в пространстве общения / отв. ред. К.И. Ананьева, В.А. Барабанщиков, А.А. Демидов. – М.: Московский институт психоанализа–Когито-Центр, 2016. – 430 с.
110. Лицо человека как средство общения / под ред. В. А. Барабанщикова, А.А. Демидова, Д.А. Дивеева. – М.: Когито-Центр, 2012. – 348 с.
111. *Ломов Б.Ф. и др.* Антиципация в структуре деятельности / Б.Ф. Ломов, Е.Н. Сурков. – М.: Наука, 1980. – 280 с.
112. *Лунева О.В.* Теоретические основания концепции социального интеллекта / О.В. Лунева // Знание Понимание Умение. – 2011. – № 3. – С. 231–236.
113. *Любарт Т. и др.* Психология креативности / Т. Любарт, К. Мушуру, С. Торджман, Ф. Занасни. – М.: Когито-Центр, 2009. – 216 с.
114. *Люсин Д.В.* Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн / Д.В. Люсин // Психологическая диагностика. – 2006. – №.4. – С. 3–22.
115. *Люсин Д.В.* Опросник на эмоциональный интеллект ЭмИн: новые психометрические данные / Д.В. Люсин // Социальный и эмоциональный

- интеллект: От процессов к измерениям / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». – 2009. – С. 264–278.
116. *Люсин Д.В.* Современные представления об эмоциональном / Д.В. Люсин // Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». – 2004. – С. 29–36.
117. *Люсин Д.В. и др.* Измерение способности к распознаванию эмоций с помощью видеотеста / Д.В. Люсин, В.В. Овсянникова // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34, № 6. – С. 82–94.
118. *Львова Е.Н.* Личностное опосредствование выбора стратегий совладания в ситуации неопределенности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.Н. Львова. – М., 2017. – 33 с.
119. *Маттеус В.* Многоуровневые концепции познания в российской и грузинской психологии / В. Маттеус // Психологический журнал. – 1995. – Т. 16, №4. – С. 49–59.
120. *Марцинковская Т.Д.* Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся / Т.Д. Марцинковская // Психологические исследования. – 2009. – № 3(5). – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 5.11.2014).
121. *Медведева Т.И. и др.* Гипотеза соматических маркеров Дамасио и игровая задача (IGT): обзор / Т.И. Медведева, Е.В. Ениколопова, С.Н. Ениколопов // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6, № 32. – С. 10. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 17.12.2017).
122. *Моросанова В.И.* Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека / В.И. Моросанова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2010. – № 1. – С. 36–45.
123. *Моросанова В.И.* Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека / В.И. Моросанова // Психологический журнал. – 2002. – Т. 23, № 6. – С. 5–17.

124. *Моросанова В.И.* Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство / В.И. Моросанова. – М.: Когито-Центр, 2004. – 44 с.
125. *Моросанова В.И.* Развитие психологии саморегуляции / В.И. Моросанова // Психология саморегуляции в XXI веке / под ред. В.И. Моросановой. – М.; СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 12–37.
126. *Новикова М.А. и др.* «Психологическая разумность» в структуре интеллектуально-личностного потенциала (адаптация опросника) / М.А. Новикова, Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 2014. – Т.34, № 6. – С. 63–78.
127. *Новикова М.А. и др.* Самооценка интеллекта в структурных связях с психометрическим интеллектом, личностными свойствами и академической успеваемостью / М.А. Новикова, Т.В. Корнилова // Психологические исследования. – 2012. – Т. 5, № 23. – С. 2. – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.09.2017).
128. *Нуркова В.В.* Память / В.В. Нуркова // Общая психология: в 7 т. / под ред. Б.С. Братуся. 2-е изд. – М.: Академия, 2008. – Т. 3. – 318 с.
129. *Овсянникова В.В.* Влияние эмоционального состояния на распознавание эмоций / В.В. Овсянникова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11, № 1. – С. 86–101.
130. *Овсянникова В.В.* Роль когнитивных факторов в распознавании эмоциональных состояний : автореф. дис. ... канд. психол. наук / В.В. Овсянникова. – М., 2007. – 24 с.
131. *Ожиганова Г.В.* Психологические аспекты духовности. Часть I. Духовный интеллект / Г.В. Ожиганова // Психологический журнал. – 2010. – Т. 31, № 4. – С. 21–34.
132. *Осин Е.Н.* Факторная структура русскоязычной версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна / Е.Н. Осин // Психологическая диагностика. – 2010. – № 2. – С. 65–86.

133. *Павлова Е.М.* Креативность и эмоциональный интеллект в структуре интеллектуально-личностного потенциала человека : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.М. Павлова. – М., 2015. – 28 с.
134. *Павлова Е.М.* «Позитивная триада» – толерантность к неопределенности, креативность и эмоциональный интеллект – в регуляции личностного выбора / Е.М. Павлова // Личность в ситуации выбора: Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием (15–16 ноября 2015 г.). РИЦ НГУ г. Новосибирск. – 2015б. – С. 100–108.
135. *Павлова Е.М. и др.* Креативность и толерантность к неопределенности как предикторы актуализации эмоционального интеллекта в личностном выборе / Е.М. Павлова, Т.В. Корнилова // Психологический журнал. – 2012. – Т. 33, № 5. – С. 39–49.
136. *Панкова Т.А.* Роль эмоционального интеллекта в эффективности деятельности руководителя / Т.А. Панкова // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2010. – № 2 (10). – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 18.08.2015).
137. *Петухов В.В.* Образ мира и психологическое изучение мышления / В.В. Петухов // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 1984. – № 4. – С. 13–20.
138. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
139. *Петровская А.С.* Эмоциональный интеллект как детерминанта результативных параметров и процессуальных характеристик управленческой деятельности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / А.С. Петровская. – Ярославль, 2007. – 24 с.
140. *Петровская Л.А.* Компетентность в общении: социально-психологический тренинг / Л.А. Петровская. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 216 с.
141. *Плаус С.* Психология оценки и принятия решений / С. Плаус. – М.: Филинь, 1998. – 368 с.

142. *Плужников И.В.* Нарушения эмоционального интеллекта при расстройствах аффективного спектра и шизофрении / И.В. Плужников // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 329. – С. 211–213.
143. *Поддьяков А.Н.* Ложь злоумышленнику о местонахождении жертвы и полемика о нравственном принципе правдивости / А.Н. Поддьяков // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2010. – № 1(9). – URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 04.05.2017).
144. *Поддьяков А.Н.* Непереходность (нетранзитивность) отношений превосходства и принятие решений / А.Н. Поддьяков // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2006. – Т. 3, № 3. – С. 88–111.
145. *Полянова Л.М.* Влияние уровня эмоционального интеллекта руководителя на эффективность управленческой деятельности : автореф. дис. ... канд. соц. наук / Л. М. Полянова. – М., 2015. – 25 с.
146. *Пономарев Я.А.* Психология творчества / Я.А. Пономарев. – М.: Наука, 1976. – 304 с.
147. *Пузырей А.А.* Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология / А.А. Пузырей. – М.: МГУ, 1986. – 117 с.
148. *Регуш Л.А.* Психология прогнозирования: успехи в познании будущего / Л.А. Регуш. – СПб.: Речь, 2003. – 352 с.
149. *Решетников М.М.* Психология войны: от локальной до ядерной. Прогнозирование состояния, поведения и деятельности людей / М.М. Решетников. – СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 2011. – 496 с.
150. *Робертс Р.Д. и др.* Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике / Р.Д. Робертс, Д. Мэттьюс, М. Зайндер, Д.В. Люсин // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2004. – Т. 1, № 4. – С. 3–26.

151. *Родионова Н.В.* Понимание ситуаций радиационной опасности профессионалами и непрофессионалами : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н.В. Родионова. – М., 2004. – 26 с.
152. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2000. – 720 с.
153. *Сергиенко Е.А.* Контроль поведения: индивидуальные ресурсы субъектной регуляции / Е.А. Сергиенко // Психологические исследования. – 2009. – Т. 5, № 7. – С. 18. – URL: <http://www.psystudy.ru/>
154. *Сергиенко Е.А.* Контроль поведения с позиций системно-субъектного подхода / Е.А. Сергиенко // Психология саморегуляции в XXI веке / под ред. В.И. Моросановой. – М.; СПб.: Нестор-История, 2011. – С. 188–203.
155. *Сергиенко Е.А.* Модель психического как интегративное понятие в современной психологии / Е.А. Сергиенко // Психологические исследования. – 2009. – Т. 5, № 7. – С. 18. – URL: <http://www.psystudy.ru/>
156. *Сергиенко Е.А.* Принцип дифференциации-интеграции в системе методологии психологии развития / Е.А. Сергиенко // Дифференционно-интеграционная теория развития. Кн. 2 / сост. и ред. Н.И. Чуприкова, Е.В. Волкова. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 720 с.
157. *Сергиенко Е.А.* Раннее когнитивное развитие: Новый взгляд / Е.А. Сергиенко. – М.: ИП РАН. 2006. – 464 с.
158. *Сергиенко Е.А. и др.* Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT.V. 2.0). Русскоязычная версия / Е.А. Сергиенко, И.И. Ветрова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2010. – 176 с.
159. *Сергиенко Е.А. и др.* Русскоязычная адаптация теста Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT V.2.0) / Е.А. Сергиенко, И.И. Ветрова. – М.: Смысл, 2017. – 140 с.
160. *Сергиенко Е.А. и др.* Адаптация теста Дж. Мэйера, П. Сэловея и Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» на русскоязычной выборке / Е.А.

- Сергиенко, И.И. Ветрова, А.А. Волочков, А.Ю. Попов // Психологический журнал. – 2010. – № 1. – С. 55–73.
161. *Симонов П.В.* Эмоциональный мозг. Физиология. Нейроанатомия. Психология эмоций / П.В. Симонов. – М.: Наука, 1981. – 216 с.
162. *Скотникова И.Г.* Проблемы субъектной психофизики. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. 384 с.
162. *Смирнов В.Н.* Психология управления персоналом в экстремальных условиях / В.Н. Смирнов. – М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 256 с.
163. *Смирнов С.Д.* Мир чувств и чувство мира / С.Д. Смирнов // Психологическое знание: Современное состояние и перспективы развития / под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН». – 2018. – С. 224–245.
164. *Смирнов С.Д.* Общепсихологическая теория деятельности: перспективы и ограничения / С.Д. Смирнов // Вопросы психологии. – 1993. – № 4. – С. 94–101.
165. *Смирнов С.Д.* Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности / С.Д. Смирнов // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37, № 1. – С. 5–13.
166. *Смирнов С.Д.* Психология образа: проблема активности психического отражения / С.Д. Смирнов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 231 с.
167. *Смирнов С.Д. и др.* Образ мира в динамическом контроле неопределенности / С.Д. Смирнов, М.А. Чумакова, Т.В. Корнилова // Вопросы психологии. – 2016. – № 4. – С. 3–13.
168. *Смирнов С.Д. и др.* Когнитивная и личностная регуляция стратегий решения прогностической задачи (на материале Iowa Gambling Task) / С.Д. Смирнов, М.А. Чумакова, С.А. Корнилов, Е.В. Краснов, Т.В. Корнилова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2017. – № 3. – С. 39–59.
169. *Солдатова Г.У.* Толерантность: психологическая устойчивость и

- нравственный императив / Г.У. Солдатова // Психодиагностика толерантности личности / под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. – М.: Смысл. – 2008. – С. 5–18.
170. *Соколова Е.Т.* Культурно-историческая и клинико-психологическая перспектива исследования феноменов субъективной неопределенности / Е.Т. Соколова // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2012. – №2. – С. 37–48.
171. *Соколова Е.Т.* Мотивация и восприятие в норме и патологии / Е.Т. Соколова. – М.: МГУ, 1976. – 127 с.
172. *Солнцева Г.Н. и др.* Риск как характеристика действий субъекта / Г.Н. Солнцева, Т.В. Корнилова. – М.: НИЦ «Инженер», 1999. – 80 с.
173. Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – 351 с.
174. *Спиноза Б.* Этика / Б. Спиноза. – М.: Академический Проект, 1677/2008. – 336 с.
175. *Степаносова О.В. и др.* Мотивация и интуиция в регуляции вербальных прогнозов при принятии решений / О.В. Степаносова, Т. В. Корнилова // Психологический журнал. – 2006. – № 2. – С. 60–68.
176. *Стернберг Р.Д. и др.* Практический интеллект / Р.Д. Стернберг, Д.Б. Форсайт, Д. Хедланд, Д. А. Хорвард, Р. Вагнер, В. М. Вильямс, С.А. Снук, Е.Л. Григоренко. – СПб.: Питер, 2002. – 272 с.
177. *Стэйн С. и др.* Преимущества EQ: Эмоциональная культура и ваш успех / С. Стейн, Г. Бук. – М.: Баланс Бизнес Букс, 2000. – 155 с.
178. *Тaleb Н.Н.* Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса / Н.Н. Талеб. – М.: КоЛибри, 2013. – 768 с.
179. *Теплов Б.М.* Ум полководца / Б.М. Теплов. – М.: Педагогика, 1943/1990. – 208 с.

180. *Тихомиров О.К.* Принятие решения как психологическая проблема / О.К. Тихомиров // Проблема принятия решения / под ред. П. К. Анохина. – М.: Наука. – 1976. – С. 77–82.
181. *Тихомиров О.К.* Психология мышления / О.К. Тихомиров. – М.: Издательство Московского университета, 1984. – 272 с.
182. *Тихомиров О.К. и др.* Исследование структурирующей функции мотива / О.К. Тихомиров, Т.Г. Богданова // Психологический журнал. –1983. – Т. 4, № 6. – С. 54–61.
183. *Тихомиров О.К. и др.* Эмоции в функции эвристик / О.К. Тихомиров, Ю.Э. Виноградов // Психологические исследования. – М., 1969. – Вып. 1.
184. *Ушаков Д.В.* Интеллект: структурно-динамическая теория / Д.В. Ушаков. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. –259 с.
185. *Ушаков Д.В.* Социальный и эмоциональный интеллект: надежды, сомнения, перспективы / Д.В. Ушаков // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: Институт психологии РАН. – 2009. – С. 11–30.
186. Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 15.02.2016) «О воинской обязанности и военной службе» // СПС Консультант Плюс: Законодательство: Версия Проф. – URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260 (дата обращения: 10.04.2016).
187. *Фейгенберг И.М. и др.* Вероятностное прогнозирование и преднастройка к движениям / И.М. Фейгенберг, В.А. Иванников. – М.: Изд-во МГУ, 1978. – 112 с.
188. *Хаузер М.* Мораль и разум. Как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла / М. Хаузер. – М.: Дрофа, 2008. – 640 с.
189. *Хекхаузен Х.* Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. – СПб.: Питер, 2003. – 864 с.

190. *Хлевная Е.А.* Роль эмоционального интеллекта в эффективности деятельности (на примере руководителей) : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.А.Хлевная. – М., 2012. – 28 с.
191. *Хромов А.Н.* Пятифакторный опросник личности: учебно-методическое пособие / А.Н.Хромов. – Курган: Курганский гос. университет, 2000. –23 с.
192. *Чигринова И.А.* Две основные парадигмы понимания морального выбора в современной когнитивной психологии / И.А.Чигринова // Вопросы психологии. – 2013. – № 6. – С.115–124.
193. *Чигринова И.А.* Принятие неопределенности и макиавеллизм в регуляции морального выбора [Электронный ресурс] / И.А. Чигринова // Психологические исследования. – 2010. – Т. 5, № 13. – С. 2. – URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2010n5-13/380-chigrinova13.html>.
194. *Чумакова М.А.* Интеллектуально-личностная регуляция в решении задач на конструирование / М.А. Чумакова // Вопросы психологии. – 2010а. – № 4. – С. 83–93.
195. *Чумакова М.А.* Личностные предпосылки рационального выбора в условиях неопределенности : дис. ... канд. псих. наук: / М. А. Чумакова М., 2010b. – 26 с.
196. *Чумакова М.А.* Личностная регуляция рационального выбора: развитие идеи единства интеллекта и аффекта / М.А. Чумакова // Психологический журнал. – 2013. – Т. 34, № 3. – С. 119–125.
197. *Шемет В.А. и др.* Нарушения эмоционального интеллекта у пациентов с шизофренией / В.А. Шемет, В.А. Карпюк // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 2. – С. 106–110.
198. *Шемякина Т.П. и др.* Эмоциональный, абстрактно-логический и вербальный интеллект в контексте проблемы социализации молодых людей / Т.П. Шемякина, С.А. Богомаз // Сибирский психологический журнал. – 2006. – № 24. – С. 87–90.

199. *Шмелев А.Г.* Психодиагностика личностных черт / А.Г. Шмелев. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.
200. *Arteche A. et al.* The Relationship of Trait EI with Personality, IQ and Sex in a UK Sample of Employees / A. Arteche, T. Chamorro-Premuzic, A. Furnham, J. Crump // *International Journal of Selection and Assessment*. – 2008. – V. 16, № 4. – P. 421–426.
201. *Averill J.R.* Intelligence, Emotional, and Creativity. From Trichotomy to Trinity / J.R. Averill // *Handbook of Emotional Intelligence* / Eds. R. Bar-On, J.D.A. Parker. Jossey-Bass. – 2000. – P. 277–298.
202. *Barling J. et al.* Transformational leadership and emotional intelligence: An exploratory study / J. Barling, F. Slater, E.K. Kelloway // *The Leadership and Organizational Development Journal*. – 2000. – V. 21, № 3. – P. 157–161.
203. *Bar-On R.* The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) / R. Bar-On // *Psicothema*. – 2006. – V. 18. – P. 13–25.
204. *Bechara A. et al.* The Iowa Gambling Task and the somatic marker hypothesis: some questions and answers / A. Bechara, H. Damasio, A.R. Damasio, D. Tranel // *Trends in cognitive sciences*. – 2005. – V. 9, № 4. – P. 159–162.
205. *Bechara A. et al.* Insensitivity to future consequences following damage to human prefrontal cortex / A. Bechara, A.R. Damasio, H. Damasio, S. W. Anderson // *Cognition*. – 1994. – V. 50, №1–3. – P. 7–15.
206. *Brevers D. et al.* Iowa Gambling Task (IGT): twenty years after–gambling disorder and IGT / D. Brevers, A. Bechara, A. Cleeremans, X. Noel // *Frontiers in psychology*. – 2013. – V. 4. – P. 665.
207. *Castillo R. et al.* Effects of an emotional intelligence intervention on aggression and empathy among adolescents / R. Castillo, J.M. Salguero, P. Fernandez-Berrocal, N. Balluerka // *Journal of Adolescence*. – 2013. – V. 36, № 5. – P. 883–892.
208. *Damasio A.R.* The somatic marker hypothesis and the possible functions of prefrontal cortex / A.R. Damasio // *The prefrontal cortex* / Eds. A.C. Roberts,

- T.W. Robbins, L. Weiskrantz. – NY: Oxford University Press. – 1998. – P. 36–50.
209. *Damasio A.R.* Feelings of emotion and the self / A.R.Damasio // *Annals of the New York Academy of Sciences*. – 2003. – V. 1001, № 1. – P. 253–261.
210. *Damasio A.R. et al.* Somatic markers and the guidance of behaviour: theory and preliminary testing / A.R. Damasio, D. Tranel, H. Damasio // *Frontal lobe function and dysfunction* / Eds. H.S. Levin, H.M. Eisenberg, A.L. Benton. – New York: Oxford University Press. – 1991. – P. 217–228.
211. *Demaree H.A. et al.* Intelligence, but not emotional intelligence, predicts Iowa gambling task performance / H.A. Demaree, K.J. Burns, M.A. DeDonno // *Intelligence*. – 2010. – V. 38. – P. 249–254.
212. *Dawson S. et al.* Do people with schizophrenia lack emotional intelligence? / S. Dawson, L. Kettler, C. Burton, C. Galletly // *Schizophrenia research and treatment*. – 2012. – V. –12. – P. 1–8.
213. *Fallon C.K. et al.* Emotional intelligence, cognitive ability and information search in tactical decision-making / C.K. Fallon, A.R. Panganiban, R. Wohleber, G. Matthews, A.M. Kustubayeva, R. Roberts // *Personality and Individual Differences*. – 2014. – V. 65. – P. 24–29.
214. *Fannin B.E.* The contributions of emotional intelligence to academic achievement and production / B.E. Fannin // *Dissertation Abstracts International*. – 2002. – V. 62. 12-A.
215. *Fernández-Berrocal P. et al.* When to cooperate and when to compete: Emotional intelligence in interpersonal decisionmaking / P. Fernandez-Berrocal, N. Extremera, P.N. Lopes, D. Ruiz-Aranda // *Journal of Research in Personality*. – 2014. – V. 49. – P. 21–24.
216. *Fischhoff B. et al.* How safe is safe enough? A psychometric study of attitudes towards technological risks and benefits / B. Fischhoff, P. Slovic, S. Lichtenstein, S. Read, B. Combs // *Policy sciences*. – 1978. – V. 9, №. 2. – P. 127–152.

217. *Frenkel-Brunswick E.* Tolerance towards ambiguity as a personality variable / E. Frenkel-Brunswick // *The American Psychologist*. – 1948. – № 3. – P. 268.
218. *Frenkel-Brunswick E.* Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable / E. Frenkel-Brunswick // *Journal of Personality*. – 1949. – V. 11, № 1. – P. 108–143.
219. *Fukui H.T. et al.* Functional activity related to risk anticipation during performance of the Iowa Gambling Task / H.T. Fukui, H. Murai, T. Fukuyama, T. Hayashi. Hanakawa. *Neuroimage*. – 2005. – V. 24, №1. – P. 253–259.
220. *Fuller J.B. et al.* A quantitative review of research on charismatic leadership / J.B. Fuller, C.E. Patterson, K. Hester, D.Y. Stringer // *Psychological Reports*. – 1996. – V. 78, № 1. – P. 271–287.
221. *Furnham A. et al.* Tolerance of Ambiguity: A Review of the Recent Literature / A. Furnham, J. Marks // *Psychology*. – 2013. – V. 4, №9. – P. 717–728.
222. *Gigerenzer G.* Simply rational: Decision making in the real world / G. Gigerenzer. – New York: Oxford University Press, 2015. – P. 312.
223. *Gosling S.D. et al.* A very brief measure of the big-five personality domains/ S.D. Gosling, P.J. Rentfrow, W.B. Swann // *Journal of Research in Personality*. – 2003. – V. 37, №6. – P. 504–528.
224. *Grasman R.P.P.P. et al.* A DHTML implementation of the Iowa Gambling Task / R.P.P.P. Grasman, E.J. Wagenmakers. – 2005. Retrieved from <http://purl.oclc.org/>
225. *Gutiérrez-Cobo M.J. et al.* The Relationship between Emotional Intelligence and Cool and Hot Cognitive Processes: A Systematic Review / M.J. Gutierrez, R. Cabello, P. Fernández-Berrocal // *Frontiers of Behavioral Neuroscience*. – 2016. – V. 10,– P. 101.
226. *Hansenne M.* Clinical Perspectives in Emotional Intelligence / M. Hansenne // *Emotional Intelligence: New Perspectives and Applications* / Ed. by Di Fabio A. Rijeka, Croatia: InTech. – 2012. – P. 67–82.
227. *Hoerger M. et. al.* Emotional Intelligence: A Theoretical Framework for Individual Differences in Affective Forecasting / M. Hoeger, B. P. Chapman,

- R.M. Epstein, P.R. Duberstein // *Emotion*. – 2012. – V. 12, №4. – P. 716–725.
– URL:<http://doi.org/10.1037/a0026724>
228. *Husin N.I.W. et al.* The Place of emotional intelligence in the intelligence taxonomy: Crystallized intelligence or fluid intelligence factor / N.I.W. Husin, A. Santos, H.M.W. Ramos, M.S. Nordin // *Social and Behavioral Sciences*. – 2013. – V. 97. – P. 214–223.
229. *Joseph D.L. et al.* Emotional Intelligence: An Integrative meta-analysis and cascading Model / D.L. Joseph, D.A. Newman // *Journal of Applied Psychology*. – 2010. – V. 95, № 1. – P. 54–78.
230. *Kingsley G. et al.* Decision Process Models and Organizational Context: Level and Sector Make a Difference / G. Kingsley, P. Reed // *Public Productivity & Management Review*. – 1991. – V. 14, № 4. – P. 397–413.
231. *Kornilov S.A. et al.* Individual differences in Performance on Iowa Gambling Task are Predicted by Tolerance and Intolerance for Uncertainty / S.A. Kornilov, E.V. Krasnov, T.V. Kornilova, M.A. Chumakova / *EuroAsian Pacific Joint Conference on Cognitive Science (EAPCogSci2015)*. Torino, Italy (2015, September) / – URL:<http://ceur-ws.org/>
232. *Kornilova T.V. et al.* Personal values, moral development, and emotional intelligence in the regulation of choice in situations that involve interpersonal interactions / T.V. Kornilova, I.A. Chigrinova // *Психология. Журнал Высшей Школы экономики*. – 2014. – Т. 11, № 4. – С. 56–74.
233. *Lane M.S. et al.* The Ambiguity Tolerance Interface: A Modified Social Cognitive Model for Leading under Uncertainty / M.S. Lane, K. Klenke // *Journal of Leadership & Organizational Studies*. – 2004. – V. 10, № 3. – P. 69–81.
234. *Lazarus R.S.* Psychological Stress and the Coping Process: McGraw-Hill Book Company, Inc, 1966. – P. 466.
235. *Leventhal H.* The integration of emotion and cognition: A view from perceptual-motor theory of emotion / H. Leventhal // *Affect and cognition* / M. S. Clark, S. T. Fiske (Eds.). Hillsdale, NJ, Erl-baum. – 1982. – P. 121–156.

236. *Livingstone H. et al.* Emotional Intelligence and Military Leadership / H. Leventhal, M. Nadjiwon-Foster, S. Smithers // Report Prepared for the Canadian Forces Leadership Institute. – Ottawa: DND. – 2002. – P. 54.
237. *Lowe K.B. et al.* Effectiveness correlates of transformational and transactional leadership: A meta-analytic review of the MLQ literature / K.B. Lowe, K.G. Kroeck, N. Sivasubramaniam // *Leadership Quarterly*. – 1996. – V. 7, №3. – P. 385–425.
238. *McCrae R.R.* Emotional intelligence from the perspective of the five-factor model of personality / R.R. McCrae // *Handbook of emotional intelligence: Theory, development, assessment, and application at home, school, and in the workplace* / Bar-On R., Parker J.D.A. (Eds.). – San Francisco, CA: Jossey-Bass. – 2000. – P. 363–376.
239. *Maier H.* *Psychologie des emotionalen Denkens* / H. Maier. – Tübingen: Mohr, 1908. – 826 p.
240. *Matthews G. et al.* Emotional intelligence: an elusive ability? *Handbook of understanding and measuring intelligence* / G. Matthews, M. Zeidne., R. Roberts / O. Wilhelm, R. Engle (Eds.). – Beverly Hills: Sage. – 2005. – P. 79–99.
241. *Mayer J.D.* *Personal Intelligence: The Power of Personality and How It Shapes Our Lives* / J.D. Mayer. – Farrar, Straus and Giroux, 2014. – 288 p.
242. *Mayer J.D. et al.* Perceiving affective content in ambiguous visual stimuli: A component of emotional intelligence / J.D. Mayer, M.T. DiPaolo, P. Salovey // *Journal of Personality Assessment*. – 1990. – V. 54. – P. 772–781.
243. *Mayer J. et al.* Does personal intelligence exist? Evidence from a new ability-based measure / J. Mayer, A. Panter, D. Caruso // *J. Pers. Assess.* – 2012. – V. 94, №2. – P. 124–140.
244. *Mayer J. et al.* Human abilities: Emotional Intelligence / J. Mayer, R. Roberts, S. Barsade // *Annual Review of Psychology*. – 2008. – V. 59. – P. 507–536.
245. *Mayer J.D. et al.* What is emotional intelligence? / *Emotional development and emotional intelligence: Educational implications* / J.D. Mayer, P. Salovey // Salovey P., Sluyter D. (Eds.). – New York: Basic Books. – 1997. – P. 2–21.

246. *Mayer J.D. et al.* Emotional intelligence as a standard intelligence / J.D. Mayer, P. Salovey, D. R. Caruso, G. Sitarenios // *Emotion*. – 2001. – № 1. – P. 232–242.
247. *McClelland D.* Identifying Competencies with Behavioral-Event Interviews / D. McClellandew // *Psychological Science*. – 1998. – V. 9, № 5. – P. 331–339.
248. *Miller J.D. et al.* Psychopathy and the Five-Factor Model of personality: A replication and extension / J.D. Miller, D.R. Lynam // *Journal of Personality Assessment*. – 2003. – V. 81, №2. – P. 168–178.
249. *Moon M.* Organizational Commitment Revised in New Public Management. Motivation, Organizational Culture, Sector and Managerial Level / M. Moon // *Public Productivity & Management Review*. – 2000. – V. 24, №. 2. – P. 177–194.
250. *Novikova M.A. et al.* Self-Assessed Intelligence, Psychometric Intelligence, Personality, and Academic Achievement: Two Structural Models / M.A. Novikova, T.V. Kornilova // *Educational Achievement: Teaching Strategies, Psychological Factors and Economic Impact* / M. Gowda, A. Khanderia (Eds.). New York: Nova Science Publishers, Inc. – 2013. – P. 197–212.
251. *Pavlova E.M. et al.* The «positive triad» of the regulation of personal choice among creative professionals / E.M. Pavlova, T.V. Kornilova // *Psychology of creativity: Cognitive, Emotional, and Social Processes* / G.B. Moneta, E. Rogaten (Eds.). Nova Science Publishers, Inc NY, United States. – 2016. – P. 153–166.
252. *Pedersen D.M.* Perceptions of high risk sports / D.M. Pedersen // *Perceptual and motor skills*. – 1997. – V. 85, № 2. – P. 756–758.
253. *Peña-Sarrionandia A. et al.* Integrating emotion regulation and emotional intelligence traditions: a meta-analysis / A. Pena-Sarrionandia, M. Mikolajczak, J.J. Gross // *Frontiers Psychology*. – 2015. – V. 6. Article 160.
254. *Petrides K.V. et al.* Developments in trait emotional intelligence research / K.V. Petrides, M. Mikolajczak, S. Mavroveli, M.-J. Sanchez-Ruiz, A. Furnham, J.-

- C. Juan-Carlos Pérez-González // *Emotion review*. – 2016. – V. 8, № 4. – P. 335–341.
255. *Salovey P. et al.* Emotional intelligence / P. Salovey, J.D. Mayer // *Imagination, Cognition, and Personality*. – 1990. – V. 9. – P. 185–211.
256. *Salovey P. et al.* The science of emotional intelligence / P. Salovey, D. Grewal // *Current Directions in Psychological Science*. – 2005. – № 14. – P. 281–285.
257. *Sanchez-Ruiz M.J. et al.* Trait emotional intelligence and its links to university performance: an examination / M.J. Sanchez, S. Mavroveli, J. Poullis // *Personality and individual differences*. – 2013. – № 54. – P. 658–662.
258. *Schulte M.J. et al.* Emocionalniy intellect: not much more than g and personality / M.J. Schulte, M.J. Ree, T.R. Caretta // *Personality and Individual Differences*. – 2004. – V. 37. – P. 1059–1068.
259. *Schutte N.S.* Emotional intelligence and task performance / N.S. Schutte // *Imagination, Cognition & Personality*. – 2000. – V. 20, №4. – P. 347–354.
260. *Slovic P.* The feeling of risk: new perspectives on risk perception / P. Slovic // *Earthscan*, – London. – 2010. – P. 456.
261. *Slovic P. et al.* Behavioral decision theory perspectives on risk and safety / P. Slovic, B. Fischhoff, S. Lichtenstein // *Acta psychologica*. – 1984. – T. 56, № 1. – P. 183–203.
262. *Slovic P. et al.* Perception of Risk Posed by Extreme Events / P. Slovic, E. Weber // *Center for Decision Sciences (CDS) Working Paper Columbia University*. – 2002. – P. 1–21. – URL:<http://www.rff.org/> (дата обращения: 22.04.2017).
263. *Trinidad G.R. et al.* The association between emotional intelligence and early adolescent tobacco and alcohol use / G.R. Trinidad, C.A. Johnson // *Personality and Individual Differences*. – 2002. – V. 32. – P. 95–100.
264. *Volz K.G. et al.* Cognitive processes in decisions under risk are not the same as in decisions under uncertainty / K.G. Volz, G. Gigerenzer // *Frontiers in neuroscience*. – 2012. – № 6. – P. 1–6.

265. *Webb C.A. et al.* The role of cognitive versus emotional intelligence in Iowa Gambling Task performance: What's emotion got to do with it? / C.A. Webb, S. DelDonno, W.D.S. Killgore // *Intelligence*. – 2014. – T. 44. – P. 112–119.
266. *Zeidner M. et al.* The science of emotional intelligence: Current consensus and controversies / M. Zeidner, R.D. Roberts, G. Matthews // *European Psychologist*. – 2008. – V. 13. – P. 64–78.
267. *Zajonc R.B.* Emotion and Facial Expression: A Theory Reclaimed / R.B. Zajonc // *Science*, –1985. – 288, – P. 15–21.
268. *Zenasni F. et al.* Creativity and Tolerance of Ambiguity: An Empirical Study / F. Zenasni, M. Besancon, T.I. Lubart // *Journal of Creative Behavior*. – 2008. –V. 4, №1. – P. 61–73.

Приложения

Приложение 1. Список иллюстративного материала

Таблицы

Таблица 1. Пример ситуации в вербальной задаче	68
Таблица 2. Типы альтернатив в процедуре МЭП.....	71
Таблица 3. Р-значения теста биномиального распределения для разных типов альтернатив в задачах процедуры МЭП	86
Таблица 4. Коэффициент корреляции (r) между измеренными свойствами ЭИ, ТН и изменением предпочтений каждого из типов альтернатив в процедуре МЭП.....	88
Таблица 5. Обобщенные данные о личностных предпосылках выбора в ситуации взаимодействия в рамках служебной деятельности.....	90
Таблица 6. Сравнение выборочных средних по переменным возраста, отношения к неопределенности и суммарным показателям внутриличностного (ВЭИ) и межличностного (МЭИ) интеллекта	97
Таблица 7. Результаты корреляционного анализа выборки военных руководителей (р).....	98
Таблица 8. Результаты корреляционного анализа выборки не военных профессионалов (р).....	98
Таблица 9. Значения t-теста сравнения средних по психологическим переменным для групп военных руководителей, различающихся по успешности деятельности	100
Таблица 10. Связи эмоционального интеллекта с показателями выборов в Игровой задаче Айова на выборке военных руководителей (р)	118
Таблица 11. Связи эмоционального интеллекта с саморегуляцией (р)	119
Таблица 12. Связи показателей Айова-теста с саморегуляцией (р)	120
Таблица 13. Связи показателей Игровой задачи Айова с другими переменными интеллектуально-личностного потенциала (р)	120
Таблица 14. Предикторы выполнения военными руководителями Айова-теста.....	122
Таблица 15. Корреляционный анализ показателей когнитивных репрезентаций риска с интеллектом и личностными свойствами (р)	130

Рисунки

Рисунок 1. Вариант рисунка-подсказки МЭП.....	70
Рисунок 2. Вариант рисунка-подсказки МЭП.....	70
Рисунок 3. Оценка приемлемости четырех видов альтернатив в шести ситуациях.....	74
Рисунок 4. Средние значения суммарных показателей выбора каждого типа альтернатив в предварительном и окончательном решении в процедуре МЭП.	87
Рисунок 5. Графическое представление значимых различий между группами военных руководителей	101
Рисунок 6. Суммарное количество выборов колод С и D в группах военных руководителей и гражданских лиц.....	115

Приложение 2. Методика эмоционального предвосхищения – МЭП

ВЕРБАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ

1. Вы с коллегами присутствуете на рабочем совещании. В ходе совещания начальник высказывает несправедливую критику в Ваш адрес в довольно резкой форме относительно Вашей работы, после чего ставит Вам очередные задачи на следующий период. Что Вы будете делать?		
Э-	P+	Вас огорчает несправедливая критика начальника, и после совещания в неформальной обстановке Вы обсуждаете эту ситуацию с коллегами.
Э+	P-	Вы сохраняете самообладание, выслушиваете очередные поручения, а после совещания наедине высказываете начальнику Ваши возражения относительно критики, подчеркивая его неправоту.
Э+	P+	Вы спокойно фиксируете очередные поручения, мысленно высказывая начальнику все, что о нем думаете.
Э-	P-	В ответ Вы выражаете начальнику во время совещания своё несогласие с критикой, доказывая Вашу правоту.
2. Имея право на внеочередной выходной, Вы хотите на следующей неделе посвятить один рабочий день домашним делам. Собравшись пойти к начальнику с этой просьбой, Вы встречаете коллег, от которых узнаете, что у начальника в настоящее время очень плохое настроение. Он очень зол, рассержен и ко всему относится критически. Что Вы будете делать?		
Э-	P+	Вы не станете обращаться к начальнику с этой просьбой, а просто решаете поставить его перед фактом.
Э-	P-	Вы сразу же обращаетесь к начальнику с просьбой о выходном.
Э+	P-	Вы считаете, что сейчас неподходящее время для просьб такого характера и решаете взять выходной в другой раз.
Э+	P+	Вы не идёте сразу, а дожидаетесь, когда у начальника улучшится настроение, затем обращаетесь к нему с просьбой о выходном.
3. Вы заняты важной и сложной работой, которую Вам поручили сделать сегодня. К Вам в кабинет входит Ваш коллега и обращается с просьбой помочь ему в решении срочной насущной задачи, требующей время. Что Вы будете делать?		
Э-	P-	Вы расстраиваетесь, что Вас отвлекают от работы, но помогаете коллеге в его деле, решая продолжить свою работу позже.
Э-	P+	Вы с раздражением в голосе говорите коллеге о том, что заняты и не сможете ему помочь, затем дальше продолжаете свою работу.
Э+	P+	Вы относитесь с пониманием к его ситуации, и, обозначая свою текущую занятость, высказываете сожаление, что сейчас никак не можете ему помочь. Вместе с тем, Вы рекомендуете ему обратиться к другому конкретному специалисту, который, как Вам известно, в данный момент менее занят.
Э+	P-	Вы выражаете готовность помочь коллеге в его деле, решая, что позже справитесь со своей работой.

4. Вам стало известно, что один коллега периодически плохо говорит о Вас за Вашей спиной, что, вероятно, неблагоприятно сказывается на Вашей репутации. Что Вы будете делать?		
Э+	P-	Вы постараетесь отвлечься от неприятной информации, занявшись каким-нибудь делом или еще каким-нибудь способом.
Э+	P+	Вы подойдете к коллеге и в спокойной атмосфере обсудите с ним его поведение, сказав ему, что Вам это неприятно, попросите так больше не поступать.
Э-	P-	Вы обижаетесь на Вашего коллегу и решаете больше с ним не общаться, только как по необходимости на формально-деловом уровне.
Э-	P+	Вы подойдете к коллеге и в довольно резкой форме скажите ему, чтобы не смел больше лезть не в свое дело.
5. Вы готовите на компьютере уже несколько часов текстовый документ. В процессе работы Вы случайно закрыли файл, не сохранив изменения. Что Вы будете делать?		
Э-	P-	В расстроенных чувствах решаете сегодня больше этим не заниматься.
Э+	P+	Вы принимаете случившееся и вновь приступаете к подготовке документа, решая, что в следующий раз нужно быть внимательнее.
Э-	P+	Выругавшись, Вы начинаете подготовку документа заново.
Э+	P-	Вы решаете отвлечься на некоторое время и заняться чем-то другим, а потом возможно вернуться к документу снова.
6. Сегодня Вы приглашены в гости к друзьям на день рождения, а у Вас грустное настроение, не располагающее к общению и веселью. Что Вы будете делать?		
Э-	P+	Вы идёте на день рождения в надежде на то, что общение с друзьями улучшит Вам настроение.
Э+	P-	Полагая, что в таком состоянии Вам не до веселья, Вы решаете остаться сегодня дома и размышляете о том, чем вызвано Ваше грустное настроение, и каким образом его можно изменить.
Э-	P-	Вы находите себе какое-нибудь интересное занятие дома, рассчитывая отвлечься от грустных мыслей.
Э+	P+	Собираясь идти на день рождения, Вы анализируете причины грусти, и стремитесь улучшить себе настроение каким-нибудь доступным Вам способом.

Приложение 3. Методика оценки когнитивных репрезентаций – МОКР

АНКЕТА ОСВЕДОМЛЕННОСТИ О РИСКАХ

Ф.И.О. _____

Перечислите как можно больше рисков, которые Вы лично связываете с профессией военнослужащего (но максимум 10), а затем отметьте, с какими из них Вы сталкивались лично или Ваши знакомые.

№ п/п	Наименование риска	Отметьте, если сталкивались лично или Ваши знакомые
1.		☐
2.		☐
3.		☐
4.		☐
5.		☐
6.		☐
7.		☐
8.		☐
9.		☐
10.		☐

АНКЕТА – ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РИСКА

Ф.И.О. _____

Оцените вероятность наступления нежелательных событий для жизни и здоровья, связанных с профессиональной деятельностью, лично для Вас, а также уверенность в собственном ответе.

Шкала вероятности: 0% – 10 – 20 – 30 – 40 – 50 – 60 – 70 – 80 – 90 – 100%

№ п/п	Фактор риска для жизни и здоровья	Вероятность наступления события (в процентах)	Уверенность в собственном ответе
1.	Воздействие поражающих факторов взрыва	_____ %	☐ определенно уверен ☐ скорее уверен ☐ скорее не уверен ☐ определенно не уверен
2.	Встреча с противником	_____ %	☐ определенно уверен ☐ скорее уверен ☐ скорее не уверен ☐ определенно не уверен
3.	Выход из строя оборудования	_____ %	☐ определенно уверен ☐ скорее уверен ☐ скорее не уверен ☐ определенно не уверен
4.	ДТП с участием военной техники	_____ %	☐ определенно уверен ☐ скорее уверен ☐ скорее не уверен ☐ определенно не уверен
5.	Падение с высоты	_____ %	☐ определенно уверен ☐ скорее уверен ☐ скорее не уверен ☐ определенно не уверен
6.	Поражение огнестрельным оружием	_____ %	☐ определенно уверен ☐ скорее уверен ☐ скорее не уверен ☐ определенно не уверен
7.	Психологические перегрузки	_____ %	☐ определенно уверен ☐ скорее уверен ☐ скорее не уверен ☐ определенно не уверен
8.	Радиационное облучение	_____ %	☐ определенно уверен ☐ скорее уверен ☐ скорее не уверен ☐ определенно не уверен

№ п/п	Фактор риска для жизни и здоровья	Вероятность наступления события (в процентах)	Уверенность в собственном ответе
9.	Сложные погодные условия	_____ %	☐ определенно уверен ☐ скорее уверен ☐ скорее не уверен ☐ определенно не уверен
10.	Химическое заражение	_____ %	☐ определенно уверен ☐ скорее уверен ☐ скорее не уверен ☐ определенно не уверен

А теперь предположите, как ответили на эти же самые вопросы новички и опытные военнослужащие.

Шкала вероятности: 0% – 10 – 20 – 30 – 40 – 50 – 60 – 70 – 80 – 90 – 100%

№ п/п	Фактор риска для жизни и здоровья	Вероятность наступления события для новичка (в процентах)	Вероятность наступления события для опытного (в процентах)
1.	Воздействие поражающих факторов взрыва	_____ %	_____ %
2.	Встреча с противником	_____ %	_____ %
3.	Выход из строя оборудования	_____ %	_____ %
4.	ДТП с участием военной техники	_____ %	_____ %
5.	Падение с высоты	_____ %	_____ %
6.	Поражение огнестрельным оружием	_____ %	_____ %
7.	Психологические перегрузки	_____ %	_____ %
8.	Радиационное облучение	_____ %	_____ %
9.	Сложные погодные условия	_____ %	_____ %
10.	Химическое заражение	_____ %	_____ %

Приложение 4. Связи показателей ориентировки в Игровой задаче Айова с переменными МЭП, характеризующими направленность на учет эмоционального контекста и разрешение ситуации неопределенности (ρ)

МЭП / Айова-тест	Прибыль (1 блок)	Прибыль (2 блок)	Прибыль (3 блок)	Прибыль (4 блок)	Выбор выигрышных колод (1 блок)	Выбор выигрышных колод (2 блок)	Выбор выигрышных колод (3 блок)	Выбор выигрышных колод (5 блок)	Выбор выигрышных колод за игру	Смена колод (1 блок)	Смена колод (2 блок)	Смена колод (3 блок)	Смена колод (5 блок)	Смена колод за игру
Ситуация 1. Приемлемость альтернатив ИЭ	-0,174	0,214	-0,165	-0,289	-0,179	-0,455*	-0,420*	-0,358	-0,452*	0,006	0,09	0,226	-0,225	0,069
Ситуация 1. Отражение ситуации	-0,059	0,041	0,161	0,105	0,242	0,225	0,415*	0,24	0,291	0,004	-0,144	-0,225	-0,082	-0,142
Ситуация 1. Помощь при выборе ответа	0,508**	-0,577**	0,04	0,219	0,331	0,164	0,311	0,135	0,172	0,149	0,208	-0,076	0,06	0,112
Ситуация 2. Приемлемость альтернатив ИЭ	-0,266	0,046	0,218	-0,086	-0,069	-0,141	0,192	-0,226	-0,078	-0,058	0,174	-0,437*	-0,124	-0,244
Ситуация 2. Приемлемость альтернатив РН	0,277	-0,176	-0,093	0,092	0,132	0,472*	0,021	0,099	0,27	0,178	0,277	0,264	0,281	0,353
Ситуация 2. Отражение ситуации	0,25	-0,109	-0,044	0,211	-0,04	0,480*	0,269	0,147	0,26	-0,06	-0,101	0,192	0,303	0,15
Ситуация 2. Правдоподобность эмоций	0,217	-0,106	-0,415*	0,086	-0,311	0,225	-0,237	0,08	-0,112	0,049	-0,055	0,337	0,289	0,313
Ситуация 2. Помощь при выборе ответа	0,336	-0,227	-0,294	0,482*	0,245	0,589**	0,054	0,468*	0,451*	0,212	-0,106	0,266	0,418*	0,261
Ситуация 3. Приемлемость альтернатив ИЭ	0,26	-0,334	-0,084	0,173	0,045	0,413*	0,085	0,17	0,174	-0,005	0,105	0,05	0,281	0,199
Ситуация 3. Приемлемость альтернатив РН	0,282	-0,17	-0,159	-0,089	-0,173	0,436*	-0,213	0,053	0,048	-0,034	0,03	-0,047	0,11	0,05
Ситуация 3. Отражение ситуации	-0,193	0,277	-0,262	0,041	0,113	0,046	0,042	-0,163	-0,107	0,414*	0,191	0,165	0,031	0,267
Ситуация 3. Правдоподобность эмоций	-0,246	0,288	-0,204	0,026	0,261	0,158	0,005	0,015	0,078	0,421*	0,053	0,168	-0,049	0,192
Ситуация 3. Помощь при выборе ответа	-0,103	0,108	0,059	-0,101	0,510**	0,321	0,02	-0,147	0,103	0,645**	0,095	0,273	0,339	0,489**
Ситуация 4. Приемлемость альтернатив ИЭ	0,068	0,151	-0,181	-0,076	0,355	0,462*	0,117	0,242	0,414*	0,06	0,285	0,175	0,086	0,215
Ситуация 4. Приемлемость альтернатив РН	0,371	-0,359	0,247	-0,011	0,19	-0,225	0,141	0,043	-0,021	0,048	0,440*	0,028	0,236	0,346
Ситуация 4. Отражение ситуации	0,055	0,012	-0,071	0,029	-0,28	0,09	-0,206	0,391*	0,137	-0,023	-0,26	-0,073	0,012	-0,042
Ситуация 4. Помощь при выборе ответа	0,405*	-0,274	-0,018	0,203	0,146	0,263	0,062	0,265	0,204	0,225	-0,187	0,151	0,004	0,151
Ситуация 5. Приемлемость альтернатив ИЭ	-0,272	0,024	0,228	0,175	-0,019	-0,391*	-0,013	-0,053	-0,195	-0,076	-0,238	-0,053	-0,377	-0,28
Ситуация 5. Правдоподобность эмоций	0,239	-0,09	0,192	0,125	0,475*	0,089	0,212	0,363	0,377	0,21	0,011	0,08	0,332	0,192
Ситуация 5. Помощь при выборе ответа	0,093	-0,004	0,265	0,045	0,531**	-0,098	0,287	0,363	0,295	0,281	-0,079	0,082	0,206	0,152
Ситуация 6. Приемлемость альтернатив ИЭ	0,13	-0,095	-0,158	0,085	0,112	0,448*	0,174	0,022	0,241	0,263	0,121	0,068	0,349	0,246
Ситуация 6. Отражение ситуации	0,496*	-0,347	0,095	0,032	0,269	0,132	0,209	0,14	0,268	0,523**	0,091	0,028	0,454*	0,323
Ситуация 6. Правдоподобность эмоций	0,263	-0,136	0,202	0,08	0,468*	0,055	0,473*	-0,005	0,239	0,337	0,121	0,074	0,377	0,297
Ситуация 6. Помощь при выборе ответа	0,137	-0,067	0,252	-0,092	0,554**	0,076	0,326	0,197	0,301	0,401*	-0,02	-0,006	0,288	0,216
Помощь при выборе ответа	0,29	-0,243	0,075	0,224	0,534**	0,292	0,312	0,275	0,33	0,389*	-0,031	0,129	0,307	0,26
Приемлемость альтернатив ИЭ	-0,134	0,006	0,034	-0,053	0,224	0,209	0,203	-0,113	0,127	0,119	0,397*	-0,004	0,019	0,122
Приемлемость альтернатив РН	0,37	-0,315	0,074	0,164	0,036	0,305	0,063	0,186	0,177	0,049	0,276	0,04	0,274	0,247

Примечание: Представлены показатели значимых связей: *p < 0,05; **p < 0,01.

Приложение 5. Матрица интеркорреляций интеллекта и личностных свойств на выборке военных руководителей (ρ)

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
1	1																										
2	0,648**	1																									
3	0,830**	0,863**	1																								
4	0,859**	0,840**	0,745**	1																							
5	0,881**	0,628**	0,888**	0,663**	1																						
6	0,854**	0,491**	0,537**	0,837**	0,505**	1																					
7	0,539**	0,890**	0,848**	0,631**	0,509**	0,423**	1																				
8	0,688**	0,816**	0,753**	0,797**	0,692**	0,492**	0,612**	1																			
9	0,432**	0,795**	0,534**	0,733**	0,415**	0,330**	0,520**	0,520**	1																		
10	-0,122	-0,028	-0,061	-0,091	-0,087	-0,127	-0,014	-0,018	-0,042	1																	
11	0,134	0,063	0,128	0,074	0,097	0,138	0,128	0,006	-0,01	0,125	1																
12	0,159	0,244**	0,185*	0,231*	0,177	0,096	0,143	0,193*	0,302**	0,097	0,058	1															
13	0,182*	0,213*	0,208*	0,199*	0,163	0,153	0,202*	0,175	0,152	0,125	0,505**	0,316**	1														
14	0,103	0,149	0,088	0,171	0,091	0,089	0,06	0,184*	0,164	-0,01	0,037	0,298**	0,083	1													
15	0,271**	0,245**	0,284**	0,246**	0,288**	0,176	0,200*	0,288**	0,144	0,112	0,351**	0,369**	0,492**	0,008	1												
16	0,05	0,056	0,058	0,051	0,015	0,075	0,092	0,096	-0,057	0,024	0,149	0,024	0,167	-0,021	0,149	1											
17	0,269**	0,300**	0,280**	0,306**	0,231*	0,236*	0,257**	0,294**	0,208*	0,128	0,617**	0,533**	0,701**	0,368**	0,654**	0,518**	1										
18	0,204*	0,1	0,16	0,151	0,216*	0,134	0,05	0,119	0,102	0,04	-0,168	0,043	0,034	-0,011	0,265**	0,146	0,099	1									
19	0,196*	0,116	0,135	0,184*	0,087	0,262**	0,152	0,118	0,004	-0,115	0,562**	0,023	0,295**	0,056	0,053	-0,015	0,275**	-0,299**	1								
20	0,178	0,091	0,158	0,117	0,143	0,167	0,13	0,185*	-0,092	0,256**	-0,089	-0,191*	-0,053	-0,047	0,162	0,058	-0,039	0,169	-0,059	1							
21	0,137	0,071	0,102	0,111	0,066	0,176	0,114	0,104	-0,053	0,053	0,304**	0,032	0,148	0,102	0,058	0,061	0,209*	0,029	0,281**	-0,102	1						
22	-0,344**	-0,425**	-0,381**	-0,412**	-0,381**	-0,209*	-0,275**	-0,493**	-0,355**	-0,029	0,088	-0,361**	-0,220*	-0,376**	-0,259**	0,024	-0,280**	-0,220*	-0,011	0,048	0,018	1					
23	-0,019	0,052	0,019	0,016	-0,04	0,009	0,081	0,044	-0,008	0,163	0,122	0,066	0,241**	0,131	0,256**	0,036	0,259**	0,078	-0,031	0,147	-0,005	-0,194*	1				
24	0,126	0,198*	0,133	0,200*	0,133	0,083	0,096	0,275**	0,17	-0,121	-0,143	0,194*	-0,035	0,054	0,135	-0,042	0,029	-0,018	-0,056	0,092	-0,103	-0,122	-0,276**	1			
25	0,072	0,233*	0,161	0,155	0,067	0,057	0,224*	0,242**	0,117	0,154	0,207*	0,200*	0,219*	0,229*	0,166	0,132	0,346**	0,171	0,171	0,009	0,324**	-0,298**	0,204*	-0,124	1		
26	0,290**	0,306**	0,203*	0,409**	0,204*	0,304**	0,144	0,311**	0,367**	0,024	-0,061	0,274**	0,121	0,109	0,154	0,062	0,201*	0,147	-0,031	-0,084	-0,01	-0,310**	-0,042	0,247**	0,158	1	
27	0,332**	0,284**	0,254**	0,378**	0,220*	0,363**	0,221*	0,358**	0,162	0,003	0,032	0,021	0,062	0,135	0,036	0,082	0,141	0,178	0,219*	0,251**	0,153	-0,253**	0,114	0,092	0,385**	0,249**	1

Примечание 1. Нумерация измеренных переменных: 1 – межличностный ЭИ (ЭмИн); 2 – внутриличностный ЭИ (ЭмИн); 3 – понимание эмоций (ЭмИн); 4 – управление эмоциями (ЭмИн); 5 – понимание чужих эмоций (ЭмИн); 6 – управление чужими эмоциями (ЭмИн); 7 – понимание своих эмоций (ЭмИн); 8 – управление своими эмоциями (ЭмИн); 9 – контроль экспрессии (ЭмИн); 10 – КОТ; 11 – планирование (ССП); 12 – моделирование (ССП); 13 – программирование (ССП); 14 – оценивание результатов (ССП); 15 – гибкость (ССП); 16 – самостоятельность (ССП); 17 – общий уровень саморегуляции (ССП); 18 – личностная готовность к риску (ЛФР); 19 – рациональность (ЛФР); 20 – толерантность к неопределенности (НТН); 21 – интолерантность к неопределенности (НТН); 22 – межличностная интолерантность к неопределенности (НТН); 23 – экстраверсия (ТИР); 24 – согласие (ТИР); 25 – добросовестность (ТИР); 26 – эмоциональная стабильность (ТИР); 27 – открытость опыту (ТИР).

Примечание 2. Представлены показатели значимых связей: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.